

Антон БОТЕВ

Антон Ботев родился в 1979 году в г. Кирове. В «Волге» дебютировал с повестью «Кот Шредингера» (№7-8, 2013), победившей впоследствии в литературной премии «Дебют» в номинации «Фантастика». Предыдущая публикация – «Карлыш и Малсон» (2020, № 11-12).

ПЬЯНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

История из русской смерти

– Тетрадь первая –

Хорошо бы поехать в Венецию зимой. Одеться в тогу, ходить по набережным, не зная латыни декламировать Вергилия и Горация, зависать в загородных палаццо с развратными итальянками. Но кто ж тебя пустит в Европу с российским паспортом. Блажь.

Еще лучше было бы тусоваться в Дублине. Дублин – город с ярко освещенными витринами, пабами, магазинами, отвратительной погодой, еще более тяжелой от того, что окна освещены; город, где хорошо чувствовать одиночество среди толпы, где хорошо и сладко страдать:ходишь в магазин, но у тебя нет денег, идешь в бар, но у тебя нет денег и компании; можно купить один кофе или посмотреть на прилавки, пока греешься от промозглого ирландского вечера, но служители быстро вычисляют таких, даже хорошо одетых, подходят, вежливо спрашивают по-английски, что угодно-с; если ничего не угодно, волей-неволей приходится уходить. С другой стороны Лиффи, в Темпл-баре, дым стоит коромыслом, сидят туристы из разных концов света, играет кельтская музыка, так, что и не поговоришь ни с кем. В пригородах унылые одинаковые домики, даже погреться некуда зайти, может, только в церковь. Вот так устроено ирландское одиночество, да и любое северное, шведское, например, или датское.

Но с российским паспортом в Ирландию еще сложнее попасть, чем в Италию.

Хотя и здесь у нас в России одиночество устроено в целом так же. Когда тебя, например, выписывают из больницы или из изолятора временного содержания, в какую больницу или изолятор ты попал не по собственной воле, но как-то свыкся, и уже готов провести там столько времени, сколько понадобится, а еще лучше и в два раза больше, чем понадобится, а то и вообще не выписываться, – когда тебя выживают не по твоей воле, как и вписали, – и когда ты выходишь из больницы (изолятора), возвращаешься в общагу и узнаешь, что тебя выселили и оттуда, и снова не по твоей воле, забираешь у коменданта вещи, хранящиеся в кладовке, а белье они реквизируют и сами – вот тогда твое одиночество точно не хуже ирландского, и итальянского не хуже. В России от твоей воли ничего не зависит. И тебе некуда идти, только вернуться в свой город, уж там-то ты как-то прожил целых шестнадцать лет до поступления в институт, прежде чем мыкаться по общагам и городам, там как-нибудь разберешься, что делать, там родители, одноклассники не все уехали, можно пересидеть, осмотреться и понять, что делать дальше. Возможно, даже домой не стоит соваться, с матерью не переписывался и не созванивался уже полгода, она и не знает, где ты сейчас, был ты в больнице или в изоляторе временного содержания, или нигде не был. Но все равно это родина, почему-то все равно тянет на родину, иррационально это кажется единственным местом, где можно передохнуть от своего прекрасного одиночества.

На привокзальной площади за несколько метров до промежуточной безопасной цели меня задержали менты. Их было трое. Сержант Бзмздз, сказал один, ваши документы. Я подал ему паспорт. Тааак, так, сказал он. А где штамп о регистрации? Послушайте, я домой еду, сказал я. Вот мой билет. Они посмотрели на мой билет без большого интереса. Билет ладно, а долго вы в Перми? Где билет о вашем прибытии в Пермь? Я показал другой билет, еще весенний. Ну смотрите, прошло уже гораздо больше тридцати суток, сказал сержант Бзмздз. Ну вот же у меня билет, я уезжаю, сказал я. Непорядок все равно, сказал сержант. Нам полагается вас задержать и проверить, что вы тут так долго делали. Но у меня же поезд через полчаса. Ну что поделайте, купите другой билет, один, что ли, поезд на свете. «Пройдемте» он не говорил, значит, у меня оставался шанс. Я защищал здесь диссертацию, сказал я. Что-о, спросили менты. Защищал диссертацию. Вернее, предзащищал. У меня автореферат с собой, могу показать. Ну, покажите, разрешил сержант Бзмздз. Я достал из сумки автореферат. У меня там было еще четырнадцать таких же. Я решил, что одного не жалко. Хотите, можете себе оставить, сказал я. Да зачем он нам, сказал сержант, хотя в глазах у него было сомнение: все-таки книжка. А вот ладно, сказал он мне, мы сейчас и проверим: как она называется? Что называется? Да вот книжка эта ваша. В смысле, диссертация? Ну да. О свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью, сказал я. А вот и неправильно. Что? А! О *некоторых* свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью. О, вот теперь правильно. Они, кажется, не знали, что со мной делать дальше, с такой отмазкой они явно не встречались. Вдруг запахло этиловым спиртом. Ладно, все, идите, и больше чтоб регистрационный режим тут не нарушали, заторопились вдруг менты. Все, бегом, закричал сержант, протянув мне мой паспорт. Отойдя, я оглянулся и увидел, как они собрались в кружок и что-то обсуждали, взволнованно показывая руками в разные стороны и с испугом оглядываясь.

Я прошел под часами через конкорс, купил бутылку пива «Вятич», нет, даже две, пожалуйста, нет, пожалуйста, три, а еще в киоске были игральные карты, уральские сувениры, бурдюк для вина, календарики, мягкие игрушки, зажигалки и сигареты, дорожные шахматы и так далее. Нет, ладно, четыре бутылки. Молодой человек, вы уж определитесь. Я успел пройти по подземному переходу к поезду как раз перед тем, как он тронулся: оказывается, часы на вокзале отставали на десять минут, и задержись я еще на тридцать секунд, я бы не успел. Я бы не успел. Я вошел в вагон, когда поезд уже был на ходу. На перроне слышались крики, и я испугался, что это сержант Бзмздз с товарищами. Хорошо, что они не успели меня обыскать, ведь я успел позаимствовать кое-что и в больнице, и в общежитии; но нет, это бежала за поездом девушка красоты необычайной, то есть для меня красоты необычайной, другой бы назвал ее внешность просто интересной, а иной бы остался к ней равнодушен. У проводника не было времени на ходу просмотреть ее билет, поэтому мы с ним просто втащили ее в вагон. Поезд мчался уже с приличной скоростью, когда на платформу выскочили полицейские вместе с санитаром из больницы. Полицейского я не узнал, а вот санитаря узнал. Узнал, узнал я санитаря. Он был в медицинской шапочке и в халате, как и все санитары на свете, но это был *мой личный* санитар. Они свистели в свисток и махали руками, но поезд, конечно, и не подумал остановиться. Это фигура речи, понятно, поезда не умеют думать. Ну хорошо, машинист не подумал. Ведь поезд должен прийти в пункт назначения по расписанию, ему нельзя опаздывать, тем более ради какого-то санитаря в шапочке и халате.

Итак, поезд не остановился, чему я был очень рад. Ваш билет, сказал проводник девушке. Вот мой билет, сказала девушка. Какой же это билет, засмеялся проводник, поглядывая на меня с таким выражением, словно приглашая посмеяться вместе. Ха, ха, ха! А что это, разве не билет, спросила девушка. Это билет, конечно, сказал проводник, но это билет на электричку. Ну, и? А это скорый поезд. В Шале он не остановится. Если туда электричкой ехать, то это от Перми или от Екатеринбурга, как раз пересадочная станция. То есть можно, в принципе, где угодно выйти, отовсюду доедете. Но мы между Пермью и

Екатеринбургом не останавливаемся, потому что наш поезд суперскорый! Представляете, если я сейчас стоп-кран дерну и вас высажу, какой штраф вам выпишут? Ближайшая остановка Екатеринбург. Что же мне делать, сказала девушка. Вас по инструкции полагается посадить на ближайшей станции, а это, как я и сказал, Екатеринбург, обстоятельно пояснил проводник. Оттуда доедете, так что вам-то хорошо. Но вот сейчас пройдет инспектор, мне из-за вас попадет. Девушка, вы понимаете, что вы меня подставляете? – закричал внезапно он. На груди его значилось, что зовут его Федор Михайлович. Извините меня, сказала девушка. Извините на хлеб не намажешь, в карман не положишь, сказал Федор Михайлович. Ладно, ждите, сейчас все билеты проверю, к вам вернусь. А ваш билет, сказал он мне. Я показал билет. А, вы из соседнего вагона. Постерегите ее пока, молодой человек. И он ушел проверять билеты у прочих пассажиров, в смысле более тщательно проверять, чем при посадке, предлагать им чай, спрашивать, что они будут на обед: курицу или мясо, а также предлагать настольные игры и сувениры.

За окном меж тем пейзаж двигался с большой скоростью. Город уже закончился, но лес еще не начался. Мелькали какие-то случайные строения, отдельностоящие группы деревьев, поля и линии электропередачи и недостроенные или полуразрушенные заводы, производящие товары народного потребления. Только что рассвело, но не это было главной проблемой. Я все думал о том санитаре – чего ему нужно было на вокзале? Вряд ли он появился там случайно и вместе с полицией дул в свисток. Искал ли он меня, а если искал, то нашел ли? Снега еще почти не было, но иногда он лежал, отдельными пятнами, первый снег, которому предстоит скоро растаять. Собственно, он уже начал таять, просто растаял не весь. Даже отдельные пятна делали весь пейзаж черно-белым, это интересный феномен, ведь белого почти не было, в основном черное и серое. Ну, небо еще. Видимо, взгляду хотелось больше белого, больше света, больше радости! И от того пейзаж правомочно было назвать черно-белым, а не, скажем, черно-серым или серым. Деревья и избы были черными, все остальное серым или белым, или опять черным, и не было ничего цветного снаружи, как будто смотришь не в окно, а на экран, где показывают древний фильм.

Вы правда не знаете, чем электричка отличается от скорого, спросил я. Она не ответила. Меня зовут Вася, сказал я. А вы правда намереваетесь за мной следить, спросила она. Да что вы, я, наоборот, намереваюсь следить за Федор Михайлычем, ответил я, кажется, весьма остроумно. За кем? Ну, за проводником. Меня Галя зовут. Может, давайте на ты будем? А вот, кстати, и он. Кто? Федор Михайлович.

Федор Михайлович, завершив свой труд по ознакомлению новых пассажиров с распорядком дня, расписанием, по сбору заказов на чай и обед, проскользнул мимо нас. Минутку, сказал он. Сейчас подойду. Да не стойте вы на проходе, заходите сюда, – и он открыл служебное купе. Мы зашли, и дверь за нами с щелчком захлопнулась. Мы в ловушке! Когда этот Екатеринбург-то будет, сказала Галя. А потом сказала: нравится вам моя прическа? Прическа как прическа на самом деле. Но я сказал, хорошая прическа, отличная прическа. Она улыбнулась, потому что так и думала. А сами-то куда едете, спросила она. Я в Шалю, но это вы уже и так поняли. А я в Ебург. Зачем? Думал дома отсидеться. Потом из Ебурга на самолете в Киров. В смысле отсидеться? Тут я сообразил, что не хочу ей рассказывать о больнице и об общаге. Мало ли, что это за девушка подозрительная, может, ее комендант послал. Поэтому я ей просто сказал: был здесь в педи, предзащищался, а на какую тему, а на тему «О некоторых свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью». О, интересно, сказала Галя, эм-устойчивость там, да? Да, отвечал я несколько удивленно. Вот у меня как раз автореферат с собой, могу дать почитать. А давай, согласилась Галя. Откуда вы про эм-устойчивость-то знаете, допытывался я. Ну кто ж этого не знает, сказала она. А позвольте осведомиться, зачем такая просвещенная девушка едет в Шалю, спросил я. Я не расслышал, кажется, она назвала меня на ты, поэтому я пока решил говорить с ней безлично, чтобы не попасть в глупое положение. Да очень просто, сказала она, дело в том, что у меня там... парень? –

она задумалась. Все сложно, спросил я. Нет, нет, все просто, сказала она. У меня там парень, но я пока ни разу его не видела, скажем так. Ну, вживую не видела. Так, переписывалась. А, то есть это как бы первое свидание? Ну, типа того. А прическа класс, сказал я. Спасибо, сказала она.

Больше как-то и говорить было не о чем. Она уткнулась в мой автореферат, а я в проплывающий (или пролетающий) за окном пейзаж. Вдруг меня посетила счастливая мысль. Как насчет пива, спросил я. Пиво? У тебя есть с собой пиво? Местное пиво, не совсем местное, из Кирова, называется «Вятич», говорят, неплохое, сказал я, понятия не имея, плохое оно или неплохое. Ну что ж, можно и пива, сказала она. Я достал из рюкзака бутылки. В отечественных вагонах есть очень удобные отверстия под столиками, как раз для того, чтоб открывать пивные бутылки. Каждый стал пить из горлышка. У меня была знакомая девушка, сказал я, которая открывала пиво глазом. Галя, приняв от меня угощение, по неведомым психологическим законам теперь должна была развлечь меня беседой. Хорошо, что она тоже это понимала. Но она не успела, потому что дверь купе отъехала, и к нам вошел проводник Федор Михайлович. Полюбуйтесь, трагически сказал он, уже пьют пиво. А вы знаете, молодые люди, что это купе – это суперрезерв, и оно хранится только для самых экстренных случаев? Только у начальника поезда есть от него ключ. Даже у меня его быть не должно. Но он же у вас есть, сказал я. Случайно оказался, сказал Федор Михайлович. А вы знаете, что это вот ученый, математик, он едет на конференцию в Екатеринбург, сказала Галя. Правда, что ли, спросил Федор Михайлович. Да, по потоковым шифраторам, сказал я. Вот, смотрите, и я вручил ему свой автореферат. Держите, почитаете на досуге о некоторых свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью. Это мой доклад. А я его буду сопровождать, сказала Галя. Может быть, мы можем оплатить это сверхсекретное купе, правда, по обычной ставке, и проедем в нем до Екатеринбурга? И я оплачу свой билет, и у вас проблем не будет? Если понадобится купе, мы его сразу освободим, правда, Василий Антонович? Да, я кивнул важно. Освободим, о чем разговор вообще.

Когда переговоры были завершены и деньги уплачены, я сказал: еще два вопроса. Да, угодливо сказал Федор Михайлович. Если нам нужно будет выйти проветриться... Все ясно, сказал Федор Михайлович. Постучите три раза вот в эту стенку. А если вас не будет на месте? А если меня не будет на месте, постучите через минуту. А если нам срочно? В общем, долго рассказывать, но уговорили Федора Михайловича, и он оставил на ключ под нашу научную ответственность и дополнительную оплату в счет залога.

Когда он ушел, Галя наконец реализовала свою психологическую обязанность меня развлечь. Из ее рассказа я узнал, что:

- она жила (живет) в самой Москве, отец у нее профессор и тоже занимается корреляционно-иммунными функциями с высокой нелинейностью;

- однажды ей позвонил сотрудник «Сбербанка» и сказал, что с ее счета кто-то пытается снять 8 600 рублей. Она удивилась, потому что у нее не было никакого счета в «Сбербанке», и она так и сказала этому сотруднику. Ну что ж, давайте разбираться, сказал сотрудник, как такое могло с вами случиться. И она ему рассказала все о себе: и как ее зовут, и где она живет, и даже что отец ее занимается корреляционно-иммунными функциями с высокой нелинейностью. В оправдание ей можно сказать, что о телефонных мошенниках тогда еще никто не слышал, и еще можно сказать в ее оправдание, что голос, с которым она имела беседу, был таким мужественным и в то же время добрым, что она, может, о чем-то если и догадалась, с удовольствием говорила бы и говорила с ним. Я тогда была в постпубертатном состоянии, понимаешь, сказала она. Голос был с легкой хрипотцой, спокойным, полным собственного достоинства – голоса всех знакомых математиков, и отца, и его друзей, и ее одноклассников из 57-й школы, и всех ее сокурсников были на фоне этого голоса истерическими и... и... какими-то изнеженными, что ли. Я с трудом удержался от вопроса, как ей нравится мой голос, точно так же, как она

спрашивала у меня, как мне нравится ее прическа. С другой стороны, голос не прическа, его поменять сложнее;

– этим дело не ограничилось. Закончив университет, она после череды смен работ устроилась аналитиком в одно агентство, где занималась исследованиям рынков самых разнообразных продуктов. В частности, в какой-то момент ей поручили заниматься рынком ПЭТ-ЛФ, и когда она им занималась, ей позвонил некто с предложением купить или продать партию ПЭТ-ЛФ. Событие само по себе странное, но, мало того, это был тот же знакомый голос сотрудника «Сбербанка»! Она дала ему адрес своей электронной почты, они переписывались, созвонились даже еще несколько раз, но, поскольку покупать она у него ничего не собиралась, а хотела только выведать что-нибудь о совершенно ей не знакомом рынке ПЭТ-ЛФ, он никак ей не помог и довольно невежливо оборвал общение. Это был очевидно чоткий молодой человек;

– этим дело опять не ограничилось. Ей звонило все больше и больше народу, предлагая заменить пластиковые окна, купить волосы, избавиться от пьянства, поставить новый счетчик, продать диплом или автомобильные права, предложить поучаствовать в афере по получению наследства недавно умершего богача из какой-нибудь ближнеафриканской страны, сообщить о плохих результатах медицинских анализов и необходимости срочного лечения или, по крайней мере, лекарства. При этом все звонящие более или менее правильно указывали ее адрес и состав семьи, но почему-то больше все звали ее Лукерья Потаповна или Олимпиада Агафоновна. И звонки все были на какие-то неприятные темы: все пытались ее развести на бабло или просто сообщить плохие новости. Один назойливый мужчина все пытался купить у нее ночь любви или хотя бы единоразовый минет и все никак не мог поверить, что она не проститутка. Бывали и другие противные звонки;

– приятный звонок поступил только от того работника «Сбербанка» (бывшего работника, уточнил он) и специалиста по ПЭТ-ЛФ. Он позвонил ей, правильно назвал ее имя и с ходу сообщил, что она сорвала джек-пот в лотерее. Только сначала нужно было перевести часть суммы в качестве налога, без этого приз не выдавали. Никаких схем обхода лотереи, спасибо, ему хорошо платят, не хотелось бы из-за призрачного обмана лишиться хорошей работы, если вы так понимаете. А если вы тоже против коррупции, то вы меня поймете и без предыдущего уточнения. Приз был приз-сюрприз. Она слегка сомневалась, конечно, но деньги перевела, тем более что просили немного, и тем более главным было слышать его голос. Куплю себе немного его голоса, объясняла она это себе. Потом потребовались деньги на услуги адвоката. Потом объявилось еще несколько победителей, приз-сюрприз решили продать, а деньги поделить на всех. Но один из новых победителей захотел рискнуть и определить единственного победителя. Для него провели фальшивый розыгрыш и отцепили его с маленькими откупными. А ведь на все это нужны деньги. Так что в итоге, когда деньги все-таки пришли, выгода была совсем небольшая. Но выгода была. Примерно как если бы она эти деньги положила на депозит и получила назад с процентами. Кроме того, человек из «Сбербанка» (будем называть его не Павлом, как он представился, а Пашей, как сначала про себя, а потом и вживую стала называть его Галя), – кроме того, Паша, чувствуя неловкость перед Галей, купил ей от себя, дистанционно, конечно, букет цветов и заказал доставку курьерской службой по новому адресу. Она как раз переехала от родителей и стала вместе с подругой снимать квартиру в Мытищах;

– конечно, она общалась с Пашей не только по телефону. У него была также электронная почта, но не было никаких соцсетей. Только хардкор, только e-mail. Но вот что характерно: общение по и-мэйлу с Пашей не доставляло ей никакого удовольствия. В своих письмах, высылаемых с неохотой и только по предметам, которые не укажешь в телефонном разговоре (например, выслать свои документы или дикпик, в итоге дошло и до этого), он представал грубым, неотесанным, невежливым, глупым, попросту безграмотным, скабрезным, *опасным*. Зато по телефону он был утонченным,

рафинированным, учтивым, умным, начитанным, с великолепным чувством юмора, не говоря уже о том, что также мужественным и чотким. И разговоры, и письма случались нерегулярно, он часто бывал недоступен и отказывался от всех встреч;

– и вот только недавно он признался, что живет не в Москве и даже не в ближнем или дальнем Подмосковье, а в Шале, владеет маленькой фирмой по производству ПЭТ-ЛФ и, кроме того, сотрудничает с банками и лотереями, исключительно для подработки. Одна такая лотерейная компания обанкротилась (или с самого начала была *мутная*), и Паше пришлось выплатить часть полагающегося ей выигрыша из своих денег. Но это ничего, говорил он, я как раз снимаю фильм, новое слово в кинематографическом искусстве, и неспешно провожу кастинг. Я уверен, ты идеально подойдешь. Есть один маленький недостаток: все это в Шале. Но, если хочешь, приезжай. Но я пойму, если не хочешь. Но все-таки, если хочешь, приезжай;

– Галя была заинтригована разницей между телефонным и почтовым Пашами (если что, к этому моменту она уже умела разбираться в себе и в своих подавленных комплексах), а также его дикпиками (поиск по картинкам показал, что стыренными с разных порносайтов) – и она взяла на работе двухнедельный отпуск – и вот, приехала. Мы должны встретиться сегодня в два в Шале, говорила она. Нужно позвонить ему и предупредить, что я не успеваю. Но он, как обычно, не берет трубку. Кстати, как тебе моя прическа?

Все это она рассказывала частично в секретном купе, частично в вагоне-ресторане, куда мы ходили пополнить запасы пива «Вятч», частично снова в купе, частично снова в вагоне-ресторане, с, естественно, перерывами (достаточно многочисленными) на отлучки в туалет. Во время этих отлучек порой приходилось отстаивать очередь в два-три человека, но обычно все-таки не приходилось; иной раз мы заказывали чай, стаканы из-под которого Федор Михайлович во имя сохранения секретности и неизменности купе сразу выносил; короче, соблюдали конспирацию и вели себя как обычные пассажиры. Никто нас ни в чем не заподозривал, никаких вопросов не задавал. Федора Михайловича попускало. Смотрите в окно, сказал он нам, в очередной раз забирая стаканы. Минут через пять будет Шаля, куда вы так стремились, а потом, через два часа – Екатеринбург. Там уж вам, девушка, придется выйти.

Я представил, что на вокзале в Екатеринбурге меня ждут представители ведомства здравоохранения или управления общежитий, а то и того и другого сразу, и похолодел. Впрочем, алкоголь уже начал свое целительное воздействие, и решил так: Э, будь что будет! Чего-нибудь да придумаем! Еще представится шанс сбежать! Однова живем! Он не получка, не аванс! – и так далее. Так я решил. Но похолодела и Галя, естественно, я ее не щупал, но как-то ощутил, некий *холод*, что ли. Она сказала мне: там наверняка на перроне стоит Паша! Что если он догадается, что мы едем в этом поезде, он же очень проницательный, позвонит мне и спросит? И тогда я, конечно, не смогу соврать! И скажу ему, что еду в этом поезде. И тогда он скажет мне сорвать стоп-кран. И я, конечно, не смогу ему отказать. Нехорошо срывать стоп-кран, сказал я ей. Да, я согласна, что нехорошо, сказала она, но отказать ему я не смогу... Может, тебе не брать трубочку, сказал я. Нет, этого я тоже не смогу. Что же делать, что же делать...

Мы стали думать и придумали следующий выход. Договорились, что я ее привяжу к верхней полке, как Одиссея перед островом сирен, сам надену наушники и включу громкую музыку, а ее телефон поставлю на громкую связь. Тогда она всегда сможет сказать Паше, что остановить поезд не может, привязана, а я, будучи в наушниках, не поддамся чарам Пашиного голоса и тоже не смогу остановить поезд. Таким образом, они договорятся о новом времени встречи, и мы безопасно минуем Шалю. Это, конечно, если он позвонит.

Она дала мне свои наушники и плеер; на верхней полке были специальные ремни, чтоб дети и пьяные пассажиры не сваливались вниз; чтобы Галя не смогла отвязаться, руки ей я сковал наручниками для секса (были в Галином багаже), и этими же

наручниками приковал ее к трубе, ведущей на нижнюю полку. Как бы случайно я коснулся ее груди. Руки убрал, зашипела она. Сделаешь так еще раз – закричу, и никакой Федор Михайлович не поможет. Я случайно, сказал я. Ну вот и прекрасно, сказала она, ты меня понял. Приготовили телефон, а выбрать песню в плеере не успели. Показались дома с огородами, даже несколько панельных каменных, и вот, наконец, вокзал. Поезд как раз чрезвычайно замедлил ход, и казалось, остановится, но нет, не остановился. На перроне стояло несколько человек, по-видимому, ожидавших электричку в Пермь, или из Перми, или ничего не ожидавших. Все были одеты бедно и, я бы сказал, провинциально. Вот он, вот он, взволнованно задышала Галя. Я не понимал, о ком идет речь, потому что мужчин с телефоном на перроне было несколько, и все они, на мой взгляд, были одинаковы. Он сейчас будет звонить! Как будто мне прямо в душу заглянул, он меня увидел! – продолжала Галя. Да кто он-то? Ну он, коротко стриженный. Мне эта информация не помогла, она одновременно была и излишней, и недостаточной, так как все по случаю мороза были в шапках, но Галин телефон действительно зазвонил. Все, включай музыку и ставь на громкую связь, закричала она. Я слушал незнакомую мне песню о производстве¹ и видел практически незнакомую мне прекрасную женщину, пьяную, связанную, с богатой, как стало ясно, мимикой, и это был практически видеоклип. Интересно было наблюдать за сменой выражений на ее лице: от радости к растерянности, от растерянности почти сразу к плачу. Она пыталась, видимо, сказать что-то мне, может быть, чтобы я ее освободил, или, может, еще что-то сделал, но нет, нет. Мы, Агибаловы, свое слово держим. Закончилась одна песня, началась другая², а она все говорила и говорила. По виду оправдывалась. Потом я увидел, что связь прервалась, и выключил плеер. Сразу стали слышны две вещи: рыдания Галины и условный стук Федора Михайловича в дверь. Первая была интереснее и сложнее, зато вторая потенциально важнее. Я быстро отомкнул наручники и отпер дверь.

Что там у вас происходит, рассерженно вскричал Федор Михайлович, когда дверь открылась. Он был необычайно бледен. Никогда не видел таких бледных проводников поезда. Что, проверка, догадался я. Нет, никакая не проверка, но купе нужно освободить. Подсадят одного очень важного человека, я даже не буду говорить кого. Никогда не

¹ Вот ее примерный текст, в строчку, конечно, чтобы занимал меньше места: Производство производство производство ничего производство производство это благо или зло производство производство все чего-нибудь не так это благо производство это зло или пустяк производство производство производство ничего это благо производство это благо или зло производство производство как-то так это благо производство это зло или пустяк производство производство это всякий может пить производство это скотство может вас оно убить это темный может пить это темный может пить это темный может пить производство производство может вас оно убить производство производство и технический прогресс производство производство дунул плюнул и исчез это темный может пить это темный может пить это темный может пить это темный может пить производство производство может вас оно убить производство бытия производство пустоты производство это я производство это ты это темный может пить это темный может пить это темный может пить это темный может пить производство это скотство может темного убить производство производство производство ничего производство производство это благо или зло производство производство все чего-нибудь не так это благо производство это зло или пустяк производство производство производство ничего это благо производство это благо или зло производство производство как-то так это благо производство это зло или пустяк

² Вот ее примерный текст, в строчку, конечно, чтобы занимал меньше места: Желтые таблетки желтые таблетки желтые таблетки лечат от всего мне не помогают желтые таблетки пропиши мне врач другое вещество прописал мне доктор красные таблетки красные таблетки лечат от всего мне не помогают красные таблетки пропиши мне врач другое вещество синие таблетки синие таблетки синие таблетки лечат от всего пропиши мне доктор синие таблетки пропиши мне доктор это вещество синие таблетки синие таблетки ничего не лечат, лечат ничего пропиши мне доктор черные таблетки пропиши мне доктор это вещество черные таблетки черные таблетки черные таблетки лечат от всего мне не помогают черные таблетки пропиши мне врач другое вещество мне не помогают желтые таблетки мне не помогают красные таблетки мне не помогают синие таблетки мне не помогают черные таблетки мне не помогают белые таблетки мне не помогает доктор ничего мне не помогают новые таблетки мне не помогают старые таблетки мне не помогают круглые таблетки мне не помогают крупные таблетки мне не помогают мелкие таблетки мне не помогает доктор ничего мне не помогает доктор ничего пропиши мне врач иное вещество!

думал, что мне доведется... он был чрезвычайно взволнован. Но позвольте, мы уплатили, вмешалась распутавшаяся Галя. Вот ваши деньги, сказал Федор Михайлович, и выметайтесь, не то путевую милицию вызову. До Екатеринбурга два часа, как-нибудь перекантуетесь в вагоне-ресторане. Я распоряджусь, чтоб вам бесплатный комплексный обед выдали. Лучше по два пива, сказала Галя. Хорошо, по два пива, сказал Федор Михайлович.

Итак, давай рассуждать логически, сказал я. Давай, сказала Галя. Я думаю, так. Я думаю, если важную шишку подседают в наше купе, значит, раньше ее там не было, так? Так. Тривиально. Далее, раз ее не было в купе, значит, ее нет и во всем поезде, иначе ее бы с самого начала к нам подселили. Потенциально спорно, но допустим, сказала Галя. Далее, если ее нет в поезде, она должна как-то туда попасть. Куда, спросила Галя. Сюда, внутрь поезда снаружи. Логично, сказала Галя. Задача для первоклассника. Далее, для того, чтобы попасть внутрь поезда, необходимо открыть двери поезда! И остановиться, добавила Галя. Вот! Именно! И остановиться! Остановиться и открыть двери! Потенциально спорно, но допустим, сказала Галя. И что? Дальше мы вступаем в область предположений, сказал я. Если мы остановимся, чтоб посадить шишку, уж наверное это будет какая-то станция? Теоретически мы можем остановиться в чистом поле, но это мне кажется маловероятным. Галя промолчала и не сказала, что это потенциально спорно, ведь я предупредил ее, что мы вступили в область предположений и допущений, и я продолжал: и раз там есть станция, причем достаточно крупная для шишки, мы можем там выйти и перехватить ближайшую электричку до Шали! И ты поскорее доберешься до своего Паши. А что если там нет станции, спросила Галя. Ну, мы можем посмотреть в окошко, и если увидим цивилизацию и инфраструктуру, то выйдем, а если не увидим, то и ладно, доедем до Ебурга. Ну что ж, звучит как план, сказала Галя, и я распорядился у барной стойки выдать нам оставшееся полагающееся пиво, но не открывайте, мы сами потом откроем.

В положенное время поезд замедлил ход и стал останавливаться. Через окно мы увидели перрон, ларек кассы, фонари вдоль перрона и какое-то огромное здание неподалеку. Перрон был уставлен багажом, который перетаскивали туда-сюда многочисленные люди, а руководил ими человек в генеральском кителе и в лампассах. Другой человек в генеральском кителе, но без лампасов и в ушанке со звездой, стоял неподалеку и просто наблюдал. Цивилизация, таким образом, присутствовала. Ну что, сказал я, выходим? Галя только молча кивнула. Она, очевидно, нервничала перед скорой встречей с любимым. Попыталась позвонить, но связи не было. Ничего, что связи нет, спросила она меня. Ничего, сказал я, ведь это же тайга. Ну ладно, сказала она, и мы вышли.

Багаж заносили минут пять, и все в духе Бастера Китона: то с одного из носильщиков сваливалась шляпа, то из окна секретного купе выпадал чемодан, то кто-нибудь поскользнулся на банановой кожуре. Наконец все было погружено, погрузился и генерал с носильщиками, поезд тронулся, и только что-то кричал нам сквозь оконное стекло проводник Федор Михайлович, но из-за хорошей звукоизоляции нам было не слышать, что именно. Пусто стало на перроне, остались только мы и человек в генеральском мундире и ушанке со звездой. Наверно, он тоже ждал электричку в Шалю. Мы подошли к нашему новому попутчику.

– Не знаете, когда электричка на Шалю?

– Что? Нихът панимайт! – закричал он на нас. Да ведь это иностранец. И правда, по всему теперь было видать, что это иностранец. И мундир на нем был фальшивый, и ушанка фейковая, сувенирная, а приглядевшись, мы заметили, что на нем еще надеты кирзовые сапоги и галоши, расписанные под лапти. Говорить по-русски он не умел и все время повторял «нихът панимайт».

Мы отправились спросить в кассу, но ее бетонная коробка оказалась пустой и заброшенной, и только ветер гулял в ее некрашенных стенах. Когда-то здесь жгли костер и

пили пиво «Вятич», а может быть, «Рифей» или «Трифон», но теперь тут было пусто, холодно и мертво. Явно не было тут больше веселья и радости, очевидно, царивших в этом месте в иные времена. Но тем не менее перрон был, и ни один фонарь не был разбит, правда, ни один и не светил, но было еще достаточно светло, чтоб дожидаться электрички в любую сторону и уехать в настоящую цивилизацию, а не фейковую, как ушанка иностранца.

Раздался стук колес поезда, идущего в направлении Перми (и, соответственно, Шали). Мы выскочили из кассы. Это оказался грузовой. Галя стала махать ему, чтоб он остановился, но, разумеется, безуспешно. Иностранец стоял и безучастно смотрел на все пустыми глазами. Мы пытались говорить с ним на разных языках, спросить его, как он попал-то сюда, но он отвечал только «нихът панимайт» или «муа-туа не компран па».

Платформа переходила в мост через маленькую быстротекущую речку. Не помню, упоминал ли я, но был ноябрь, причем теплый для ноября. Земля, конечно, была холодная, но еще даже не промерзшая – чуть выше нуля, и речка еще не замерзла, может быть, плюс пять. И вот мы стояли на железнодорожной платформе-мосту и смотрели на то, как течет река. Миллионы людей писали или говорили о том, что можно делать вечно, обязательно упоминая течение воды, горение огня и третий компонент, переменный; я бы сказал, что можно вечно смотреть на то, как течет эта река, и ждать поезда. Галя поморщилась от моей пошлости, но сказала, что, видимо, вечно ждать и будем. Долгое время ничего не происходило, только текла река и дышали мы с Галей и иностранцем, но потом все-таки что-то произошло. Нечто весьма интересное. Не знаю, с самого начала посередине реки стояла полицейская машина или въехала туда, пока мы отвернулись или, может, моргнули. Если была с самого начала, то была настолько вписана в пейзаж, что не обращала на себя никакого внимания. В любом случае я ее заметил только на середине. Не знаю также, была ли она неподвижна ранее, но она вдруг стала двигаться к берегу, это было практически под мостом, чуть ниже моста. Она почти достигла берега (левого), но река у этого левого берега стала вдруг существенно глубже, и машина погрузилась в воду практически до середины стекол. Тем не менее машина продолжала ехать, она продолжала бороться, и мы все с волнением и сочувствием, но и с некоторым любопытством следили за ней. Вот она своей кабиной уже почти выбралась на берег, но заглохла. Дверь была покрыта водой, но не настолько, чтоб ее нельзя было открыть, вот она и открылась, и оттуда вывалился огромный полицейский, который вошел в реку и стал толкать машину сзади. Я бросился на помощь, ухватился за нее спереди и стал тянуть. Галя и иностранец остались на платформе ждать поезда. Я думаю, что моя помощь была лишь символической, потому что полицейский, кажется, был настолько силен, что вытолкнул машину на берег, вышел сам и в изнеможении упал рядом с машиной. От него остро разлило этиловым спиртом, и, присмотревшись, я понял, что спать он лег больше не от изнеможения, а от пьянства. Я попытался поднять его, у меня не получилось, очень уж он был большой и тяжелый, и я просто стоял рядом, не зная, что делать. Загрохотала сверху электричка и остановилась над головой. Остановилась! А у меня тут пьяный полицейский. Не могу же я его так тут бросить. От дилеммы я даже протрезвел сам. Электричка снова поехала, оставляя меня в лесу одного, единственного относительно дееспособного на десятки километров вокруг. Одного... Но нет! Нет. С платформы к нам спустились и Галя, и иностранец. Что случилось? Почему ты не уехала? Электричка остановилась, но двери не открыла, просто объяснила Галя.

Таким образом, нас теперь стало четверо, вернее, трое с половиной, учитывая состояние полицейского. В Японии число четыре несчастливое, а Шаля, которую мы недавно проехали, или Екатеринбург, куда мы так и не доехали, как ни крути, это почти Япония. Так что лучше считать, что нас было три с половиной. И один автомобиль. А совсем скоро нас стало уже четыре с половиной, или, суеверно возвращая мента к полноценному существованию, пятеро. И две машины. Цивилизация!

Сначала мы услышали пение мотора. Мы стояли втроем на платформе и любовались мирным течением реки и полицейским, лежащим около машины. Нельзя его так оставлять, сказал я. Нельзя, сказала Галя. Но нам его не поднять. Может, проспится? Пьяные обычно замерзают, сказал я. Сейчас как раз самая опасная для этого температура окружающей среды. В мороз и то меньше. Ага, сказала Галя. И тут мы и услышали пение мотора. Оно доносилось с той стороны железной дороги. О, может, тут ходит общественный транспорт и такси, с надеждой спросила Галя. Иностранец тоже как-то оживился. Вряд ли, сказал я. Иностранец тут же как-то поник, будто поняв меня. Из леса показалась машина и подъехала к самым рельсам. Переезда через железку тут не было, с точки зрения автомобильного транспорта железная дорога в этом месте функционально была равна реке. Из машины вышел водитель в кепке и стал доставать из багажника различные досточки и бревнышки. Мы в молчании смотрели на него. Э, ну чего стоите, помогайте, закричал он нам. Мы подошли к нему (и иностранец подошел). А чего делать? Смотри, ставим сюда бревно, на него доску, так? Так получается скат, так? так. По этому скату въезжаем на рельсу, между рельсами ставим два бревнышка и на них еще досок, чтоб по высоте подходило, ровно, как Загарский мост, и по этому мостику едем до другой рельсы, так? Ну, так. С другой рельсы снова ставим скат, и переезжаем железку. Ну, так, что ль? Ну, так. А потом так же так через другой путь. Вот так. А доски и бревна где брать? Да вот же, в багажнике лежат. Мы стали доставать из багажника разного рода деревянные детали и укладывать их в виде скатов и мостка под руководством водителя. Это были детали какой-то мебели, скорее всего, деревянной кровати. Или я не знаю еще чего. Только не потеряйте, это надо все потом обратно собрать, сказал водитель. Это кровать или хрен там знает, чего еще.

Пересекли первый путь, ведущий в Ебург, остановились, переждали товарняк. При переезде второго пути, ведущего в Пермь, случилась катастрофа: что-то произошло с колесом, машина заглохла и застряла. Как мы ни пытались ее вытолкнуть – не получалось ни в какую. Даже водитель выскочил из кабины, стал толкать – нет, не идет машина, мертво стоит. Железная дорога тут несколько поворачивала, и мы не увидели, а услышали и почувствовали по вибрации рельс, что со стороны Ебурга опять приближается поезд. От этой вибрации колесо обрело некоторую степень свободы, сдвинулось с мертвой точки. Давай, блять, тяни, толкай! – заорал водитель и с новыми силами уперся в машину. Я помогал ему и толкал с другой стороны, иностранец бестолково суетился вокруг, а Галя куда-то убежала, причем давно. Хотя какая с нее помощь, с хрупкой девушки с недостатком физической мощи. Машина стала подаваться, передние колеса уже въехали на скат, оставалось еще одно небольшое усилие – но из-за поворота уже показался поезд, и тут же загудел, и стал тормозить – видимо, внутри сорвали стоп-кран – но с машиной мы не успевали. Мы бросили ее на рельсах и кинулись в лес, ожидая услышать звуки ужасного крушения.

Но все было сравнительно тихо. Поезд проскрежетал еще и остановился. Мы выглянули из кустов и увидели, что машина стоит в безопасности, целая и невредимая, около рельсов, и на нее опирается пьяный мокрый мент, еле держится на ногах, шатается и вот-вот скоро снова заснет. Из поезда выпрыгнула охрана и подбежала к нему. Мы спрятались за стволами деревьев и наблюдали за развитием событий. Рядом с ментом стояла Галя. От охраны к ним подошло такое же число парламентариев, то есть двое. О чем они говорили, мы не слышали, внешне все было мирно. Разговаривали они недолго, может быть, две минуты, после чего их старшой махнул рукой, поездные попрыгали по своим вагонам, и состав тронулся. Полицейский вдруг толкнул Галю, она упала, но тут же вскочила, бросилась на него, он просто схватил ее за руки и держал. Она кричала что-то в таком духе: Ублюдок, гад, как ты смеешь бить женщину, ну и так далее.

Когда поезд достаточно удалился, мы осторожно вышли из леса. Успокойте свою бабу, сказал полицейский, а то ведь я и убать могу. А что у вас случилось, спросил я. Вопросы здесь задаю я, сказал полицейский. Сержант Захваткин. От него все еще

невыносимо несло этиловым спиртом. Вы зачем напали на женщину? Я все видел, сказал я. Вместо ответа он молниеносно достал дубинку и ткнул меня в солнечное сплетение. Я согнулся. Будешь пиздеть, наставительно сказал он Гале, я их всех отпизжу. Сначала его, потом его, а потом и его. Ясно? Ясно, сказала Галя. Так вот, повторяю вопрос, сказал полицейский. Чья машина, у кого права и техпаспорт. Моя, сказал водитель. Вы знаете, что вы ее оставили на железнодорожных путях общего пользования и чуть не спровоцировали крупную аварию? Только своевременное вмешательство работников министерства внутренних дел помогло ее предотвратить. Между прочим, ехал состав с нефтепродуктами. Знаю, угрюмо сказал водитель. Вы знаете, какой за это полагается штраф? Представляю. Огромный, с удовольствием сказал полицейский. Не только административная, но и уголовная ответственность! Может, как-нибудь так, сказал водитель. Никто же в итоге не пострадал. Может! Может, и так! засмеялся от радости полицейский. Но сначала разберемся в ситуации, я вижу, вас тут много. Ваши документы! сказал он иностранцу. Я не понимаю, сказал иностранец. Понятно, иностранец, сказал мент. Ваши документы! Я подал ему паспорт. Так, куда направляемся? Язык у него ужасно заплетался, понимать его было чрезвычайно трудно. В Киров, по месту прописки, сказал я. О, кировский? обрадовался он необыкновенно. У меня корешок армейский из Кирова, Паша Матанцев, может, знаешь такого? Конечно, знаю, сказал я, Маша Патанцев. Нет, Паша Матанцев. Ну, мы в школе звали его Маша Патанцев. Маша Патанцев! Хитро! сказал полицейский. Ох, скажу я ему, поржем. А эта кто? А это моя секретарша. Сам-то я ученый, с конференции еду, а это моя секретарша Галина. Не сердись на меня, Галечка, сказал полицейский. Раз это друг Паши Матанцева, значит, он и мой корешок... Погоди-погоди... До него стало доходить. Ты что, правда ученый?! Ну да, сказал я. Занимаюсь корреляционно-иммунными функциями с высокой нелинейностью. Вот, могу книжку подарить – и я дал ему свой автореферат. Ну, профессор! Ну ты даешь! – восхищенно кричал полицейский. Пашке расскажу, он охренеет! А я его с конференции везу, встрял водитель. Из Ебурга. С тобой у меня все равно разговор короткий, сказал полицейский. Я б тебя сдал в ГУВД, если б ты не вез моего кореша великого ученого Ваську Загибалова! Но и так просто отпустить тебя не могу, ибо правонарушение. В общем, так. С тебя чирик, с иностранца водка, ученого и его бабу отпускаю так. С бабы минет. Шутка! Понятно? А откуда у иностранца водка, спросил я. А у иностранцев всегда водка, русский сувенир! У меня на них глаз наметан! Непонятно только, откуда он у вас. Что у нас? Да иностранец! Да так, приболудился, сказал я. Иностранец, хотя по-русски и не понимал, в очередной раз как-то догадался, о чем идет речь, может быть, по ключевому слову vodka, достал из рюкзака бутылку и протянул полицейскому. Вот видишь, глаз-алмаз, сказал тот, и я восхищенно заохал. Привет Паше передавай, не забудь, сказал я. Да вот прямо щас могу позвонить, хочешь? Черт, сел. Ну ниче, в машине где-то повербанк. Полицейский открыл подаренную иностранцем бутылку водки и сделал большой глоток. Слушай, такое дело, сказал я. Мы заблудились, нам в Шалю бы надо. Машина еще, может, сломалась. Тут вообще электрички останавливаются? Останавливаются, сказал мент. Только двери не открывают. А чего тогда останавливаются? Ну, порядок такой. А двери чего не открывают? А чего их открывать, требования безопасности же. Тут все равно никого никогда не бывает, только зоны кругом, если кто и сядет, так это беглые зэка. Или ворвутся внутрь, порежут тут всех нахрен. Нужно это кому, сам подумай? А еще ученый. Так что нечего тут, нечего. Как же нам до Шали добраться? У нас колесо спустило. Колесо? А-ха-ха-ха-ха! А берите мое колесо! Все равно у меня не машина, а подводная лодка уже. Да как же мы... Бери, бери, сказал! а не то застрелю, и он вытащил большой полицейский пистолет. Ладно-ладно, возьмем, не стреляй. Полицейский отпивал водку из иностранцевой бутылки так, словно там была вода. Не помню, говорил ли я, что спиртом пахло очень сильно. Так, подъехали к моей машине и поменяли колесо, ясно? А, вы не можете. Тогда пошли. На берегу он сел в свою машину, водитель неохотно поставил домкрат, приподнял авто с полицейским внутри, стал откручивать колесо и делать все, что

полагается в подобных случаях (то есть в тех случаях, когда в дымину пьяный мент смотрит на тебя из окошка залитой водой патрульной машины и время от времени для смеху наставляет на тебя пушку). Так как нам до Шали добраться? До Шали? Это просто. Вон, мимо того санатория, в котором когда-то творили Альчиков, Ботев, Козлов, Милентьев, Новиков, Коньков, Перминов, Беляев, Четвертных, Чопюк, Якимов и прочие, ну, ты понимаешь, о ком я, он явно упивался своей властью. Ну а дальше? Дальше? Дальше то налево, а то и направо, в общем, дорога выведет. Далеко? Далеко? – спрашивал я. Но пьяный полицейский уже не отвечал. Он спал.

Чего дальше делать-то будем, спросил я у шофера. Чего-чего... Его колесо мне подойдет. Тоже восемнадцать. Вообще повезло. Так что, предлагаешь правда его колесо себе взять? Не возьмем – убьет. Это я точно знаю. Ну, может на буксир его тогда, с запаской? Это можно, сказал водитель. Ладно, пойду possu, – и он отошел. Иностранец с Галей стояли на платформе и сверху наблюдали за нами.

Таким образом, я временно оказался один рядом с машиной со спящим полицейским внутри. И вот что случилось дальше. Дальше вдруг спящий полицейский проснулся, заорал: А? Что? Ты кто, падла? – и выстрелил в меня, но по причине крайней алкогольной интоксикации не попал. Я отскочил в сторону и укрылся за ближайшим валуном. Остальные попутчики тоже сразу куда-то исчезли. Еще одна пуля ударилась о валун с той стороны. Не стреляй! Свои! – закричал я. Я друг Паши Матанцева, профессор! Какого такого Паши Матанцева? Ну из Кирова, армейского корешка твоего. А откуда мне блять знать, что ты профессор? А у тебя в кармане моя книжка! О некоторых свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью! О бля, точно, донеслось через минуту. Выходи, профессор.

Из дальнейшей беседы снова выяснилось, что в Шалю нужно ехать то налево, то направо, то есть скорее сначала больше налево, а потом в основном направо. А потом снова налево. Вдоль железки только по просеке не едьте, сказал полицейский, там в болото попадете, не выберетесь. Если тут зэка из зоны сбегают, их там даже не ищут, оттуда выхода нет. Никто в это болото и не суется. Через лес, мимо санатория есть хорошая дорога, в смысле, короткая. Подробностей этой дороги полицейский сообщить не успел, поскольку опять заснул.

Пока он спал, водитель снял его колесо, поставил себе, а на полицейскую машину поставил свою запаску, значительно меньшего диаметра. Ну все, я поехал, сказал он. Погоди, а нас не возьмешь, что ли? До Шали подкинь? Сначала налево, потом направо, потом опять налево. Да у меня места тут мало, не влезете. Да полно у тебя места! Да нет, не хватит. А ты смотри, ты эти все доски выкинь, а мы тебе вдвойне заплатим. Ну нет, я не могу, у меня заказ. А так мы подохнем тут все, помрем. Совесть у тебя есть? Совесть у меня есть, но этого больного я точно не могу взять. Проснется и начнет снова стрелять. Ну, может, протрезвеет, сказал я. Может, протрезвеет, а может, и не протрезвеет. Ну, мы на буксире его. Ну ладно, попробовать можно, но вы тогда возместите все то, что он у меня взял, и за солярку платите. У меня мало осталось. Идет. И ты успокаиваешь этого своего ебанутого друга, раз уж вы такие кореша с Пашей Матанцевым. Хорошо. И еще, даешь мне такую же книжку, что и менту. На родине всем буду хвастаться, что настоящего ученого возил. Да у меня мало осталось! Или книжка, или оставайся здесь, твердо сказал водитель. Тогда за дизель сам платишь, сказал я. Договорились, быстро сказал водитель.

Водитель прицепил к ментовской машине буксировочный трос и осторожно поехал. Я сел рядом с полицейским и стал рулить. Просто рули, сказал мне водитель. Куда я, туда и ты. Налево, направо, налево. Ясно? Как не понять, ведь я же ученый. И мы поехали. Для начала въехали на платформу, чтоб добраться до санатория, где творили Альчиков и прочие (платформа с обеих сторон имела удобный пологий скат). Я рулил, как и говорил мне водитель: налево, направо, снова налево. Налево, направо, снова налево. Налево, направо, снова налево. Таким образом машина стала уходить все больше налево,

потому что каждый раз я рулил два раза налево и только один раз направо. Поэтому я стал рулить так: налево-направо, налево-направо, налево-направо, примерно как Джеймс Бонд в исполнении Шона Коннери в фильме «Доктор Ноу». Так дело пошло лучше. В общем, приновился. Мимо платформы проехал грузовой состав. Мне показалось, что он идет слишком близко, я инстинктивно повернул налево и чуть не свалился с платформы. Учитывая, что я вел машину первый раз в жизни и не знал, куда нажимать в такой ситуации (когда чуть не падаешь с платформы), где тормоз, где красная кнопка, а где, может быть, катапультирование или парашют, я стал жать на все подряд и, кажется, выровнял машину. Так мы доехали почти до противоположного ската, когда полицейский справа от меня забормотал во сне и потянулся к кобуре. От страха я опять повернул налево, и машина упала с платформы. Раздался стук, будто камнем попали в стекло, отдалось в задницу. Я вжал голову в плечи, но полицейский снова заснул.

Бля, ты ось сломал, сказал водитель. Профессор хуев, долбоеб. Теперь мы точно не сможем его взять. Ну, может, в салон, спросил я. Да ты посмотри на это тело! Нет, брать его не буду, есть только три места. Или на, хочешь, забери свою книжку, пускай он вместо тебя едет.

Стало понятно, что полицейского все же придется оставить. Я пересел в машину к водителю, и мы начали свое путешествие до Шали вчетвером, без пьяного полицейского. Впрочем, нет, еще не начали. Около закрытого санатория, на асфальтовой хорошей дороге, сквозь которую, правда, начали пробиваться хвойные (или лиственные) растения, я закричал: Стой! Чего тебе еще, сказал водитель. Он ведь там один остается. Ну мы всё же решили, как-нибудь выберется, для него поезд остановится, как протрезвеет, он же мент. Но все-таки... Поехали давай, нечего мне голову морочить! Все-таки я ему дам свою сухую куртку, его форма вся промокла, замерзнет, решил я. Давай скорее, сумерки скоро, закричала на меня Галя. Иностранец же смотрел, как сова. Когда я уходил, я слышал, как Галя спрашивает у водителя: как вам моя прическа?

Я подбежал к полицейскому, с большим трудом снял с него форму. Во сне он причмокивал губами. Я друг Паши Матанцева, я друг Паши Матанцева, как мантру, повторял я. Потом надел на него свою куртку, и, чтобы самому не замерзнуть ночью, взял его форму. Где-нибудь просушу. Нагрудный знак, на котором было написано «Сергей Захваткин», я перецепить не мог, взял форму со знаком. Теперь совесть у меня была чиста или уж, по крайней мере, очищена: полицейский был укрыт от ветра, в сухой одежде, рядом с ним на сиденье сушились его ботинки и носки. Открыл ему окно, чтоб он не задохнулся от скверного запаха спирта. Хоть ты и полицейский, но все-таки все равно же человек, негоже тебя оставлять замерзать, сказал я в порыве сентиментальности. Потом вернулся к машине. Увидев меня в полицейской форме, водитель сказал, вот мои права, сейчас покажу техпаспорт. Некогда шутить, сказал я, поехали, надо успеть до темноты, извините за задержку.

И мы поехали, чтоб успеть в Шалю до темноты.

День клонился к своему закату. Дорога рядом с санаторием была отличная, но она быстро закончилась, началась грунтовка, потом от нее отделилась вторая грунтовка (налево), потом еще одна (направо). В соответствии с советами пьяного полицейского мы повернули сначала налево, потом направо. Потом снова налево. Потом опять направо. Я мог бы долго перечислять, но выбираю сэкономить время читателя. Общий принцип понятен. В целом мы пытались выдерживать направление к Шале, то есть на запад, но, поскольку погода была пасмурной, мы не могли ориентироваться по солнцу. Галя несколько раз проверяла телефон – сети так и не было. Ни телефона, ни интернета. Как тут сориентируешься? Водитель при этом выглядел уверенно. Он производил (внешне, по крайней мере) впечатление человека, который знает, что делает. Может быть, это общее свойство всех водителей. Чтоб приручить зверя, дрессировщик должен казаться уверенным, иначе зверь его сожрет. А машина это тот же зверь в сто двадцать лошадиных сил. Был ли он так же уверен изнутри, неизвестно. Помимо дрессировщика машин, он был

похож на старого морского волка, который собаку съел в этих путешествиях. Да и то подумать, в океане никаких ориентиров, кроме облаков, да и те изменчивы. Присутствие иностранца тоже обнадеживало. Уж он-то, иностранец, за границей повидал всякого, сюда добрался без посторонней помощи, глядишь, и обратно как-нибудь выберется. И мы вместе с ним. И не в таких передрыгах побывали, как бы говорил нам его внешний вид. Времени прошло много, все, должно быть, проголодались. Я предложил собранию пива из поездных запасов, никто не отказался, кроме водителя, который сказал: Я за рулем. Я за рулем. Таким образом, пива ему не досталось. Зато он достал откуда-то из-под сиденья бутерброды с докторской колбасой и стал их есть на ходу, вернее, не сходя со своего водительского сиденья при езде, и этих бутербродов не досталось нам (точнее, иностранцу удалось урвать один).

Лес вокруг был волшебным и колдовским, хотя я сейчас затрудняюсь сказать, в чем именно заключалась его волшебность. Но я попробую просто его описать, возможно, магия вернется. Недостаточно просто сказать, что лес был волшебным и колдовским, нужно обоснование. Во-первых, в нем было полно валунов, разных размеров, от простого булыжника до камней размером с дом. Не пятиэтажный дом, а, например, двухэтажный. Эти валуны, несмотря на свое обилие, не составляли самостоятельной части ландшафта. Составляли существенную, разумеется, но не самостоятельную часть. Их было много, но все они были *между* деревьями. О деревьях, напротив, нельзя было сказать, что *они* находятся между валунами. Из этого следует, что деревья были более самостоятельной частью пейзажа. Деревья были даже главнее воздуха – опять же, легко проверить: воздух находился между деревьями, а не деревья находились между воздухом, между воздухом или в воздухе. То есть во-вторых, значит, колдовство заключалось главным образом в деревьях. Деревья были в основном хвойные, но встречались и лиственные, листья с которых уже облетели, и вся цветовая гамма была серо-буро-зеленая. Но не только гаммой выделялись эти деревья. Много было деревьев кривых, сухих, дуслистых, узловатых или, наоборот, прямых, как гардина, или торчащих вверх, как зонтик, или раскидистых и высокобонитетных. Сумрачен и довольно темен был этот лес. Не попадались нам солнечные стройные боры или березовые прозрачные рощи, все словно в дымке. Как будто рисовал этот лес не Шишкин, а Дюрер с техникой Брейгеля. Вот какой это был лес. В-третьих, корни. Корни торчали из-под земли везде, колеса пересчитывали их, и можно было подумать, если закрыть глаза, что не по лесной дороге ты едешь, а снова в поезде по железной дороге, только очень тряской. В-четвертых, грибы. Они росли повсюду, несмотря на то что был уже ноябрь. Они росли даже из валунов (см. «во-первых»), и на деревьях (см. «во-вторых»), на деревьях больше. В-пятых, геологический ландшафт. Местность вокруг была необычайно холмистая, приходилось то натужно взбираться вверх, то притормаживать, чтобы не ускоряться по пути вниз. Сколько ни ездил, такой дороги не видал, воскликнул водитель, даже в горах! Дополнение к пункту про грибы: очень много было мухоморов и разных поганок, не исключено, что и бледных. Ну, и в-шестых, встречались и таинственные рукотворные объекты, такие, как домики на курьих ножках для хранения припасов, потемневшие от времени пни, в углублениях которых что-то поблескивало, какие-то сети, натянутые между деревьями, шалаши из хвороста и так далее. Все говорило о том, что лес обитаем. Эти места кто-то очевидно регулярно посещал, мы видели следы людского присутствия, но самих людей не видели (не считая, естественно, нас самих). Может, оно и к лучшему. Нет, магия не вернулась.

Пока мы ехали по этому лесу, закономерно постепенно стало темнеть. Никакого заката или сумерек, просто света становилось все меньше и меньше. Как будто стало заканчиваться в мире вещество света и приходиться на его место вещество тьмы.

Как дальше ехать, куда дальше ехать, я не знаю, сказал водитель. Но ехать, наверно, надо? Он смотрел на меня вопросительно. Как-то оказалось, что в этой экспедиции я стал командиром – не из-за особых лидерских качеств, просто все остальные были еще менее пригодными. Водитель привык всем повиноваться, куда скажут, туда и

едет, иностранец был для фона, как инвалид, а Галю никто всерьез не рассматривал, потому что она женщина. Кроме того, у меня была полицейская форма, придававшая мне солидности. Ну, давай проедем еще немного, а потом и привал, сказал я. Так-то еще не поздно, просто темнеет рано. Ноябрь самый темный месяц в году, снега еще нет, а дни короткие. В том-то и дело, сказал водитель. В том-то и дело. У нас так же.

И мы ехали дальше во все истончающемся свете, пока не увидели впереди огонек. Это был свет фонарика, а фонарик был в руках у человека с рюкзаком и гитарой, по всем признакам – геолога. Наконец-то! Ура! – закричал геолог. Наконец-то люди! Что случилось, спросил водитель, заглушив двигатель. Я отстал от партии, поспешно стал объяснять геологу, мне нужно выбраться к какому-нибудь жилью. Возьмите меня к себе в машину. Куда мы тебя возьмем, у нас места нету, хмуро сказал водитель. Одному вон уже отказали. Он пьяный был, поэтому и отказали, сказала Галя. А этот вроде не очень пьяный. Иностранец допил свое пиво и громко рыгнул. Я не пьяный! – закричал геолог. Может, подвинетесь? Он совал свою голову в окошко мимо Гали, чтобы посмотреть вовнутрь, Галя отбивалась, но безуспешно. Увидев на заднем сиденье меня в полицейской форме и иностранца в мундире, он сразу сказал: вот у меня и документы есть. Да мы сейчас и не едем никуда, сами не знаем, как до цивилизации доехать, сказал я. Думаем здесь заночевать. Зачем здесь! – закричал геолог. Зачем здесь. Я видел, там избушка стоит. Далеко, спросил водитель. Да может, километра полтора. А сам что ночевать там не стал? Дак я пошел искать, может, кто до Шали подвезет. Слышь, Рауф, сказал я, тоже в Шалю едет. Может, подвезем его? Да сказано же, мест нет, закричал водитель. Да вон там еще место. Нет, там нет. Там дух моего покойного брата едет. Туда только багаж ставить можно, живой жопе садиться нельзя. Все ошеломленно замолчали. Всеобщую неловкость растворила Галя. Как вы находите мою прическу, спросила она у геолога. Ничего прическа, интересная, ответил геолог. Вот и я так думаю, сказала Галя. Давайте до этого жилья доедем, переночуем, а утро вечера мудренее, предложил я. Вы пешком идите, дорогу показывайте, а мы за вами.

Уже в полной темноте доехали мы до дома. Уже совы вокруг дружно кричали свое «Ху-уй! Ху-уй!», а кривые деревья казались ловушками для душ, в том числе души покойного брата водителя, помилуй его Аллах. Темная изба была не освещена, но обладала признаками обитания: из сарая доносились звуки различных животных, как-то: хрюканье свиней, мычанье коров, блеянье овец или коз и так далее. Дверь была не заперта, оттуда доносился запах самогона и квашеной капусты, внутри было тепло. С крыши прямо нам под ноги прыгнул огромный котиче с явным намерением подраться, исцарапать нам лица, перекусить наши хрупкие шеи и выпить кровь, но вдруг передумал и стал тереться о мою ногу. Галя потянулась погладить его, не гладь, вдруг жутким голосом закричал водитель, и я был с ним согласен. Кот испугался и убежал в избу, мы пошли за ним. Есть кто дома, крикнул геолог. Никто ему не отвечал.

Я повесил свою форму в сенях сушиться. Мы все прошли в главную комнату и сели за стол. Света из уважения к отсутствующим хозяевам зажигать не стали, обходились фонариком геолога и мобильными телефонами, которые все равно ни на что были не годны: сети все еще не было. Я бы не стал сейчас тратить энергию на своем телефоне, тихонько сказал я Гале. Телефоны разрядятся, а сеть еще вернется. Она понимающе кивнула и телефон выключила. Иностранец читал с телефона какую-то книгу на зарубежном языке, а водитель играл в нарды.

На улице поднялся ветер, захлопали ставни, закудахтали куры. Сразу стало как-то тревожно. С подветренной стороны, как бы желая успокоить нас, наоборот, поднялась полная луна, но нам от этого стало еще тревожнее. Не успокоила ты нас, полная луна! Кривые деревья шатались и скрипели, ветер завывал и свистел между ветвями. Как-то там наш полицейский, сказал я. Не умер бы он от холода и голода. Все промолчали, зато в ответ мне издали свистнул тепловозный гудок и прогрохотал стук колес. Ну что, давайте ужинать, у кого что есть, сказал я. Мое пиво все выпили еще в машине, у

водителя оказалась еще пара бутербродов и более ничего, у Гали из съестного была только жвачка и сигареты, у геолога, который стремился нам понравиться, был зато батон, пакетик майонеза, банка «завтрака туриста» и бутылка «Столичной». Иностранец, видя, что все достают еду, вынул из рюкзака сувенирную баночку черной икры. Тем и поужинали. Бутылку водки передавали друг другу. Стало совсем тепло, все разомлели. А не спеть ли нам, ребята, вдруг сказал геолог, и достал гитару. И мы спели, вернее, пел в основном геолог, а мы подпевали. Спели «Милая моя, солнышко лесное», спели «Ой-йо», спели «Изгиб гитары желтой», спели про Фанские горы, спели «Лыжи у печки стоят», спели про три минуты тишины, спели «Голуби летят над нашей зоной». Эх, а ведь тут столько зон кругом, то и дело беглые зэка встречаются, сказал геолог. Всем тут же стало страшно, потому что вокруг беглые зэка, а дверь не закрыта. Ну ладно, давайте я вам спою песню про человека с душой паровоза, сказал геолог и спел песню. Вот ее примерный текст, в строчку, конечно, чтоб занимать меньше места:

Баллада о паровозе

В духовке печется жаркое, в буфете звякает медь. В кузницу входят трое, им лучше в глаза не смотреть. Говорят: заклепай нам тачку, в ней много следов от пуль. А еще укрепи в придачу и отделай нам хромом руль. Кузнец все сделал как надо, получил за труд гонорар, и на эти деньги он приобрел пару колесных пар.

Среди пустырей и помоек гнется к земле ковыль. В кузницу входят двое, третий глотает пыль. Говорят: дед, сваргань нам латы, а лучше бронжилет. Там крутые, сука, ребята, а защиты для тела нет. Два дня он делал им форму, опять гонорар получил, и фитинговую платформу и контейнер себе купил.

Режет мясник корову, лечит хирург больных. В кузницу входит снова один из тех, из троих. Я, говорит, не трушу, трусить напрасный труд. Закуй мне в железо душу, душу они не возьмут. Когда я выйду наружу, обратно уже не вернусь. Оставлю тебе все оружие, так что и ты не трусь. Ладно, придется помучиться, затылок кузнец скребет, не знаю, что тут получится, только оружие вперед. Три дня кузнец делал дело, работал три дня на износ. Когда все закончилось, пыль осела, в кузне стоял паровоз. Ворота открылись, свистнул гудок, поезд умчался на север, и больше не видел никто душу того пацана.

Эх, хорошо поешь, милоч, раздался вдруг из дверей старческий голос, душевно, и в избе вспыхнул свет. В комнату вошла старушка и наставила на нас ружье. Все автоматически подняли руки. Как это вы сюда вошли, строго спросила она нас. Так это... открыто было, отвечал ей геолог. Сама знаю, что открыто было. Но Васька-то вас как пустил? А, Васька? Подвел ты меня, сказала она коту, который виновато терся о ее ноги и мурлыкал. Васька хорошего человека издалека видит, льстиво сказала Галя. Ладно, кто вы такие, говорите, с Васькой потом разберемся. Вот ты кто? Я не понимаю, ответил иностранец. А, ясно, чужеземец. Это я и так поняла. А ты, певун? Я? Я геолог. Чего? Рудознатец, что ли? Ну да, рудознатец. Да, вижу, гитара желтая, песни поешь про солнышко лесное, борода вон. Ты? Я это, водитель, шофер... А! Кучер! – закричал водитель. Ну, с тобой понятно, усы, кепка, зуб золотой, пьешь мало. Вы двое остались. Ты кто? Я ученый, сказал я. Что-то я не вижу, чтоб ты был ученый. Где твоя лысина, очки, борода? Я молодой ученый, сказал я. Это все будет, когда состарюсь. А пока вот, книга у меня есть, научный труд. Называется «О некоторых свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью». На что мне твоя книжка? Я ведь неграмотная. Хотя давай, на растопку пойдет. Сказал ты солидно, словеса умные знаешь, но не верю я, что ты ученый. Шпион, наверно. Или зэка. Ну, а ты? Погодите! – сказал я. Ну чего тебе, шпион? Слушайте: *если а квадрат плюс бэ квадрат равняется цэ квадрат, а цэ квадрат плюс дэ квадрат равняется е квадрат, а е квадрат плюс эф квадрат равняется жэ квадрат, то а квадрат плюс бэ квадрат плюс дэ квадрат плюс эф квадрат равняется жэ*

квадрат, КВОД ЭРАТ ДЕМОНСТРАНДУМ!!! – закричал я, и при произнесении последней фразы, показалось, заморгала даже лампочка на потолке, как будто я только что произнес какое-то страшное заклинание, например, авада кедавра. Старушка испуганно заморгала и опустила ружье. Теперь я вижу, что ты ученый, сказала она. А я его секретарь, ну, писарь, сказала Галя. Я думала, вы ээка, сказала бабка, они сюда часто забредают. Но теперь вижу, что нет. Ничего, сказал геолог, мы понимаем. Еще бы вы не понимали, сказала бабка. Они не понимают, сказал геолог. Они не местные.

Дальше мы довольно долго говорили о погоде, о политических новостях (десятилетней давности, но ничего с тех пор не изменилось). В общем, решили следующее:

– покормить нас она не сможет, у самой ничего нет. Вот ночью вернется сын, может быть, что-нибудь принесет. А может, и не принесет;

– сын у нее шибко сердитый, да и спать тут негде, поэтому лучше нам, соколикам, заночевать где-нибудь вне дома. Придумала! заночуем в яслях, как Иисус Христос, среди овечек и свинок и прочей всякой живности;

– только там все-таки холодно, чай, не в избе. Надышим, конечно, и дожжика там не будет, только все равно неплохо бы нам, соколикам, туда с одеждой прийти. В сенях вон куртка висит, в темноте не разглядела, чья? Твоя, ученый? Ну вот и забери ее с собой, и чтоб духу ее там не было, а то у меня сын шибко сердитый;

– нет, в бане заночевать не получится, сын придет, захочет попариться, а там такой страм. А он шибко сердитый;

– самогона у нее тоже нет, не знает она, чего это тут спиртом пахнет, может, это от нас пахнет. Впрочем, ночью придет сын, может, и принесет, а может, и нет;

– корочку хлеба могла бы, может, дать, и глоток чистой водицы родниковой, но она тут, глядит, мы черную икру жрем и водкой запиваем, а она, честная хуторянка, сроду черной икры не едывала, могли бы и оставить старушке! Но, впрочем, она не жадная, берите по корочке хлебца да по глотку чистой воды родниковой, но учтите, скоро сын вернется, и лучше бы нам отсюда свалить поскорее в ясли, аки Иисусу Христу, среди овечек, свинок и прочей живности;

– а так утро вечера мудренее, соколики, сами видим, она нас накормила – чек! Напоила – чек! спать уложила – чек! а завтра мы все и расскажем – дело пытаем али от третьего отдела лытаем, вот с утра мы все и послушаем. Все, все послушаем! (только тут я понял, что она все это время себя называла на мы).

Так мы и отправились в ясли. Геологу достался загон, натурально, со свиньей, нам с Галей – с ягнятами, а водителю с иностранцем – пустой, самый удобный, дальше всех от входа, но, возможно, и самый холодный, потому что не надышанный. Когда ложились спать на какие-то рундуки и скамейки, Галя спросила у меня только две вещи, а потом сразу заснула. Спросила она меня: а) хороша ли ее новая прическа, не помялась ли во время путешествия (хороша, не помялась), и б) кто такой этот Паша Матанцев, мы вместе, что ли, учились, в одной школе? Понятия не имею, кто такой Паша Матанцев, ответил я, но Галя меня уже не услышала, унесясь, так сказать, в мир грез. Заснули быстро, умотавшись, и другие участники экспедиции. Тонко, деликатно, по-заграничному свистел во сне иностранец; раскатисто храпел водитель; посапывала нежно Галя; только геолога за стеной слышно не было: видно, привык, бедолага, смирять свое естество, ночуя в одной палатке с другими такими же геологами. Спят в тесном помещении шесть человек, напевшись песен, топится переносная печурка зимой, дым по трубе выводится через крышу. И ни души вокруг. Медведи только, может. Эх, жизнь! Снова прогрохотал вдали поезд, едва слышно. Тужурка моя полицейская совершенно высохла, я принял горизонтальное положение, укрылся ею, да и тоже заснул.

И приснился мне сон... Впрочем, надо сначала сказать, что к снам необходимо относиться серьезно. Вот, я даже подчеркну: необходимо. В какой-то момент начинаешь отличать сон от яви, вернее сказать, начинаешь отличать явь ото сна, в котором

пребываешь в утробе матери; понимаешь, что есть другая реальность, вторичная. Эта другая вторичная реальность почему-то вытесняет реальность изначальную, и ты начинаешь воспринимать сон уже как нечто дополнительное к так называемой реальности, а не наоборот. По мере взросления сны занимают все меньшее место в жизни, и в какой-то жизненный момент ты начинаешь их забывать. Поскольку к этому времени сон считается уже чем-то второстепенным, эта трагедия милосердно воспринимается не как трагедия. Но ведь это катастрофа. Человек лишается самого главного, самого первого, что у него было в жизни, еще до рождения. Он забывает о том, что у него были сны. И сны мстят ему. Они становятся кошмарами, и человек просыпается посреди ночи со стуком в ушах и тяжелой думой. Уф, кошмар приснился, слава богу, проснулся, говорит он себе, снова ложится и долго не может заснуть. Когда же засыпает, ему снова снится сон, на этот раз интересный, как будто смотришь остросюжетное кино или читаешь роман, от которого нельзя оторваться. Но звонит будильник, как будто магнитные ворота в супермаркете при попытке вынести оттуда ликер «Егермайстер», не давая тебе вынести в так называемый внешний мир, который ты считаешь главным, то, что присмотрел себе во внутреннем. И ты помнишь только какие-то отрывки, и начинаешь понимать, чего потерял, забыв уважение к снам. Да, ты можешь видеть сны, но ты смотришь их без уважения. И приходится учиться снова их видеть и запоминать. Сделать это несложно, но нужна настойчивость и решимость продолжать. Всего и нужно – записывать каждый божий день, что ты увидел ночью, хоть отрывок в десять секунд, хоть писать: сегодня ничего не видел. Если делать это регулярно – да хоть две недели – сны обязательно вернутся. Возможно, тебе удастся когда-нибудь даже при жизни вернуться в ту стихию, откуда ты вышел, в которой все едино и которая так беззащитна перед словами и определениями. В начале было слово, но можно вернуться в то начало, которое было до слова. Такова вкратце моя теория, и я записываю все сны, которые мне снятся. Тем самым я выказываю снам уважение, и мы дружим. В качестве знака уважения я приведу здесь и свой сон в тот день, чтобы не замедлять время действия, и поскольку сон протекает в совсем ином времени – в сноске.

Я заснул, во сне³ ударился ногой о стену загона (пока я спал, я дергал ногой); от этого проснулась овца и заблеяла, от этого проснулся я, но овца тут же снова заснула, и тут же снова заснул я⁴, снова заблеяла безымянная овца. Я снова проснулся, понял, что

³ Значит, меня позвали на стачку. Меня позвали на стачку мои знакомые с рынка, это был крытый рынок, и весь рыночный народ по какой-то причине не хотел торговать. Мы выстроились перед своими торговыми местами как будто на школьной линейке, тусовались, курили, лузгали семечки и ничего, абсолютно ничего не продавали. А меня с Рауфом позвали вроде как на разборку, на стрелку, для безопасности. Мы стояли рядом с этими торговцами. Вокруг, естественно, толпился разный народ, это же рынок, и как-то подозрительно этот народ стал все больше стягиваться к нам. И все вдруг стало крайне жестко, чувство опасности вспыхнуло мгновенно, как порох. Я подхватил какого-то здорового чувака и понес его к дальнему концу рынка, а позади меня уже началось месилово. Я стукнул этого чувака, он попытался стукнуть меня, но у него не получилось, слишком крепко я его держал; вместо него снова ударил я,

⁴ Пока я бодрствовал, месилово на крытом рынке продолжалось, причем это было не простое месилово, это была резня. Постепенно, но довольно быстро всё успокоилось, все быстро разошлись (или правильнее будет сказать разбежались?), но на месте нанявших нас купцов теперь стояли какие-то другие люди, в основном, моложе тех, что были, по виду молодогвардейцы, парни, девушки, мужчины – отличительной особенностью большинства из них было что-то белое в одежде. Сильно пахло кровью. Эти люди немедленно расчехлили свои торговые места и занялись, соответственно, розничной торговлей. Рауф шепнул мне, что пора смываться, и мы вышли вместе с отхлынувшей толпой в двери. Мнимые торгаши остались внутри. Нас же выпустила охрана, видимо, потому, что на нас тоже было что-то белое. Выйдя, мы оказались в круглом зале, типа шайбы в ГЗ МГУ. Там выяснилось, что за нами, похоже, выслали погоню, ведь мы с Рауфом оказались единственными выжившими при Резне на Крытом Рынке. Мы сели в лифт, для конспирации – едущий наверх. Пассажиры лифта с подозрением смотрели на нас, но вскоре почти все сошли. Осталось всего несколько человек, градус опасности снова ощутимо возрос. В это время лифт открылся (это был предпоследний этаж), Рауф вышел из него, они все выскочили за ним. Я понял, что остался последним и единственным, уцелевшим в резне. Я вышел на последнем этаже, там дожидались лифта какие-то еще люди, они тоже подозрительно смотрели на меня. Я вошел в предбанник, типа кабинета проректора, лифт

замерз, надел на себя свой полицейский мундир и сделал несколько энергичных махов руками и ногами. За стеной, где спал геолог, раздавались какие-то приглушенные звуки, словно волокни по полу что-то тяжелое, при этом переругиваясь шепотом на два голоса. Сон с меня, естественно, как рукой сняло, я не мог лечь, сидел на лавке и думал. Вопросов было много: что там происходит? Будить ли Галю? Поднимать ли тревогу и будить соседнее купе? Какие здесь есть предметы для самообороны? Почему никто не проснулся, хотя шумели довольно громко? Почему эта дверь не открывается изнутри? Выходит, мы в ловушке? Выходит, их опоили, ведь я единственный не выпил поданной нам на прощание колодезной водицы! Так же сильно, как в моем сне, нахлынула кровь. Я сидел в оцепенении и не знал, что делать. Снова прогрохотал далекий поезд. Средств самообороны в нашем загончике не обнаружилось. Галю я будить пока не стал.

Послышался тягучий осторожный скрип двери и сердитый шепот: говорила же тебе сколько раз петли смазать! В коридоре едва светила лампочка, и в этом тусклом свете я видел, как в открывающуюся дверь осторожно входит двухметровый амбал с топором, выпачканным черным, а за ним бабка, хозяйка избы. Моя часть загона была не освещена, по мере открытия двери освещенная зона расширялась и придвигалась ко мне, неосвещенная зона съеживалась. Я понял, что пришли убивать. Галю будить смысла не имело, и если ее опоили, то и не удалось бы, пусть умрет легко, во сне. У меня самого хватило достоинства только чтобы встать и встретить смерть на ногах, в полный рост, как мужчина.

Когда зона света, наконец, добралась до меня, бабка со своим лютым сыном остолбенели. А, ну понятно, догадался я, они ожидали, что я буду спать. Они смотрели на меня, а не мог им ничего сказать от того, что от страха у меня перехватило горло. Как писал один чешский автор, «ужас захлопнул ему горло своей костлявой рукой». Внезапно бабка бухнулась передо мной на колени. Прости, голубчик мой, зашептала она. Прости, яхонтовый. Да что ты стоишь, кланяйся, кланяйся, дуралей, дернула она сына. Тот тоже упал на колени. При этом топор он попытался спрятать за спину. За что простить? Голос ко мне не вернулся, и я говорил шепотом. Встаньте, встаньте, бабушка, я стал рефлекторно поднимать человека, который явно только что собирался меня убить. Не вели казнить, вели речь держать, сказала бабка и снова бухнулась на колени. Да встаньте вы! Держите, конечно. Что держать, туповато переспросила бабка и оглянулась. Да кланяйся ты! Речь! речь держите. Просили же. А, речь, сказала бабка. Да, так вот. Мы тут с сыном подумали, что тебе со своей шмарой неудобно в яслях-то поди спать, а, Пашок? Пашок согласно замычал. Может, вам к нам в покои перейти? А мы тут устроимся, правда, Пашок? Это не шмара, сказал я. Это мой писарь. Ну хорошо! Писарь так писарь. Так как насчет покоев-то, а? Да встаньте вы. И не надо мне ноги целовать. И нет, ничего больше не надо. Просто оставьте нас в покое, а на рассвете разбудите, а сейчас не надо, видите, спит человек. И помощников моих не будите, просто уходите и все.

Остаток ночи я не спал и сидел на стреме. Все было тихо, только гремел иногда поезд или ухали совы. По временам храпели или сопели мои товарищи, только из отделения геолога доносилось жуткое молчание. Сам не заметив как, я заснул, а проснулся от робкого стука в дверь. Это был Пашок.

Мамка велела передать, что скоро рассвет, вы просили разбудить, сказал он. Завтрак готов! А где рудознатец, спросил я в горнице, когда старуха раскладывала по тарелкам кашу. А он убежал ночью, сказала старуха. И что, рюкзак оставил? А, заплечный мешок-то? Ну да, оставил, сказал, что нашел своих друзей, тоже рудознатцев, и убежал. Да вы ешьте кашу, хорошая, вкусная каша, с мозгами! Мне лучше хлебушку, сказал я.

закрылся, люди уехали, я вышел из предбанника, подергал дверь сквозной лестницы высотки – она оказалась открытой – и спрятался на лестнице. На всякий случай, если меня поймут, я заготовил такую стихотворную отмазку, для экономии места записываю ее в строчку: «А значит, Чего же мне хотеть, как ничего? Логично все, не более того!»

Дверь сквозной лестницы вдруг с ужасной силой хлопнула, так, что

Хлебушек, с салцем, сказала бабка. Самогону еще возьмите, я вам и с собой дам. Стоп! Сначала сами его выпейте, эээ, отведайте, сказал я. И отведаю, сказал бабка, с превеликим нашим удовольствием! Так что вы говорите, куда путь держите? А-а-а, в Шалю! Ну, у нас знаете, наверно, как говорят: На Урале три дыры: Шаля, Гари, Таборы. Неблизкий вас путь ждет, но я вас научу: сначала на юг, после Кривой Сосны на север, а потом снова на юг. Север от юга вам легко будет отличить по солнышку: сначала оно будет на востоке, юг, стало быть, направо от него; о полдень оно само будет на юге, прямо на него и езжайте; а вечером оно на запад пойдет, вы, стало быть, налево от него. А если тучки, то примет и других много: если муравейник увидите у какого дерева, то он к югу будет; если мхи и лишайники, то, наоборот, к северу; если у сосны где крона густая, так это к северу, а если у ели, так это к югу. А впрочем, хотите, я Пашка своего с вами пошлю, он вас до Кривой Сосны-то и доведет? – сказала она. С виду ласково, но глаз у нее дергался и был злой-презлой. Вот что, бабка, ответил я на это. Самогону нам давай, вижу, что хороший самогон, и побольше, и хлеба тоже с собой. И сала. Каши с мозгами геологовыми нам больше не надоть! Доступно излагаю? И Пашка нам тоже не надоть. Не хочешь, чтоб мы тебя тут из пистолета расстреляли и под суд отдали? Поехали, ребята. Покажи просто, в каком направлении сосна, сами как-нибудь доберемся. От этих решительных слов все натурально остолбенели, точно так же, как от моего вчерашнего заклинания. Какого геолога, какие мозги, попыталась возмутиться старуха, но я ее оборвал: хочешь, чтоб у тебя ружье твое конфисковали и топор со следами крови? Да то хряк был, возмутился Пашок. И топор это мой, а не ейный. Все, поехали, сказал я, и мы поехали.

Уже совсем рассвело. В направлении, указанном старухой, и правда виднелась на увале кривая сосна. Пока мы ехали, я вкратце рассказал всем, как услышал сквозь сон стук топора, шорох оттаскиваемого тела, и как бабка с сыном пытались убить и нас, но по какой-то причине передумали. Поэтому я и не стал их кашу с мозгами есть, заключил я, и Галю немедленно вырвало. Хорошо, что она успела открыть окошко. За компанию вырвало и иностранца, и он тоже успел открыть окошко, а водителя ничего, не вырвало. Но окно он на всякий случай тоже открыл. Погода стояла отличная, еще потеплело. Все, опять же кроме водителя, выпили самогона, сразу ополовинив выданную нам четверть. Только я вот что думаю, сказала Галя. Напрямую она тебя боится, а обманом может и погубить, например, в болото завести. Да и что это за указания такие: север, юг, север, юг, кривая сосна? Нет, воля ваша, а я бы к этой кривой сосне не ехала. И я бы не ехал, закричал водитель, смотрите, нас засасывает, я думал, лужа, но если дальше болото, как она говорит, то совсем засосет. Мы остановились и вышли из машины. Почва под ногами была мягкая и как будто пружинила, а колеса машины проваливались и оставляли глубокие черные следы, в которых уже скопилась вода. Не понимайт, сказал иностранец. Да чего тут понимайт, сказал водитель. Разворачиваться нужно. Сделать это было непросто, но мы справились, развернулись, поехали обратно, мимо бабкиного дома, которого, однако, на прежнем месте не оказалось, а оказался он в полукилометре левее, на горке. Ошибиться мы не могли, потому что возвращались по своим же следам, отпечатавшимся во влажной земле или оставившим промятины в траве. Но внезапное перемещение избы оказалось кстати, и мы проехали под горкой незаметно. Ночью я почти не спал, и теперь сам не заметил, как заснул в машине, и меня разбудила Галя. Сержант, сказала она, я тут подумала, что ночью она тебя испугалась, а тут, при свете дня, может и передумать. И броситься в погоню. Что же делать, в панике сказал я. Вообще это очень все похоже на сказку, в сказках обычно бросают через плечо гребень или там полотенце, сказала Галя. Есть у кого-нибудь гребень, полотенце или зеркало? Ни у кого не было. У нас в сказках дэвов заставляют что-нибудь пересчитать, сказал водитель. Может, у иностранца матрешка есть? Matryoshka, matryoshka, радостно залопотал иностранец и вытащил из рюкзака матрешку с президентами России, СССР и Генеральными секретарями ЦК КПСС. Дай посмотреть, сказала Галя. Иностранец доверчиво протянул ей матрешку. О, то что надо, и Галя выкинула ее из машины. После чего я опять заснул.

Разбудил меня теперь водитель. Командир, сказал он, мы заблудились. А что, мы разве знали, куда нам ехать? Как можно заблудиться еще сильнее, чем мы уже заблудились? Да точно тебе говорю, мы еще хуже заблудились, сказал водитель. Я и направо верчу, и налево верчу, вроде все по разным дорогам, но уже третий раз мимо этой блядской матрешки едем! Matryoshka, matryoshka, залопотал иностранец. Она не блядская, следи за языком, сказал я. Тут женщины. Да похуй! – взорвался водитель. Что делать-то будем? В сказках, сказала Галя, считалось, что это тебя леший водит. Надо было одежду шиворот-навыворот надеть, и обувь переодеть: правую на левую ногу, левую на правую. Тогда, считалось, чары падут, и ты сможешь выйти из леса. Молчи, женщина, закричал водитель, но я сказал: а давайте попробуем. Давайте голосовать. Мы с Галей были за, водитель против, а иностранец воздержался. Решение принято большинством голосов, провозгласил я, и мы все переодели одежду шиворот-навыворот, а обувь на другую ногу. Иностранец переодевался весело, видимо, думал, что это такая игра, а водитель мрачно. Так, теперь еще колеса, сказал я. Правое с левым поменять, а переднее с задним. Как бы это сделать... Вы ебанулись, что ли, сказал водитель. Что ж, голосуем, сказал я. Снова проголосовали, с тем же результатом, что и в первый раз, и даже с тем же распределением голосов. Значит, меняем так: правое переднее на место левого заднего, а левое заднее на место правого переднего, а левое переднее на место правого заднего, а правое заднее на место левого переднего. Тогда каждое колесо меняет ориентацию и по оси абсцисс, и по оси ординат. Эх, не зря я математик! Колеса поменяли. Выпили еще самогона. Поехали дальше. Матрешку оставили на месте, мало ли, баба Яга эта за нами погонится. В лесу начинало темнеть, то есть не совсем еще темнеть, но в воздухе уже висело предчувствие сумерек.

И что бы вы думали, видать, и правда леший водил. Очень быстро выехали на асфальтированную дорогу, асфальт был свежий, без выбоин, видно, что недавно клали. Как-то даже страшновато было ехать по такой дороге, неловко как-то, будто по ковру в валенках идешь. Как будто едешь в «Запорожце» по немецкому автобану. От этой гладкой езды по автобану я опять заснул, и меня опять разбудил водитель. Капитан, сказал он, у нас проблемы. Ну что еще, сказал я. Соляра закончилась. А до жилья далеко, спросил я. Не знаю. Тут вокруг уже фонари, и они зажглись, сказала Галя. Пойдем тогда пешком дойдем, сказал я. Нет, сказал водитель, не пойдем. То есть вы идите, конечно, если хотите, а я не пойду. Голосуйте себе там как угодно, а я нет, не пойду. Почему, спросил я. Я вам уже говорил, сказал водитель. Мы не помним, сказал я. У него на заднем сиденье дух мертвого брата, сказала Галя. Да, сказал водитель. От чего он умер, спросил я. Убили, сказал водитель. Как убили? Ну вот так, убили, обыкновенно. Почему, кто убил? За нарушение паспортного режима убили. Ну что ж, то есть не пойдешь? Нет, не пойду. Но ведь мы не можем просто так разделиться, сказал я. Почему, спросил водитель. Потому что здесь тайга, почти зима, одним опасно, ходят вокруг беглые ээка и ведьмы. И потом, мы уже столько вместе пережили! Давайте никогда не расставаться! Я не пойду, сказал водитель, у меня брат. Ладно, давайте допьем, что у нас тут есть, доедем всякое. Мы допили весь самогон и доели весь хлеб. Майор, я пойду поссу, потом покурю, поохраняй меня, сказала Галя. В тайге одному опасно. Честь для меня, сказал я. Снаружи она сказала мне: я довольно много думала и поняла, почему ведьма с сыном тебя испугались. Просто гипотеза. Вступаем в область догадок и предположений. Слово «гипотеза» запустило в моем мозгу цепную реакцию, и я произнес: предположим, что а квадрат плюс бэ квадрат равняется цэ квадрат, а цэ квадрат плюс дэ квадрат равняется е квадрат, а е квадрат плюс эф квадрат равняется же квадрат. Отсюда со всей непосредственностью следует, следует как дважды два четыре, следует как Луна за Землей, а Земля за Солнцем, что а квадрат плюс бэ квадрат плюс дэ квадрат плюс эф квадрат равняется же квадрат, КВОД ЭРАТ ДЕМОСТРАНДУМ! Да, да, сказала Галя, так вот: знаешь, что нас спасло? Что? Нас спасло то, что ты тогда был в ментовской форме! Все это время у нее текла моча между ног, она сидела в кустах, а я стоял, отвернувшись, но тут не выдержал и посмотрел на нее.

Не пялся, сказала Галя, застегиваясь. Они подумали, что ты мент, и испугались, вот и все. Да ладно, сказал я. Ну, а ты бы не испугался? Только по чесноку? Пришел убивать невинную жертву, а вместо нее мент стоит. Я бы испугался. Смотри, давай проверим, сказала Галя. Давай. У меня есть план, сказала Галя. Какой, сказал я. Короче. Ты сейчас открываешь дверь водителя и КАК МОЖНО ГРУБЕЕ говоришь ему выйти. Да он меня нахуй пошлет, сказал я. Ты веришь мне, Васенька, спросила Галя, притянула мою голову к своей и долго-долго смотрела в глаза. Мне ее глаза понравились, они были добрые, большие и голубые. Хотелось верить обладательнице таких глаз, а еще больше хотелось верить, что ты ей тоже нравишься и когда-нибудь ты будешь ею обладать. Да, я тебе верю, сказал я. Так просто пойди и сделай, что тебе говорю. Ну пожалуйста. И я сделал, как она просила, открыл дверь водителя, вернее, постучал в стекло, оно опустилось, и я заорал: а ну-ка выходи, сука, наружу! Че, изумленно спросил водитель. Наружу, говорю, выходи! Да иди ты нахуй, сказал водитель, плюнул в меня и закрыл стекло. Я вернулся к Гале и все ей рассказал. А теперь, сказала Галя, надень свою ментовскую форму как положено. Только теперь я вспомнил, что в лесу же мы переодели всю одежду шиворот-навыворот, а потом я спал и, в отличие от прочих, забыл переодеться обратно. А остальные не спали и переоделись. Наденешь куртку нормально и сделаешь то же, что и в первый раз. Вот просто ровно то же самое ему скажи, в первый раз классно было. Да ведь он меня снова нахуй пошлет, не пойду, сказал я. Тебе, мой друг, уже нечего терять. Он тебя уже и послал, и оплевал, хуже не будет. Как ты теперь с ним вместе будешь? А если будет лучше – она улыбнулась – если мы доберемся до моего Паши, то я тебе отсосу. Я не поверил своим ушам и заставил ее повторить это снова. Да, отсосу. Но я не буду тебя уговаривать. Считаю до трех. Нет – значит нет. Да – значит да. Раз, два, три! Но я уже был около машины и снова стучался в водительское стекло. Водитель злобно посмотрел на меня, но тут же переменялся в лице, стал шарить по карманам, другой рукой открывая стекло, потом подал мне права и паспорт. А ну, вышел наружу, сука! Дверь открылась и, к моему удивлению, водитель вышел наружу. Вот права, вот паспорт, вот техпаспорт, сказал он. Вот разрешение на работу. Регистрация, строго сказал я. Здешняя, сказал он. Куда следуешь? В Шалю, везу пассажиров. Это я знаю, что везешь пассажиров. Почему стоим в режимной зоне?! Солярка закончилась. Я усиленно думал, что бы еще сказать ему неприятного, но в голову ничего не приходило. Не такой уж это был плохой человек, чтоб говорить ему неприятное, вернее, совсем неплохой. А! Ты почему, сука, в меня плевался? Я не плевался, вы что! Не отпираться мне! Только что плевался. Почему? Извините, не признал, очень виноват. Вот так-то, сказал я строго и тоже плюнул ему в лицо, прямо на нос. А потом еще плюнул, еще и еще. Слюна стекала по его усам, и он стоял, оплеванный, и старался не смотреть мне в глаза. Усы были седые, и мне пришло в голову, что ведь этот человек, наверно, значительно старше меня. Может быть, даже аксакал. Извините, сказал аксакал. Извините. Я больше не буду. Ладно, проехали, сказал я. Мне стало стыдно за то, что я унизил водителя, но я, конечно, как представитель власти, виду не показывал. Да и, в конце концов, он сам виноват, первым начал плеваться, так что, как ни крути, а я оказывался прав. Я отошел к Гале и шепнул: работает! А вот теперь вы можете заставить его идти, куда скажете, так же шепнула мне она. Почему так официально, сказал я. Но ведь вы же при исполнении, кокетливо улыбнулась она. Я вернулся к водителю. Довожу до вашего сведения, что согласно распоряжения номер пятнадцать, часть третья, от двадцать третьего декабря тысяча девятьсот сорокового года, эта местность является режимной, а в режимной местности стоянка автотранспортных средств запрещена. Так что сейчас вам всем придется пройти с нами, во-первых, чтоб не осуществлять стоянку, а во-вторых, чтоб найти место для ночлега. Все понятно? Все, понуро сказал водитель, а я, чтоб его подбодрить, сказал: Рауф! Вы видели меня с плохой стороны, видели злого полицейского, но вы сами виноваты. Нехуй было плевать в меня. Но у вас есть возможность, у вас есть шанс увидеть меня и с хорошей стороны. Я буду добрым полицейским Сергеем Захваткиным, если вы будете делать то, что я говорю. Ясно? Вы

будете для меня Пашей Матанцевым. Ясно, сказал водитель. Ну вот, КВОД ЭРАТ ДЕМОСТРАНДУМ, сказал я, и он посмотрел на меня с надеждой. И мы пошли по освещенной фонарями дороге вперед, к счастливому будущему.

Потом, наконец-то я могу сказать, мы встретились с людьми, с нормальными цивилизованными людьми, а не с какими-то гоблинами или зэками, или антисоциальными элементами, впервые с того момента, как вышли из поезда. Это была первая встреча, которая сулила нам облегчение, не ложное облегчение, а облегчение истинное, с горячей водой, вкусной едой и свежим постельным бельем. И встретились мы с тем человеком, которого уже видели, то есть в некотором роде со знакомым. Было это так.

Сзади раздалось кваканье клаксона, и я замахал руками, чтоб транспортное средство остановилось. Надо ли говорить, что махал руками я *радошно*. Означенным транспортным средством, обладателем большого и дарящего радость клаксона оказался автобус, в котором обычно возят омовцем на разгон разрешенных или запрещенных, неважно, собраний и митингов. Он остановился, оттуда выглянул человек в фуражке, по виду генерал, и весело закричал: что, боец, беглецов ведешь? Это он вам, тихонько сказала мне Галя. С тех пор, как я показал свою власть над водителем, она обращалась ко мне исключительно на вы. Нет, не беглецов, мы все вольные люди, а я так даже не полицейский, я обычный ученый. То есть как, удивился генерал. Это же режимная зона, тут не должно быть гражданских. А ну-ка, полезайте внутрь. Этого-то нам (по крайней мере, мне) (то есть полезть внутрь) и хотелось, и мы (то есть, по крайней мере, я) с удовольствием это (полезли внутрь) и сделали. Иностранец, кажется, узнал генерала, и заговорил с ним на зарубежном языке, и генерал отвечал ему тоже на зарубежном языке. Автобус был полон вещами, которые обычно берут с собой в путешествие: чемоданы, рюкзаки, саквояжи, портпледы и пр., а также, как это ни смешно, картина, корзина, картонка, имелась и маленькая собачонка. Тут Галя шепнула мне: да это же та самая шишка, ради которой мы освободили свое купе! Возвращается, гад, шепнул я. Галя захихикала. Водитель как будто поменялся ролями с иностранцем, он молчал, как шарик, из которого выпустили воздух, а иностранец, наоборот, все говорил и говорил с генералом, видимо, описывая свои (наши) злоключения, так что нам и объяснять ничего не пришлось. Ехали совсем недолго, и подъехали к красивому оштукатуренному как бы дворцу со рвом и крепостными стенами. По углам стояли сторожевые вышки с автоматчиками. Ну, вот и приехали, сказал генерал, давайте знакомиться. В общих чертах Рональд мне все рассказал, но по-русски он совсем не понимает (ни понимайт, ни понимайт, закричал иностранец), так что многое выпустил, наверно. Давайте вам покажут ваши апартаменты, вы отдохнете с дороги, и через полчаса милости прошу на ужин! Апартаменты оказались не тюремными камерами, а сносными гостевыми комнатами в административном здании колонии, с коммунальными удобствами в коридоре, но по крайней мере не на улице, и по крайней мере не коровьим стойлом. Меня определили в одну комнату с водителем, у Гали была отдельная комната, а иностранец сразу ушел с генералом. Мы с удовольствием приняли душ, почистили зубы и пр. Водитель все удрученно молчал. Да ладно! – сказал я ему. Не держи зла, так было *надо*. Чего уж, сказал водитель, а больше ничего не сказал.

На ужин подавали пюре, котлетки и много водки с солеными огурцами. Это все было очень кстати, потому что мы все были голодны, а кроме того я, Галя и иностранец уже начали трезветь. Обменялись верительными грамотами, то есть я подарил генералу свой автореферат «О некоторых свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью», водитель предъявил свои права и техпаспорт, а Галя сказала, что она мой секретарь. Генерал, в свою очередь, помимо того что предъявил угощение, сказал, что ездил в Ебург по одному очень секретному делу, а если б он был здесь, нас бы давно уже поймали и гораздо раньше помогли. То, что вы все еще на свободе, это наша недоработка, сказал он то ли в шутку, то ли всерьез. Затем он спросил, куда мы направляемся, я сказал, что в Шалю на математический конгресс. На Урале три дыры: Шаля, Гари, Таборы,

заржал генерал. Не бойтесь, доставим мы вас завтра в Шалю, и драндулет твой соляжкой заправим, обнадежил он водителя, после чего тот снова стал подавать признаки социальной жизни. Мы рассказали доброму хозяину обо всех своих приключениях, умолчав только о том, как оказались на переезде, и о том, что видели его на перроне. Генерал хохотал или сочувствовал нам в зависимости от ситуации. Знаем мы эту старушку, знаем. Полезная на самом деле личность. А геолога проверим, что это за геолог такой. Потом без перехода стал говорить мне, как он любит ученых, как он их уважает, у него среди родственников тоже есть ученые, правда, сидят, очень много выебывались. А у меня среди родственников есть менты, сказал я. Не выебывайся, сказал генерал. Да и здесь меня заключенные научили, на этой самой зоне. Вот скажи, если кто-то говорит: Квод эрат, что нужно дальше сказать? Демонстрандум, сказал я. Молодец, молодец, образовался генерал. Все правильно говоришь. Теперь я вижу, что ты настоящий ученый, и доверять тебе можно. Так, проверочка была. Кстати, и полицейская форма тебе тоже очень идет, но в Шале ее сдать придется, конечно. Глядишь, и полицейский ваш найдется. А то, что он пьет – ну что ж, это издержки профессии. Как тут не пить с нарушителями? Около старого пансионата мы его машину видели сегодня, но пустую. Ладно, чего мы, угощайтесь еще – и он гостеприимно открыл новую бутылку водки. Или виски? Чивасик есть. И он открыл Чивасик. Или текилки? Ольмека есть – и он открыл Ольмеку. Или кальвадосика? Пер Маглуар есть – и он открыл Пер Маглуар. Все! Все есть! Все пейте! Я за рулем, сказал водитель. Пей! – заорал на него генерал. Я сказал – пей! Еще пей! Еще! Еще! Ты бывал в Бобруйске, животное? Чего заныл? Ты ж даже не знаешь, кто такой Сорокин! Водитель всепил и выпил, и опьянел, и с тех пор трезвым я его не видел.

– Тетрадь вторая –

На этом заканчивается первая тетрадь и тут же начинается вторая. Галя сказала: можно от вас позвонить? Да, с вертушки можно, сказал генерал, с мобильного не получится, потому что тут все глушится, режимная зона, до стационарного, Костя, доведи даму до вертушки. А нам потом баньку истопи, красота! Девочек приведем. Не надо девочек, сказал я. Не надо девочек, сказал водитель. Почему, спросил генерал. Они заключенные, все равно, им самим же лучше, чем в холодном бараке сидеть. Я на самом деле и не знал, почему не нужны девки. Не было логических причин отказываться. Им же правда в бане лучше, чем в холодном бараке. Проститутки в бане всегда казались мне чем-то далеким, символом какой-то потной пошлости или не знаю даже чего, чем-то, что никогда со мной не случится, бессмысленной похотью из рассказов русских и советских классиков. А тут не проститутки даже, а заключенные. Объяснить все это генералу было затруднительно. Он понял мое молчание по-своему. Да не бойся ты, они чистые, врачи их каждую неделю смотрят. У меня жена, сказал водитель. У всех жена, сказал генерал. У тебя есть жена, спросил он у иностранца. Есть, ответил иностранец⁵. У меня нет жены, сказал я. Ну, будет, тем более, нету пока. Галя вот эта твоя. Она не моя, она, между прочим, к парню в Шалю едет. О, за это надо выпить, закричал генерал. Выпьем за любовь! Выпьем за печаль в твоих глазах! Ну что, отвел, спросил он у Кости. Отвел. Костян, выпей за любовь и за печаль в Галиных глазах. Костя выпил. Завтра утром в восемь часов отвезешь их в Шалю, понял, сказал генерал. Понял, сказал Костя. Вернее, бабу отвезешь. Этих оставим здесь, погостят у меня, пока не надоест. Но у меня жена, сказал водитель. А здесь режимная зона. Вы, кажется, не понимаете серьезности своего положения. Мне достаточно пальцем шевельнуть, и вас тут урюют. Иностранец у меня, сколько, уже шесть

⁵ Естественно, это все было на иностранном языке. Например, в данном случае генерал спросил թյն լոլոօ ջյզն (Шен цоли гкаве), а иностранец ему отвечал nil (ниль). А в автобусе первыми словами иностранца были Բարև ձեզ, պարնի գեներալ : Ոնց էք: Ինչպես են գործերը : Վախուց չենք տեսնուիլ: (Барэв дзез парон гэнэрал. Инчпэс эн горцэры? Вахуц дзез чэм тэсэл). Что это все значит, я не знаю.

лет как живет и не петюкает. Но вы не бойтесь, я просто в рамках гостеприимства хочу, чтоб вы у меня погостили подольше. Так что этого, с женой, оформи после бани как заключенного. Ясно, сказал Костя. А ты? Есть у тебя хоть одна причина не оставаться здесь? Мне Галя обещала минет, если я ее доведу до Шали, сказал я. Бля, да это меняет дело. Костя, этому тоже пропуск выпишешь, ясно? Ясно, сказал Костя. Вернулась Галя. Генерал, вооруженный новым знанием, стал смотреть на нее по-другому. Ну что, спросил я. Вне зоны доступа, сказала Галя. Добро пожаловать в баню, сказал Костя. Мадам, пойдете с нами, спросил генерал. Нет, ответила Галя. А то, смотри, минет нам сделаешь, сказал генерал. Шутка! Спокойной ночи, сказала Галя.

В бане генерал снова стал говорить нам, как уважает водителей, ученых и иностранцев. Уважает всех, но по-разному. Вот у нас на зоне почему бунтов не было, рассуждал он. Потому что я взял себе иностранного специалиста, Луиза, или Рональда, или Шона, да хуй его знает, на самом деле. Луиз, как тебя зовут? Джонни, отвечал иностранец. В общем, европейцев я очень уважаю, хотя они все и дураки, в общем-то. Ну вот сами посудите. У нас в районе пятнадцать зон. Ну, колоний там. Пятнадцать! И только у меня и еще в трех местах не было бунтов. Без ложной скромности могу сказать, что у меня тут самая красная зона, может, самая красная в России. Может быть, в Покрове краснее, но, может, в Покрове и не краснее. А почему? А потому что понасадят тут иностранцев, и они давай народ баламутить, права заключенных, хуе-мое. Нет у нашего народа иммунитета к Европе! А у меня что? Я взял Луиза, кормлю его, пою, девушками одеваю. Сорок гурий! И он у меня как антитело к вирусу. Остальные видят, что иностранцы такие же говнюки, как и русские, и понимают, что бунтовать бессмысленно, за граница не поможет, да и не нужны они за границе, и молчат себе в тряпочку. И они целее, и нам спокойнее. Дизайнером его оформил, например, смотри, пошивочный цех у нас теперь тикиш цехи, а пишется, если по-русски читать, как тикис секси⁶, зэчки туда с удовольствием ходят работать. Видишь, как здорово придумал? Уй ты мой поросеночек, сказал генерал и потрепал иностранца по щеке. А я для него как Цирцея – только все равно вы ни хуя не знаете, кто такая Цирцея, может, только ты, ученый, и слышал. Не надо считать нас тупорылыми! Через это и выучился с ним на всех языках говорить, а по-русски он и сам говорить не хочет... отказывается, гордый сука... Ruski eta nekulturna, да, Луизик? Нет большего европейца в России, чем власть, я сам тут главный европеец стал. За то и держу его, говняшку.

Теперь ты, ученый. Вот мы тут в бане все голые, все равны как на подбор. По мне не сказать, что я генерал: лампасы в раздевалке остались. А по тебе не сказать, что ты, хоть и ученый, но мент все равно. Нет, ты подожди, не перебивай, попозже докажу тебе это. Мы тут в бане все ученые. Вот сформулируй мне, ученый, теорему о неявной функции. Не надо доказывать, просто сформулируй! Ну, у меня другая специализация, начал я. О-о-о! Вот видишь! Другая специализация у него! Да ты тогда не больше ученый, чем я. Хер ты моченый, а не ученый. Ну хорошо, сказал я, хорошо. Пусть, скажем, есть отображение εf большое как εm -мерный вектор с компонентами как функции εf малое первое, и так далее, εf малое εm тое, отображающее окрестность дубль $v\varepsilon$ точки εx нулевое, игрек нулевое из произведения εr εm на εr εn в εr εm . А! Хорошо! Молодец! Заорал генерал. Уважаю! Все правильно пока! Продолжай. Ну и пусть это отображение удовлетворяет трем условиям. Вот! В этом-то и загвоздка! опять заорал генерал. Каким условиям? Ну, первое, εf большое от εx ноль, игрек ноль, равно нулю. (Так! Ну это было просто!) Второе, понятно, εf большое ка раз дифференцируемо в этой окрестности. Какой именно окрестности, азартно закричал генерал. Ну, дубль $v\varepsilon$, какой еще. А третье... А третье я сам скажу! Якобиан отображения из игрек в εf большое от εx ноль, игрек ноль, не равен нулю! Ну, я хотел сказать, что дэ εf большое по дэ игрек от εx ноль, игрек ноль, не равно нулю, но это одно и то же. Ах, черт, забыл сказать, что в точке игрек ноль,

⁶ tikiş sexi

огорчился генерал. Ну это по контексту понятно, сказал я. Ну ладно, с условием справился, вижу теперь, что настоящий ученый, сказал генерал. А следует-то из всех этих трех условий что? Ну там совсем уж просто, значит, существует однозначно определенная функция из окрестности x ноль в окрестность y ноль, тоже как раз дифференцируемая, такая, что f большое от x , y , равняется нулю, эквивалентно тому, что y – это f малое от x (назовем эту функцию f малое, забыл сказать). Ну что ж, сказал генерал, я не ошибся в тебе. Это проверка была. Молодец, настоящий ученый. Помарки есть, конечно, но...

Теперь ты, водитель. Ну хорошо, у тебя усы есть и зуб золотой, и ты все время пить отказывался. Но ведь и у меня есть усы, и зуб золотой есть, и мы оба теперь пьяные. Как отличить, кто из нас водитель? а? а? что? есть идеи? Нет, водителей я уважаю, без балды, но ты, водитель, совершенно бесполезное создание, даже минет тебе не обещали, я уж не говорю, что теорему о неявной функции ты сформулировать не сможешь, и вообще никуды не понял в моем разговоре ни с ученым, ни с иностранцем. Зачем ты вообще нужен, водитель, объясни? Зачем нужно твое пустое никчемное существование? Ну вот видишь, нечего тебе сказать, водитель. У меня жена есть, пьяно сказал водитель. Жена у тебя такое же пустое место, как и ты. И дети такими же будут. Личность ты совершенно бесполезная, легко заменяемая, винтик ты в машине. А посему посидишь немного у меня на зоне, может, хоть пользу принесешь русским европейцам и ученым. Я еще и поэт, кстати, вот, послушайте мой местный шлягер (и он запел):

Эй, художник дай мне краски цвета ультрафиолет,
Чтобы я, пойдя на дело, тело ей обмазал.
Ни один ко мне не приебется мент:
Ультрафиолет – это такой волшебный цвет,
Он не видим человеческому глазу.

Ультрафиолет на зоне самый модный цвет в сезоне,
Опа! опа! очень модный цвет в сезоне.

Эй, священник, окропи мне душу с головы до ног,
Чтобы я святой водой очистился, как мылом,
Чтобы черт меня забрать с собой не смог,
Чтоб не приебался после смерти даже бог,
И лежал себе спокойно я в могиле.

Ультрафиолет на зоне самый модный цвет в сезоне,
Опа! опа! очень модный цвет в сезоне.

Ну как вам? По-моему, припев немного выбивается, сказал я. Может быть, но зэка нравится, сказал генерал. Но знаете, какой куплет здесь САМЫЙ СИЛЬНЫЙ? Он ужасно пошлый, но зэка реально от него плачут. Вот, послушайте:

Эй, сестричка, помоги ты бремя маме разрешить,
Чтоб, пойдя на дело в мир, родился я в рубашке,
Чтобы почтальона не пришлось просить
Регулярно с зоны моей матушке носить
Весточки от сына на простой бумажке.
Регулярно с неба моей матушке носить
Весточки от сына на простой бумажке.

Я услышал всхлипывание, оглянулся, и увидел, что это водитель, которого, как черт в ад, тянул на оформление Костя, оплакивает свою вольную жизнь. Перед тем как уйти, он еще успел крикнуть: хорошая песня! Спасибо! Это настоящее!

Вот видишь, сказал мне генерал. Ладно, давай выпьем еще, и я тебе скажу, что ты точно мент. Ты не ученый, а мент. Как только я тебя в ментовской куртке увидел, так сразу это понял. Мент прирожденный. Пойдем заключенных пиздить. А, совсем про баб забыл. Ну, хуй с ними, потом. Одевайся, говорю.

Мы быстро оделись, причем генерал настоял на том, чтобы я надел не только ментовскую куртку, но и ментовские сапоги, ментовские штаны, ментовскую фуражку. Сам он, одевшись, преобразился и мигом потерял флер интеллигента. Это снова был туповатый начальник зоны. Когда я для проверки сказал ему, а теперь, если распространить теорему о неявной функции на негладкие функции, он отозвался: а? че? хули тут пиздеть? нихуя не понятно. Короче, Склифосовский! Делу время, а потехе час. Мы сейчас идем допрашивать заключенного. Я буду хорошим полицейским, а ты будешь плохим полицейским. Если понадобится, будешь его пиздить. Так что копи злость. Вот тебя в школе кто-нибудь пиздил? Нет, никто, сказал я. Как это никто? Ты сам, что ли, всех пиздил? Да нет, просто не помню этого. Память у тебя дырявая. Должны были пиздить. Всех пиздят. Хорошо, а недавно или вообще тебя кто-то пиздил? Я вспомнил пьяного мента у переезда. Да, сказал я, пиздил. Вот и представь, что тот, кто тебя пиздил, будет перед тобой на допросе. Вспомни, как он тебя унижал, а ты никак не мог ответить. Вспомни, какой это гад. Как ты его про себя звал пидаром, а ему сказать боялся. Пришло время ему за все ответить! Кто у нас там сейчас, спросил он на вахте у дежурного офицера. Тот назвал какую-то фамилию, не помню фамилии, пусть будет Петров. Петров, сказал дежурный офицер. Петров, отлично, сказал генерал. Еще не начали с ним? Еще не начали. Просто прекрасно. Веди его к нам. Располагайся, сказал он, стремительно входя в свой кабинет. Сейчас Петрова приведут. Водки будешь? Мне уже довольно плохо было от водки, я отказался. Ввели Петрова. Этот типок мне сразу не понравился. Так, Петров, сказал генерал. Хочешь выпить? Хочешь закурить? Ничего от вас принимать не хочу, сказал Петров, вы же потом от меня за это что-то потребуете. Зря, Петров. Мы ведь ничего плохого делать вам не хотим. Вас послало сюда государство, на перевоспитание. А чем виноваты перед вами лично мы? Мы просто делаем свой, тьфу ты, выполняем свой долг, мы люди подневольные, такие же, как вы, весь мир тюрьма, как сказал Гамлет, только вас окружает на одну стену больше, только и всего. А если мы все, например, попадем в одну баню, то нас и не отличить будет. Мы вот как раз сейчас весте с товарищем ученым в бане мылись, вот только что! И, поверишь ли, Штейнберг, он хоть и ученый, а такой же человек, как мы с тобой. Ему будет больно, если у него будут выдергивать ногти с кожей, или сверлить зубы, или бить электрошокером, и так же ему будет неприятно, если его будут душить, лишать сна или делать ласточку. Правда, Василий? обратился он ко мне. Мне уже совсем было хреново, блевотина подкатывала. Признавайся, сука! – заорал я. Признавайся, падло! Признавайся, гад! Признавайся, пидор! Погоди-погоди, Вася, пока не стоит. Признается. Убью гада! – орал я. Так вот, я рассказывал в бане товарищу ученому, что в соседних зонах, значит, бунтуют, а у нас вроде как нет, но нам-то известно, что существует заговор, несмотря на все наши старания, и что хотя заговор и обречен на поражение, и нам известны организаторы, педагогически правильнее будет спросить у так называемых недовольных, и чтоб они сами все рассказали. Правильно, Вася? Я чувствовал, что меня сейчас вырвет, но не мог посрамить честь мундира и отлучиться в уборную. Убью! – глухо проревел я. Да, и товарищ ученый был весьма возмущен, как видите. Он согласился поделиться с нами некоторыми своими разработками в области физиологии, а именно методами особо мучительного воздействия на человеческий организм. Вы ведь, кажется, врач, Штейнберг? И понимаете, о чем я говорю... Так что советую признаться, а не то я спущу с цепи это... животное. Смутно сознавая, что речь идет обо мне, я встал со своего стула и начал бить

Петрова по ебалу, а он, поскольку был прикован к стулу, не мог никак укрыться или увернуться. Я ударил его несколько раз; естественно, пошла кровь, стул опрокинулся, Петров упал, я стал пиздить его ногами, не разбираясь, куда попадаю, по стулу, по телу, по голове... я просто пиздил его куда придется, приговаривая: признавайся, сука, признавайся, падло, признавайся, пидор, признавайся, гад, и мои «признавайся» задавали ритм, как в песне Умки «Пропади ты, сука», и помогали дышать в такт, как на тренировке по какой-нибудь аэробике или кроссфиту, и мне становилось легче, и уже даже не хотелось блевать, и вообще было приятно, как после хорошей пробежки. Хватит, хватит, генерал обнял меня за плечи и отвел от того, что было Петровым, оставь, а не то убьешь, смертность нам повысишь. Я же говорил, прирожденный мент, не ту профессию выбрал, нужно был в менты идти, внутри тебя такой мент сидит. А впрочем, внутри кого он не сидит. Ладно, кто там у нас следующий? Еще поработаешь? Я кивнул. Только водки еще дай.

И я выпил еще водки, и что было дальше, уже не помню. Есть у меня такое качество, что когда сильно пьяный, не помню себя. Помню только, что было весело и страшно. По предыдущему опыту, впрочем, могу сказать, что, скорее всего, быстро заснул. То есть заснул точно, и время, проведенное в беспомыслии, было коротким, обычно бывает так. Надеюсь, и в тот день было так. Думаю (в целях самосохранения, в основном), больше никто не пострадал от меня в тот вечер. А может, мне вообще все приснилось? Хорошо бы это было так. Потому что следующее, что помню, это что я просыпаюсь от полной темноты, то есть, как бы это сказать, я открываю глаза и не вижу разницы, открыты они у меня или закрыты, так было темно снаружи и настолько не было мыслей внутри. Хорошее упражнение перед сном – *увидеть темноту* – это почти невозможно, точно так же, как не думать о белой обезьяне. Можно написать в сонник: увидеть темноту – заснуть/проснуться (в зависимости от ситуации). Так вот, я проснулся в полной темноте в своей комнате на втором этаже и услышал осторожные шаги внизу. Преодолевая тошноту и панику, подкрался к двери и чуть приоткрыл ее. Она была хорошо смазана. Я задержал дыхание. Шаги приближались. В коридоре был какой-то тусклый свет, и в этом свете я увидел, как мимо двери прошла Галя и скрылась в своей комнате. Щелкнул замок. Все стихло. Я на цыпочках подкрался к своей кровати и снова заснул.

Проснулся я от того, что Константин трясет меня за плечо. Было еще темно, немного света попадало в комнату из коридора, и снаружи горели прожекторы, освещающая зону между бараками и стеной лагеря для предотвращения побега заключенных. А? что? – сказал я. Пора ехать. Куда ехать? В Шалю. Зачем в Шалю? Генерал сказал вас утром отвезти. А, ну да. Ну ладно, поехали. А который час? Без пяти восемь. В комнату вошла Галя и включила свет. Блин, глаза же режет. Поехали, поехали, время не ждет. Я встал с кровати как есть, не раздеваясь, в одежде, в ментовских сапогах. Пиво есть, спросил я у Константина. Есть, «Вятч», в машине, отвечал мне Константин. Ладно, пойдём, сказал я. Погодь! В туалет нужно. Туалет, как я уже говорил, был в коридоре, совмещенный с умывальной комнатой, я пустил воду и сунул голову под кран. Вода оказалась слишком холодной, я сделал потеплее и снова сунул голову под кран – теперь она была слишком горячей. Да блять, что ж такое, довольно громко сказал я, и мой голос разнесся эхом по пустой умывалке. Снова сделал похолоднее, и снова вода оказалась ледяной. Вот так у вас, значит, людей на зоне мучают, сказал я отсутствующему генералу. Не могут нормально температуру настроить, черти! Не получив облегчения, зато с мокрой головой, поссав, вышел в коридор. Он был ярко освещен, вода текла мне за шиворот, весь воротник и верхняя часть спины были мокрыми. Там было огромное количество дверей, может быть, штук сто! и все одинаковые, белые, с филенками. Коридор уходил вдаль, и там четыре линии, а именно соединение левой/правой стены с полом/потолком во всех четырех комбинациях по законам перспективы сходились в одну точку, вернее, сходились бы, если б не упирались в квадратный торец коридора с большим окном. А их воображаемые продолжения (этих линий), конечно, сходились. Но этого мало. Помимо

классической только что описанной перспективы наблюдались два вида неклассической, а именно: верхняя и нижняя стороны торцевой стены были не строго параллельны, а сходились (их воображаемые продолжения сходились) в достаточно удаленной точке справа, и там же сходились продолжения верхнего и нижнего края окна в этой торцевой стене; то же самое можно было сказать о левой и правой границе торцевого, предполагается, квадрата, и боках окна, продолжения которых сходились где-то далеко вверху. Назовем второй описанный вид перспективы боковым, а третий вертикальным. Таким образом, из-за трех явственных видов перспективы в трех измерениях в этом, предположительно, прямоугольном здании не было на самом деле ни одного прямого угла, по крайней мере, зрительно. Легко себе представить, каково мне было с похмелья в этом кривом мире. А за скрюченной рекой в скрюченном домишке жили летом и зимой скрюченные зэки, и так далее⁷. И огромное, как я сказал, множество одинаковых дверей. Эти двери вызвали у меня панику, потому что я среди них заблудился, все они были еще и заперты одинаково, одинаковые горизонтально расположенные ручки из нержавеющей стали, все указывают в точку схода внутри непрямоугольного неквадрата. Я не мог ни найти свою комнату, ни про какую другую комнату с уверенностью утвердительно сказать, что она *не моя*. Я дергал все двери, пока одна из них вдруг не раскрылась, оттуда высунулась рука Константина и повлекла меня, мокрого, вниз, вниз по лестнице в машину-буханку, где дверца за мной захлопнулась, как за заключенным, и мы поехали. Необходимо заметить, пока мы еще не выехали за пределы зоны, что хотя рука существа, тянувшего меня в преисподнюю, определенно была мужской и скорее всего Костиной, его голос был Галин, или, может быть, это Галя говорила со мной, скрываясь вне зоны моей видимости за Константином. Когда я обнаружил себя на скамье в буханке, она сидела напротив. Буханка тоже была не прямоугольной, а с тремя видами перспективы, кроме того, в ней трясло. А пиво-то где, спросил я у Константина, и он дал мне «Вятч», и я сидел и его пил, и очень скоро попросил вторую бутылку, и ее пил уже не жадно, а с удовольствием, а Галя курила напротив. Дай сигарету, сказал я, а потом сказал, огоньку бы еще, а потом сказал, кончились, хотя мои кончились еще несколько недель назад. Углы буханки постепенно стали прямыми.

На КПП Костя показал бумаги, мы выехали за периметр, и сразу стало легче дышать. Мы поехали по хорошему асфальту, и лес перестал быть или казаться таинственным или колдовским. Уже начало светать, и из двух черных стен по сторонам дороги он превратился просто в группу деревьев, стоящих по ее обочинам. Ехали мы довольно коротко, и особо описать наш путь не получится, хотя я поставил себе целью зафиксировать каждое свое действие и все связанное с этими действиями, по крайней мере, все из того, что я помню, в том числе свои мысли, свои чувства, сны, мечтания, стихи и песни, что я слышал, а также передачи по радио и телевидению, номера автобусных билетов, виды птиц и насекомых, пролетающих мимо, и что они кричали (в деталях), окрас домашних животных, направление ветра и так далее. На все это требуется колоссальный объем ПЗУ, в ущерб ОЗУ, не знаю, имеет ли современный читатель представление об этих терминах, лично я их достал именно из ПЗУ. Поэтому мой стиль не так красив и выверен, как мог бы, зато он достаточно точно отражает воспринимаемую мной Вселенную, а также производимые мной сущности.

В рамках этого своего всеобъемлющего изложения я приведу пришедшее мне тогда в голову сравнение. Снаружи, как я уже упомянул, а если не упомянул, то упоминаю, не происходило абсолютно ничего, мы ехали, покачиваясь, сначала во тьме, а потом среди деревьев, поэтому все мои мощнейшие обороты мозга были направлены на обдумывание текущих дел, не вовне, а внутрь. Забыл сказать, что в машине не играло даже радио, запрещено по инструкции. И вот, короче, к какому выводу я пришел. Это было вроде как в

⁷ И стояли у ворот скрюченные елки, и смотрел на них в прицел скрюченный конвойный. А за скрюченным мостом скрюченная ведьма по болоту в сапогах прыгала, как жаба. И была в руке у ней скрюченная палка, и бежал за нею вслед скрюченный геолог.

полусне. В дороге я сравнил жизнь с дорогой, не конкретно свою жизнь, а вообще, и свою, получается, только в рамках любой человеческой жизни. Примерно как, допустим, если бы нам с Галей поручили проехать вдоль всего Транссиба и сделать косметический ремонт всех полуразрушенных зданий, которые встретятся нам на пути. Вот это и есть жизнь. Вот это и есть жизнь. Поясню подробнее. Ты проверяешь каждое встретившееся тебе здание, сначала первичная оценка состояния, на предмет полуразрушенности; потом оцениваешь ущерб, в каждом случае сугубо свой; потом чинишь это здание, если того требует ситуация, сначала тяжело, потом все быстрее и быстрее, по мере обретения необходимых навыков и опыта, а потом снова медленнее, от усталости и от скуки. Потом переходишь к следующему зданию. Иной раз нужно всего лишь вытереть пыль со ставней, а иной раз перестелить кровлю. Иногда ты забываешь что-то из своего имущества в каком-нибудь доме, а иногда, наоборот, находишь припрятанные прежними хозяевами драгоценности или еще что получше. Неопытные ремонтники оставляют эти ценные вещи на потом или даже перепрятывают их в неизбежно возникающие новые тайники в надежде потом вернуться и забрать их. Но они не представляют себе истинных масштабов работы. Зданий вдоль Транссиба великое множество, и зданий, в которых можно что-то найти, тоже великое множество. Сначала сложно себе представить, но что-то по-настоящему ценное есть в двух заброшенных домах из трех, и чем дальше по трассе, тем чаще встречается ценное. Разной степени ценности, конечно, часто ерунда, типа пустой тетрадки, в которой еще вполне можно писать, или книги в хорошем состоянии, или огрызка карандаша. Но может попасться и глобус, и (неиспользованный) презерватив, и какой-нибудь антиквариат, и серебряные ложки. И из-за этого легко забыть, в каком здании было ценное, а в каком не было, учитывая, что и вернуться удастся не всегда: бывает, начальство перебрасывает на новый участок работы, бывает, заболеваешь, падает метеорит и так далее. А если тащить с собой весь найденный скарб, то быстро забарахлишься и устанешь. Вот так и устроена жизнь. Вот так и устроена жизнь. Непонятно, что брать с собой, что оставлять, что стоит того, чтоб тащить его от объекта к объекту, пока не найдешь чего-то большей стоимости, чтоб оставить прежний груз в неизбежно возникающем тайнике, а вместо него взять новый. Хорошо, если тебе повезет и ты найдешь такой предмет, про который сразу можно сказать: вот мое сокровище, вот моя прелесть, я бросаю свою сомнительную карьеру разнорабочего и удаляюсь в глушь, или сажусь на первый же поезд по тому же Транссибу, или селюсь тут же в полуразрушенном здании, и с места меня не сдвинешь, под лежащий камень вода не течет. Но нет! Так везет не всегда. Или, может, везет всегда, но большинство людей все равно тащат наиболее ценный хлам с собой, оставляя менее ценный в нычках, надеясь когда-нибудь вернуться за ним и разбогатеть, и так и не возвращаются. Или идут налегке, надеясь закончить работу пораньше и побыстрее вернуться. Слишком поздно они понимают, что Транссиб бесконечен, то есть, разумеется, конечен, но для их практических целей нет. Мы, математики, или, скорее, философы математики, говорим, что эти люди верят в гипотезу потенциальной осуществимости (на которой, например, основан принцип математической индукции натурального ряда). Обойти все здания по второму разу и забрать припрятанное занимает столько же времени, сколько все припрятать. Я скажу даже больше. Вот все эти сокровища в разрушенных домах – они в основном не от прежних владельцев. Они от предыдущих ремонтных рабочих, это их нычки. Вот что такое жизнь, думал я.

Но мне-то повезло, думал я. Я как раз нашел свое сокровище, которое позволит мне больше не копать в чужом дерьме. Это то мое сокровище, моя прелесть, мое *кое-что*, что я утащил сначала из больницы, потом из общаги (или наоборот). Это то самое, за чем они выслали на вокзал санитаря и, наверняка, выслали и другого санитаря встретить меня в Екатеринбурге, докуда я, слава богам, не добрался. И, кстати! Не за тем ли ездил и из своей колонии в Ебург генерал, и не за тем ли послали к старому санаторию пьяного мента, и не потому ли встретил нас в лесу ныне декапитированный геолог? И, более того, не оттого ли здесь и Галя? Я покосился на нее. Она курила и тупо глядела перед собой. Я

стал думать, кто она вообще такая по жизни. У всех остальных были отличительные признаки, или артефакты, помогающие определить их род занятий. По Федору Михайловичу сразу было понятно, что это проводник поезда, поскольку на нем была бляха, или табличка, или жетон, или бейдж с надписью «Федор Михайлович»; пьяный мент был в форме и, опять же, при жетоне; иностранец весь в туристической мишуре; водитель с правами, кепкой, усами, золотым зубом, и не пьет (не пил); геолог с гитарой, рюкзаком и песнями про солнышко лесное; генерал с лампасами и погонами; его подчиненные – понятно. Его подопечные – тоже понятно. Но какими отличительными особенностями обладает Галя? Вообще какой-то персонаж Музиля, человек без свойств.

На этом месте моя мысль была прервана, потому что тайга внезапно закончилась, и мы выехали к деревне, вернее, населенному пункту, который с краю казался деревней, а ближе к центру уже был похож на маленький городок с блочными домами, краснокирпичными зданиями, бывшими и действующими заводами и мануфактурами, водонапорными башнями, магазинами, даже кафе и прочими полуразрушенными зданиями. Такие населенные пункты вдоль всего Транссиба называются обычно поселками городского типа, или сокращенно пгт. Один из таких пгт постепенно окружал нас. Да, мы въехали, наконец, в пгт Шаля. Я думал, такого никогда не случится, но вот, надо же, смотрите-ка, случилось. Чудо произошло. Одновременно у Кости зазвонил мобильник. Да, сказал Костя в трубку. Да. Да. Понял. Да. Так точно. Нет. Конечно. Так точно. Да. Есть. Да. Так точно. Понял. Да. Так точно. Есть. Нет, больше нет. Понял. Есть. Да. Да. Так точно. Разумеется. Несомненно. Да. Да. Да. Да. Да. Да. Есть. А ничего, что мы это по открытой связи? Понял. Честь имею, – и повесил трубку. Так, товарищи, обратился он к нам. Я должен был вас высадить у полицейского участка и сдать местным увэдэшникам на предмет того, откуда у вас эта шинель, но обстоятельства внезапно переменились. Теперь я вас не знаю, вы меня не знаете, я высаживаю вас около станции, и вы как можно быстрее сваливаете отсюда в неизвестном направлении, причем лично я советую выйти не в Ебурге, не в Перми, а где-то в пригороде, и дальше на попутках. А что случилось, спросила Галя. Говорю же – обстоятельства изменились. Мы друг друга не знаем. Нет, знаем! Везите меня к ментуре, сказал я. Будьте же благоразумны и скажите нам, что случилось, а то нам придется самим обратиться за разъяснениями в полицию, сказал Галя. Нам скрывать нечего, сказал я. Костя выглядел растерянным. Высаживайте где хотите, да, сказал я. Ментуру мы и сами найдем. Ладно, сказал Костя. Смотрите сами, расскажете кому, что у нас были – у вас проблемы. Да не томи ты! Короче – генерал мертв. Похоже, сердечный приступ, но никто не знает. Тут сейчас вокруг пиздец может начаться. Советую свалить, от души. Ладно, сказала Галя. Высаживайте где угодно. Не пойдем в ментуру.

Оказавшись вне воронка, Галя немедленно принялась проверять сеть. Есть, есть сеть, закричала она и стала набирать номер, подозреваю, что номер своего Паши. Хотя теперь и я был в некотором роде Пашей, я из деликатности отошел в сторону, так, что и не слышал, о чем они там говорили. Я пошел пока посмотреть расписание. Ближайшая электричка была до Перми, через пятнадцать минут. Я пошел сообщить об этом Гале, она все еще разговаривала, причем на ее лице играла, я бы сказал, улыбка. Счастливая улыбка, да, именно так я бы и выразился. Я стал знаками показывать ей, что наш поезд через пятнадцать минут, она улыбнулась и мне, из чего я заключил, что надо пойти покупать билеты, и пошел покупать билеты. Заодно купил и пива «Вятч» крепкое, в продолжение вчерашнего опохмела, в машине меня немного укачало, немного стало дурновато, нужно было подлечиться. Когда я вернулся, Галя уже закончила разговор. Электричка через семь минут, сказал я ей. На станции толпился народ, полный решимости сесть на электричку и тут же уехать в Пермь: бабки с мешками, ведрами и лукошками; молодые люди в цивильной одежде, т.е. в пиджаках под куртками, по виду все программисты; мордатые мужики в шапках-пидорках; усталые женщины, похожие на продавщиц; мамы с детьми; один очень хорошо (действительно хорошо) (правда хорошо) одетый бизнесмен; еще

какие-то женщины в лосинах. Езжайте, если хотите, а я не поеду, сказала Галя. Почему? Паша сказал, что все-таки видел меня вчера в поезде, на котором мы ехали а Ебург, сказала Галя, как мы и думали. Позавчера, сказал я. Да, позавчера. И он решил сам найти меня в Ебурге, сел в электричку и тоже приехал туда. Тоже как и кто? Тоже как и мы. Но мы туда не доехали. Ну он-то этого не знал! Там он меня, конечно, не нашел, все время мне звонил, но я была недоступна. Это верно, сказал я, недоступна. И теперь он возвращается в Шалю из Ебурга, так что я его буду ждать здесь, и не поеду ни в какую Пермь, просто заключила Галя. А когда он приедет-то, спросил я. Через три часа электричка приходит, сказала Галя. Знаешь, что, с возмущением сказал я. Что, сказала Галя. Мне не нравится этот твой Паша. Мало ли, что он там за хуй. Так что я, так и быть, останусь здесь и посмотрю на него. Только обещай мне две вещи. Какие, спросила Галя. Первое, если он мне не понравится, покажется подозрительным, мы тут же уезжаем отсюда на первой же электричке. А вторая, спросила Галя. Если мне тут придется ночевать, вы мне найдете место, желательно в квартире этого Паши, чтоб я тебя мог защитить, если что. Боюсь, ни того, ни другого я пообещать не могу, сказала Галя. Тогда придется мне уехать в Пермь, и разбирайся сама со своим Пашей, сказал я. Ну что ж, сказала Галя. В любом случае приятно было познакомиться, и наше приключение было незабываемым, я хочу сказать, я лично его никогда не забуду, и ночевка у ведьмы, и на зоне, и вообще. Я очень рада, что с вами познакомилась, Василий. Это воспоминание будет моим *сокровищем* на всю оставшуюся жизнь. А если этот Паша маньяк, сказал я. Ведь ты же ничего о нем не знаешь. Ну, значит, так тому и быть, сказала она. Не такая уж я лохушка. В конце концов, как-то добралась до Перми самостоятельно, и дальше за себя постою. Двадцать семь лет на свете прожила.

Мы стояли и неловко молчали. Прощаться не хотелось. А вот тут бабки, смотри, сказал я. Вижу, сказала Галя. Едут в свою Пермь, явно что-то продавать. А что им теперь продавать? Грибы уже всё, ягоды тем более. Картошку, что ли? Может, и картошку, согласилась Галя. Но скорее всего – хрен. Чего? Какой хрен? Хрен. Для хренодера. Октябрь, ноябрь – самое время для копки хрена. Все лето хрен растет в земле, уходит в глубину, толстеет, набирает силу и ярость. Его нужно копать перед самым снегом, пока земля еще мягкая. За зиму он одрябнет и одеревенеет. Лучше всего его перетереть сейчас, с помидорами, добавить соли – и получится хренодер. Отличная штука. Снять последние помидоры, еще зеленые, оставить в ящиках лежать и дозревать. К ноябрю как раз дозреют, все это вместе с хреном в мясорубку, и будет отличный, прекрасный, замечательный хренодер. Ты хочешь сказать, все эти бабки везут в Пермь хрен, спросил я. Не знаю, сказала Галя. Вот ваш поезд.

Прибыла электричка из Перми, высадила контингент пассажиров, приблизительно идентичный тому, что стоял на перроне. Отправление обратно в Пермь было назначено на через десять минут. Я снова сбегал в киоск, купил еще три «Вятича» крепкого, вернулся к Гале. Она все так же стояла у дверей последнего вагона, самого ближнего к Ебургу. Ну что ж, обнимемся, что ли, на прощание, сказал я. Мы обнялись и даже поцеловались. Я поцеловал ее в губы, и она ответила. Я оторвался от нее. Ну что ж, мне пора. Поезд отходит. Да, сказала она, очень жаль. Электричка свистнула несколько раз, как будто поторапливая меня, потом закрыла двери и поехала, постепенно, но при этом стремительно набирая ход, оставляя на своем месте перрон с Галей, здание вокзала, блочные дома, стацию бронетранспортера, потом избы, потом огороды, а потом и просто все еще с ускорением двигаясь по тайге в направлении Перми.

Электричка уехала, оставив в Шале пустой перрон, на котором были только мы с Галей.

Все-таки посмотрю на этого твоего Пашу, сказал я. Ну, раз до его прибытия еще три часа, может, нам перекусить и выпить? Действительно, почему бы и не да, сказала Галя.

География и топография пгт Шаля, а также его топография и геология, следующие: в поселке имеется несколько гор, а именно: гора Булычѣвка, гора Поповка, гора Сипа, Гора Петифоровка и гора Пьяная. Имеются также памятник воинам-интернационалистам, магазин «Доброцен», магазин «Юбилейный», торговый центр «Радуга Монетка», «Монетка Плюс». Не обделен пгт Шаля и «Пятерочкой», магазинами «Центральный», «ШопКидс» и «Ермолино», хлебокомбинатом, аптекой «Фармация», стадионом «Луч», кафе «Шалинское Райпо» и «Деревенька». В кафе «Деревенька» мы, как говорится, и направили стопы свои. Около школы номер девяносто услышали акустические звуки. Из-за угла выбежал пацан, за ним два пацана побольше. Пацан поменьше явно мне обрадовался и бросился ко мне. На сердце потеплело, мало кто мне радовался в жизни, но тут пацан закричал: Товарищ милиционер, товарищ милиционер, и я вспомнил, что я в полицейской форме. Помогите мне! Что случилось, спросил я. У меня деньги отбирают, мама на обед дала. Так сказал пацан поменьше, а пацан побольше сказал: он нам должен. Ничего я вам не должен, закричал пацан поменьше. Нет, должен! Нет, должен, закричали пацаны побольше. Мне мама на обед дала! Он нам денег должен! Стоп! Не орать, закричал я. Тебя как зовут, спросил я мелкого. Филипп, сказал он. А тебя? А меня Коля. А тебя? А меня Федя. Врет он все! Не Федя он. Федя! Нет, не Федя! Нет, Федя! Сам ты Федя. Я Филя! Не орать! Покажи паспорт. У меня нет паспорта, мне тринадцать лет. Покажи свидетельство о рождении. Дома лежит. Так как его зовут? Его Коля зовут. Нет, вот этот Коля. Этот тоже Коля. Так вы два Коли? Почему тогда ввали мне? Я Коля, но меня все Федей кличут, чтоб не путать с другим Колей, мы близнецы. Это правда, подтвердил Филя. Только тут я заметил, что они действительно близнецы. Когда близнецы одеты по-разному, это не сразу замечаешь (то, что они близнецы; то, что одеты по-разному, в глаза, наоборот, бросается, особенно когда уже понял, что перед тобой близнецы). Так, с этим разобрались. И за что он вам должен? Да не должен я им! Я тебя, что ли, спросил? Он нам мяч порвал, футбольный. Нам теперь играть нечем. Это правда, спросил я Филю. Я вообще тут ни при чем! А кто тогда мяч порвал? Я не знаю, я вообще в тот день не играл! Вот именно! Когда играет, все нормально, а как играет, вечно что-нибудь с мячом. А они у меня скрипку сломали, закричал Филя. Ты что, на скрипке играешь, спросил я. Ну да, а они ее сломали, прямо об меня. То-то я вижу, ты на ботана похож, засмеялся я. Короче, мне все понятно. Надо вернуть пацану за скрипку. Есть че с собой? Нет, сказали два Коли. А если найду, спросил я. Давайте-ка по-хорошему. Коли переглянулись и выгребли из карманов мелочь. Пересчитай, сказал я Филе. Хватает? Нет, сказал Филя. Сколько еще нужно? Еще, ну, две штуки, сказал Филя. Ну нет у нас больше, сказал Коля, который Федя. Сейчас нет, а завтра должны быть, сказал я. Завтра принесете, а если не принесете, включаю счетчик. По сотне в день, ясно? Ладно, я тебе это запомню, сказал просто Коля Филе. Да не должны они уже, так, это дело прошлое, меня теперь зато играть не заставляют, так что мне даже лучше. Пацан, я тебя разве спросил? Чтоб завтра принесли два куска. Каждый. И если у Филиппа будут проблемы, то и у вас будут проблемы, и у ваших родителей будут проблемы. Ясно? Ясно, сказал Коля-Федя. А тебе ясно? Ясно, сказал Коля-Коля. Ребята, я вам потом верну, сказал Филя. А если ты вернешь, то и у тебя будут проблемы, и у твоих родителей будут проблемы, и у бабушек с дедушками будут проблемы, и у прабабушек с прадедушками будут проблемы, и у всех до седьмого колена будут проблемы. Ясно тебе? Ясно. Я не понял, громче говори. Ясно? Да. Что да? Ясно. Не слышу. Ясно. Что? ЯСНО!!! Молодец. Все. Пошел. Так! А вы куда? Два брата-акробата. Я с вами еще не закончил. Вас по-хорошему надо бы в детскую комнату милиции сдать, но мы с коллегой на срочном задании, некогда. Что же с вами делать... Будете Филиппа обижать? Будете Филиппа обижать? Нет, не будем. Что? Не слышу. Громче! Нет, не будем! Громче, я сказал! НЕТ, НЕ БУДЕМ!!! Так. Теперь для закрепления, чтоб вы поняли, что так себя вести нельзя, вы делаете вот что. Вы пиз... вы сейчас идете за мной к гаражам, где тут у вас гаражи, и начинаете друг с другом драться. До первой крови для начала. Кто побеждает, тому я дарю книжку по математике,

называется «О некоторых свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью». Все ясно? Пошли. Коля-Коля попытался от меня убежать, но я ловко в два шага нагнал его и схватил за шкурку. Удивительно удобная вещь оказалась эта полицейская куртка, я как будто стал в ней в два раза быстрее, выше, сильнее, умнее, шире. Все постороннее вышибло из головы, я научился сосредотачиваться на текущей задаче, отставляя в сторону второстепенное, рефлексы обострились. Еще раз такое учудишь – со мной будешь драться, не с ним, ясно, сказал я.

Сначала они дрались вяло, без огонька, не желая причинять друг другу боли. Это что такое, заорал я, сейчас пропишу обоим. Может, отпустить их, сказала Галя. Они поняли вроде. На шум откуда-то вылезла женщина средних лет с перманентом на голове. Здравствуйте, товарищ полицейский, разрешите полюбопытствовать, что тут происходит, сказала она. С удовольствием. Проводим воспитательную работу с хулиганами, пояснил я. А, это два Николая, сказала она. Известные хулиганы, да. Из неблагополучной семьи. Позвольте представиться, Элеонора Валентиновна, завуч школы, где учатся эти два придурка. Здравствуйте, Элеонора Валентиновна, хором пробурчали Коли. А что они натворили? Вымогали деньги у своего одноклассника Филиппа. Это что же за Филипп, спросила Элеонора Валентиновна. Матанцев, сказал Коля-Федя. А, знаю, хороший мальчик, математикой увлекается, на скрипке играет. Как вы могли, Агалаковы! Ладно, не буду вам мешать, продолжайте, и она уцокала обратно в свою нору. Так, ну давайте, продолжайте, у нас мало времени, сказал я. Галя достала телефон и начала ворковать с Пашей. Я открыл новую банку «Вятича» крепкого. Дальнейшее течение этой так называемой драки можно описать следующим образом: Коля-Федя пытался достать Колю-Колю джебами и кроссами, а также ударами ногами, а Коля-Коля пытался войти в клинч и повалить Колю-Федю на землю. В целом по стилю Коля-Федя напоминал больше Коннора Макгрегора, а Коля-Коля Хабиба Нурмагомедова. Постепенно Хабиб начал видимо уступать, у него на глазах показались слезы, у Коннора, кстати, тоже показались слезы, и, наконец, появилась и злость, и резкость в движениях. После пятнадцати минут пыхания Коля-Федя вдруг закричал: все! первая кровь! ура! – и показал царапину на скуле Коли-Коли. Да какая это кровь, покраснение, засомневался я. Не, кровь, кровь, кровка, закричали мальчишки. Ну ладно, идите и больше мне на глаза не попадайтесь – и я им выписал по поджопнику. Погодите, сказала вдруг Галя. А у Фили вашего как отца зовут? Не Павел? Вроде Павел, закричал с безопасного расстояния Коля-Коля. Не, Павел вроде дед у него, а отец Сергей, закричал с еще более далекого расстояния Коля-Федя. И они исчезли вдали. Вы поняли, спросила меня Галя. Что я понял, что эти пацаны гады? Конечно, я понял. Помню, меня в школе такие же драться заставляли. Так я одного за жопу укусил, ну, через штаны. Задразнили, конечно, но драться больше не заставляли. Да я не о том, сказала Галя. А о чем? О том, что этот Филя – Матанцев, и друг нашего пьяного друга тоже Матанцев, только Сергей. А дед как раз Паша. А! тот самый, что ли, Паша Матанцев? Не знаю, тот самый или не тот самый, но Паша Матанцев. Прикольно, сказал я.

Тут следует упомянуть, пока не забыл, что в течение всего инцидента со школьниками Галя капала мне на мозги, чтоб я их, может, отпустил, и вообще помягче с ними обошелся, но делала это очень аккуратно, понимая, что под горячую руку я и ей уебать могу. К ее чести, с появлением завуча Элеоноры Валентиновны она вообще замолчала, но, мне показалось, в глазах ее появилось какое-то осуждение. Вытащить это осуждение на божий свет и сразу же убить не представлялось возможным, поэтому что, ну, она все-таки молчала. Так что я ей сказал: Ты что, обиделась? Она сказала: Нет. Да ладно, вижу, что обиделась. Я что, неправ был? Нет, нет, все нормально, сказала она. Я что, должен был их так отпускать? А они пусть мучают бедного пацана? Может, это талантливый парень, может, это гений, кстати, математика и музыка часть под руку идут, ему из этой ебаной Шали не выбраться, а его еще тут гнобят! Нет, ты скажи? Да что мне говорить? Почему ты меня осуждаешь? Да как я могу вас осуждать, вы же тут власть

теперь, все правильно сделали. Слышу в словах твоих издевку. Никакой издевки! Точно не осуждаешь? Точно. Точно? Да точно, точно. Но я вижу, что все-таки осуждаешь. Ну как мне доказать, что не осуждаю? Ну извини, больше так не буду делать. Просто разъярился потерял голову, понимаешь. Меня в школе такие же гады драться заставляли, так я одного за жопу укусил. Ага, вы рассказывали. Генерал вчера спрашивал, а я забыл, а теперь напомнили гады. Ну вот, а теперь мне стыдно. Все равно так нельзя с детьми. Вдруг из них ученые вырастут, а не эки и не менты. Ну что уж, сказала Галя. Ну ладно, сказал я. Постараюсь так больше не делать. Надеюсь, они не очень обиделись. Вообще не обиделись, сказала Галя. Их небось отец тут каждый день дубасит. Элеонора Валентиновна сказала, что они из неблагополучной семьи. Ну да, наверно, обрадовался я. Деревня же. Ну да, деревня. Или, может, они станут писателями, как братья Гонкуры, и этот инцидент сформирует их богатый внутренний мир, сказала Галя. Но ты меня все равно извини. Мне неприятно, что я в твоих глазах таким скотом был. Вообще-то я не такой. Не выпался просто и проголодался. Бедняга, сказала Галя, но как-то тепло и совсем не обидно, а потом нежно меня обняла. Надо срочно пойти поесть в «Деревеньку».

Кафе «Деревенька» было на удивление приличным, со скатерками на столах, солонками и перечницами, и даже графинами с бесплатной питьевой водой. Я выпил сразу весь графин, нам принесли еще, потом, не спрашивая, пюре с котлетами, салат из помидоров и огурцов, суп-рассольник, видимо, это был комплексный обед местных крестьян. Сколько тут водка стоит, спросил я. Может, пока не надо, устроим перерыв, а вечером все вместе бахнем, с Пашей, спросила Галя. Не надо так не надо, мне одну стопку только, стыд запить, а больше не буду. Я сама принесу, сказала Галя, и принесла, сдержала обещание. Я тоже сдержал обещание и выпил только рюмку, больше не стал. Заснул прямо в кафе, и никто меня не будил, только Галя через два часа. Вставайте, сказала она, скоро электричка из Ебурга с Пашей на борту. Вы хотели на него посмотреть.

По пути Галя доложила ситуацию. Она несколько раз, пока я спал, звонила Паше. Связь была, но нестабильная, а в последние полчаса вообще не было. Но это ничего, она знает, что он едет во втором вагоне. Когда поезд подойдет, она просит меня остаться где-нибудь в отдалении, но в зоне видимости, конечно, чтоб не навредить ей. Откуда будет хорошо видно и Пашу, и всех остальных пассажиров, если вдруг будет такая надобность. Например, может появиться тот самый пьяный мент, Сергей Захваткин, и предъявить свои права, несомненно, весомые, на униформу. Форму мы вернем, но не сейчас. Или безголовый геолог, превратившийся в зомби. Или генерал, превратившийся в вампира. Или беглый зэк Рауф, бывший водитель. Или иностранец. Да мало ли кто может появиться, может, санитар из больницы. Так что лучше пока держаться отдельно.

За этими инструкциями дошли до станции. На станции толпилось много людей, частично встречающие персоны, но в основном, похоже, стремящиеся любой ценой покинуть унылую Шалю и уехать в Ебург, когда поезд, высадив пассажиров (и Пашу в том числе), поедет обратно. Все те же бабки с мешками хрена, программисты в гражданской одежде, суровые мужики, усталые бабы, парень с серьгой в ухе, грибники с пустыми корзинами. Была, между прочим, и Элеонора Валентиновна, завуч школы, в которой учились близнецы Коли и Филипп Матанцев. Кого-то высматривала. Увидев меня, приветливо мне улыбнулась. Все стояли и галдели, потому что поезд немного запаздывал. Дул осенний холодный ветер, почти зимний уже, над станцией носились с карканьем вороны, по небу бежали кучевые облака, а само небо было удивительно синим для такой температуры воздуха. Казалось, мы все участвуем в съемках какого-то фильма.

Наконец, как знаменитый актер, купающийся во внимании публики, на сцену выкатился красавец-электровоз с сопровождающей его свитой из шести вагонов, как король Генрих Третий с четырьмя миньонами, только с шестью, или Генрих Восьмой с женами, их как раз шесть. Свет живописно отражался от их горизонтальных и вертикальных поверхностей, а также от углов. Поезд торжественно подошел к перрону и остановился. Толпа, как это всегда бывает в таких случаях, выстроилась около начала и

конца каждого вагона, сгруппировавшись группками, чтоб снова расступиться, выпуская приехавших, а потом как можно скорее попасть в вагон, занять там сидячие места, причем желательно по ходу поезда, потому что против хода многих укачивает, а также желательно с солнечной или, напротив, теневой стороны, в зависимости от предпочтений каждого конкретного пассажира, а также времени года, времени суток, погоды, направления движения и прочих факторов и нюансов. Итак, толпа выстроилась вдоль перрона, готовая хлынуть внутрь вагонов, предварительно, как я сказал, выпустив приехавших, в ожидании открытия автоматических дверей...

Но автоматические двери не раскрылись. Поезд остановился, а двери нет, не раскрылись. Пассажиры поезда, которые со своей стороны тоже столпились у дверей, только внутри, были удивлены не меньше нашего. Они тоже надеялись поскорее выбраться из консервной банки, посредством которой добрались сюда, пройти сквозь враждебный строй встречающих и отъезжающих и направиться по своим делам, на МТС, например, или в магазин «Доброцен» купить пива «Вятич». Но двери все не раскрывались. Никто не знал, что делать в такой нештатной ситуации. Некоторые робко потрясли дверь, как будто рассчитывая, что это незначительное, даже ничтожное усилие сможет волшебным образом отомкнуть замкнутое крепко железо. Но большинство, и внутри, и снаружи, просто стояло и смотрело. Уважаемые граждане, донесся голос из динамика. В связи с обострением технической и эпидемиологической обстановки открытие дверей электропоезда, прибывшего из Екатеринбурга, откладывается на пять минут. Просьба соблюдать спокойствие, аккуратность и взаимную вежливость. Повторяю. В связи с обострением технической и эпидемиологической обстановки открытие дверей электропоезда, прибывшего из Екатеринбурга, откладывается на пять минут. Просьба соблюдать спокойствие, аккуратность и взаимную вежливость. Это как будто немного вывело всех из летаргии. Некоторые пассажиры уселись обратно на свои места по ходу или против хода поезда, неважно, уже стоящего, с таким видом, что теперь-то им все понятно, и так и должно быть. Некоторые встречающие отошли от дверей с точно таким же видом, чтоб не толпиться. Этим воспользовалась местная милиция. Из здания вокзала выбежало около тридцати полицейских и встало цепью вдоль поезда, блокируя потенциальные попытки ворваться внутрь или вырваться наружу. Когда полиция расставилась и заняла стратегические позиции, из репродуктора донесся другой голос, мужской. Уважаемые граждане, сказал этот голос. В связи с обострением эпидемиологической обстановки прибывший из Екатеринбурга электропоезд объявлен карантинным. Двери открываться не будут. Просьба отнестись с пониманием и разойтись по домам. Повторяю. В связи с обострением эпидемиологической обстановки...

Народ заволновался. Это че означает-то, а? начали спрашивать друг у друга пропитые мужчины с сизыми носами. Граждане, не толпитесь, закричали полицейские. Сказано вам – поезд заразный. Внутри нельзя, и наружу нельзя. Карантин! Это как же я теперь в Ебург попаду, закричала одна старуха. Подождите следующего поезда, ответил ей майор, главный среди полицейских. А у меня хрен заветреет, закричала старуха. А у меня грибы зачервивеют, закричал один из грибников. Какие грибы, скоро снег выпадет, засомневался майор. Да не, есть грибы, поддержала грибника толпа. Немного, но есть. У меня в Ебурге в больнице сын лежит, закричала одна усталая женщина. Вот из-за таких к нам зараза всякая и едет, закричала Элеонора Валентиновна. Сын у нее в больнице уроки прогуливает! Мужики, пустите, под нашу ответственность, вступил мужской бас. Мы же тут все свои. Не положено, не сдавался майор.

Я решил, что под прикрытием других полицейских могу, не вызывая подозрений, подойти ко второму вагону и одним глазком посмотреть на Пашу, тем более что ситуация накалялась, и полицейским могла понадобиться помощь. Пригодилась бы любая пара рук! Кому как не мне было знать, что эпидемия это очень серьезно, крайне серьезно. Я же сам недавно лежал в больнице, правда, не инфекционной. Я подошел ко второму вагону, но никакого Паши там уже не было. Там вообще никого не было, абсолютно пустой вагон.

Снаружи молодой полицейский, вероятно, только что окончивший школу, или техникум, или ремесленное училище, спорил с моей Галей, пытаюсь отодвинуть ее от окна. Она со мной, сказал я полицейскому, и он отстал от нее. Там местные менты, в смысле поездные, согнали всех в последний вагон, сказала мне Галя. И действительно, все вагоны, кроме последнего, были теперь пусты, зато в последнем вагоне пассажиры толклись как селедки в бочке. Никакого Пашу в таких условиях разглядеть, конечно, не имелось никакой возможности. Братан, я тут новенький, тебя не знаю еще, сказал мне молодой мент. Меня Паша зовут, я местный. А тебя? И откуда будешь-то? Меня Серега, сказал я, помня, что написано на нагрудном знаке. Из Кирова прислали к вам на подмогу, у вас тут сложная ситуация. Да, ситуация-то у нас будь здоров, согласился Паша, так и думал, что они в эту хрень не поверят.

Пустите, мужики! Вы что, своих, что ли, бить будете, надрывался мужской бас. Зачем своих, у нас тут есть и из других городов подкрепление, заорал вдруг Паша. Все взгляды обратились на меня, я почувствовал себя на сцене, в свете софитов! Хорошо, давай так, сказал я. Дерусь с тобой один на один, без оружия, без дубинки. Если ты победишь – двери открываем. Не положено, заверещал майор. погоди. Если я – обещаю каждый год приносить на твою могилку цветочек. Давай, все по-жесткому. Без оружия, без всего – идет? Как Пересвет и Челубей. Мужик посмотрел на меня, помотал головой, и все тут же успокоилось, словно масла налили в бурные воды. Майор перевел дух и с благодарностью посмотрел на меня.

Так в этой патовой ситуации мы стояли, как русские и ордынские воины, в полной тишине, и только ветер обдувал наши разгоряченные лица, и кружили вороны в ожидании падали. Я улыбался молодому Паше, а молодой Паша улыбался мне. Мы считали минуты до отхода поезда, когда прибыла электричка из Перми. Надо пояснить, что электрички из Перми и Ебурга обычно стыкуются в Шале, чтобы желающие попасть на собаках из одного города в другой могли быстро пересесть, не тратя в одной из трех знаменитых уральских дыр своего драгоценного времени. Ведь среди любителей путешествовать на собаках встречаются не только кандидаты наук, но и доктора, и музыканты, и народные артисты! Говорят, на собаках из Перми в Ебург и обратно путешествовал даже лидер группы «Чайф» Владимир Шахрин! Не говоря уже о фанатах футбольных клубов «Амкар» и «Урал». И вот прибыла электричка, и народные артисты, кто купив билет, а кто не купив, устремились в ебургскую электричку, не без оснований ожидая, что ее двери раскрыты, и поезд ждет только их для того, чтоб отправиться в гостеприимную столицу Урала. Каково же было их удивление и даже негодование, когда вместо распахнутых дверей они увидели стороживших поезд полицейских! Внутри нельзя, ввел новеньких в курс дела через матюгальник майор, двери заблокированы, электропоезд находится под карантинном и отправится в Екатеринбург без пассажиров. А это мы сейчас посмотрим, как они заблокированы, закричал длинноволосый парень с гитарой (из приезжих). А ну-ка, ребята, навались! Сметем эту кодлу! Акаб!

Акаб! Акаб, подхватили пассажиры пермского поезда и без дальнейшего промедления бросились на нас. У наших были дубинки, и то не у всех, а у пермских – кастеты и трехкратное превосходство в живой силе. Местные обыватели стояли и почти не вмешивались. Ну и на том спасибо, конечно. Менты сопротивлялись отчаянно, но проигрывали. Большинство дверей было все еще нашим, но в окна полетели уже камни и шишки. Мы проигрывали. Мы проигрывали.

Молодой Паша бился рядом со мной как лев, мы успешно держали оборону вверенной нам двери, и Галя стояла на подножке и смотрела на меня с восхищением. Внезапно откуда-то прилетел картонный стаканчик с кофе и попал Паше прямо в голову. От этого удара Паша неожиданно повел себя так, как повел бы себя в аналогичной ситуации на футбольном поле игрок сборной Бразилии по фамилии Неймар: он вдруг повалился на землю и стал корчиться в конвульсиях. От Неймара легко было ожидать подобного, но не от моего нового друга Паши! У него была хорошая, открытая улыбка,

которую он уже несколько раз продемонстрировал в мой адрес, и мы могли бы с ним подружиться. А вот теперь он лежит и испытывает невыразимые нравственные и физические страдания! Не знаю, что это был за стаканчик, может быть, со свинцом в днище, может быть, отравленный. Я выхватил из рук павшего бойца дубинку и включил режим берсерка. Я ведь уже говорил, что в этой полицейской форме стал чрезвычайно сильным и ловким, а тут еще и превосходная дубинка, она тоже придавала мне сил. За Пашу! За Пашу! – заорал я, прокладывая себе путь среди пермских, которые внезапно превратились просто в мясо. Я курсировал вдоль поезда как былинный богатырь: где махнет, станет улочка, отмахнется – переулочек, только тогда мне стал ясен смысл этого выражения. Мой клич подхватили и другие менты, и над перроном гремело: за Пашу! За Пашу!

Благодаря моим геройствам мы отогнали пермских от поезда. У их предводителя я отобрал гитару и разбил об его же голову. Но пермские дрались хорошо, и их было больше. Возможно, это была знаменитая торсида клуба «Амкар», или, наоборот, уралмашевские возвращались с выезда. Так или иначе, они не сдались, они наседали, а мы оборонялись. Наши бойцы все выбывали и выбывали, но редели войска и противника. В какой-то момент я обратил внимание, что дерусь бок о бок с седоусым майором, но вот пал и он, и я остался один против толпы, ну что значит толпы, у них осталось человек пять, семь. Я стоял, защищая дверь, а они окружили меня...

И тут ебургский поезд наконец тронулся. С разбитыми стеклами, поцарапанный, но с целыми дверями и не увозя из Шали никого. Они меня могут сейчас убить, но я победил. По сути я одержал победу. Ебургский поезд ушел без них. Одновременно с ним ушел и пермский. Понимая бессмысленность драки и неизбежность дальнейших огорчений в виде синяков, переломов и пр. в случае ее продолжения, они просто сказали: Ладно. Где тут у вас травмпункт? Наверно, многим понадобится. Чуваки, я не в курсе, сказал я. Спрашивайте у местных акабов. Я из Кирова вообще. О, кировские наши братья, сказали они. А ты красавчик, здорово дрался, хоть и акаб. Я не акаб, я ученый, сказал я. Вот, держите мой ученый труд. Достал из кармана автореферат «О некоторых свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью» и подарил им. Пока они дивились на книжку, открыл банку «Вятича» крепкого и ушел, пошатываясь, с поля боя. Обе армии зализывали раны и считали товарищей, а мне хоть бы хны. Устал только. Верная Галя, как оруженосец, сопровождала меня, а местное быдло разбежалось, и никто меня не задерживал.

Следующую главу мне писать неприятно, ибо, хотя рассказ мой и гладок, и почти не бьется на абзацы, конечно, внутри себя я вижу, что он разбит на главы, и вы, если приглядитесь или вдумаетесь, легко их различите. Все в мире состоит из монолитных кусков, между которыми расположены промежутки, как, например, слова между паузами или паузы между словами. Любая история это искусство пауз, любая музыка или картина это искусство пауз. Не бывает двух одновременных событий, между любыми двумя событиями имеется микропауза. Любое совпадение это катастрофа, математически невероятное событие, конец света. Предыдущая глава была, например, о том, как пришел и ушел поезд, а глава перед ней о том, как я заставил подраться двух мальчишек. Следующая глава, которую я не хочу писать, но взятый долг обязывает меня, о невероятном совпадении, которые бывают только в книгах, и не знающий меня лично читатель легко может заподозрить меня в плагиате или несамостоятельности мышления, или я даже уже и не знаю в чем. Меж тем мало что я так ненавижу, как совпадения. В общем, я рискую окончательно потерять репутацию заслуживающего доверия источника, что меня расстроило бы, будь у меня целью и амбициями быть заслуживающим доверия источником. К счастью, нет. Слава богу, нет. Слава богу, у меня другая цель, быть честным в первую очередь перед собой, во вторую очередь перед моим нанимателем, и лишь в третью очередь перед кем-то еще, и чтобы не упустить ничего важного из того, что случилось со мной в путешествии.

Итак, выйдя с вокзала, старинной постройки здания девятнадцатого века, мы пошли снова мимо кафе «Деревенька» и стадиона «Луч» в направлении горы Пьяной. Там, на краю горы и одновременно на краю пгт Шаля, по адресу улица Безводников, восемь, располагалось жилье мифического Паши, адрес он сообщил Гале, надо полагать, по телефону, пока я спал в кафе, или же, возможно, в личной беседе через открытое окно, пока поездные менты не согнали пассажиров в первый вагон. Ключ был спрятан под половиком, или под крыльцом, или в дупле старой яблони, или где обычно прячут ключи бесхитростные деревенские жители. Настроение у меня чего-то было так себе, несмотря на славную викторию над пермскими гастролерами. Элеонора Валентиновна под страшным секретом подтвердила Гале ее догадки о том, что в поезд не пускали вовсе не из-за эпидемии, а по причине того, что на какой-то зоне убили какого-то шишку, и что по крайней мере сегодня поездов больше не будет, нельзя сказать за следующий день, ни из Перми, ни в Ебург, ни в Пермь, ни из Ебурга. Оставалось только ждать, по крайней мере, до завтра, а завтра будут другие новости, и надо будет реагировать уже на эти другие новости, а эти другие новости могут быть и не лучше сегодняшних, а может быть, даже и хуже. Я застрял в этой дыре, непонятно на сколько, но, может, и к лучшему, что застрял, непонятно, кто мог встретить меня на вокзале там или там. С третьей стороны, я терялся в догадках, чем заняться в Шале после обеда и тем более неизбежным вечером, и тем еще более ночью. Чем занимаются люди в таких маленьких пгт? Научных учреждений у них нет, на спецкурсы и спецсеминары попасть затруднительно. Да и научной среды нет, причем ни по какой науке. Кинотеатров нет. Из ресторанов самый цивилизанный с большим отрывом кафе «Деревенька», из магазинов «Доброцен», из памятников – воинам-интернационалистам, музеев тоже нет, даже краеведческого, как будто в Шале нет своей истории, какой-то город Глупов, клубной культуры нет, ну, то есть, вероятно, есть гопники около клуба, где иногда проводятся танцы, но и то непонятно, есть такой клуб или нет, а если есть, как его найти. Интернет, может быть? Я сравнивал, еще перед поездом, итальянское одиночество, южное, среди виноградников, и фонтанов, и каналов, и распутных дев, с северным одиночеством, ирландским или норвежским, среди ярко освещенных витрин, офисов мировых корпораций, веселых пабов посреди всеобщей темноты. В Шале я нашел третий вид одиночества, в котором нет ничего общего с двумя вышеперечисленными, кроме, пожалуй, темноты. Из-за такого одиночества в деревнях очень важно быть *своим*, свои-то знают, чем заняться, свои своих всегда выручат. Здесь у меня своих не было, в определенной степени своей можно было считать Галю, но и она не местная, а ее местный *свой* сегодня не придет. Определенно, шалинское одиночество не из тех, к которым я стремился, хотя здесь у меня было утешение в виде хотя бы моего сокровища, украденного в Перми.

При повороте на улицу Безводников навстречу попался какой-то ветхий старичок, ковляющий по своим стариковским делам в направлении железнодорожной станции. Напрасно ковляешь, старик, сегодня все равно поездов не будет, печально сказала ему Галя. Он прошел мимо, трясая головой, как трясогозка хвостом, как будто не слыша нас. Это меня взбесило. Документы, заорал я. Он остановился и посмотрел на меня мутными бессмысленными глазами, все так же трясая головой. Документы покажи, внятно сказал я. Он полез во внутренний карман своей тужурки, или что там у него, зипуна, шушуна, а я все думал, где же я его видел. Нет, не вспоминалось. В паспорте оказалось написано Борис Альбертович Эйхельман, а по фото я этого человека сразу узнал. Да ты же Эйнштейн, бля, заорал я ему, не в силах сдержать своих сильных чувств. Дело в том, что по линии научного руководства я являюсь правнуком Эйнштейна. Не, не, не, не Эйнштейн я, лопотал Эйнштейн, все так же мелко-мелко кивая головой в расчете на то, что я спишу эти кивки на болезнь Паркинсона и оставлю его в покое. Так дети, говоря неправду, складывают пальцы крестиком. Признавайся, ты Эйнштейн, а тот все говорил: Не, не, не, не Эйнштейн, я не, а квадрат, я не, не, не бэ Эйнштейн квадрат, не, не, не, плюс цэ, не Эйнштейн, равняется не Эйнштейн, что и требовалось доказать. Эйнштейн. Я подумал,

что человек, не способный сформулировать столь элементарное утверждение, действительно может быть *не* Эйнштейном, как бы похож внешне ни был, но на всякий случай посмотрел адрес прописки самозванца. Адрес прописки был улица Безводников, шесть, сосед, значит. Я взял это дело под свой контроль, это было несложно. Так, теперь показывай кошелек. Трясущимися руками Эйнштейн-Эйхельман достал свой кошелек, я жадно раскрыл его. Там было несколько десятирублевых монет и несколько даже копеек, которыми давно никто не расплачивается. На этом месте мне так стало его жалко, что я положил ему туда все свои оставшиеся деньги, которых тоже и хватало всего на такси в Ебурге, но он столько, наверно, в жизни и не видел. Напоследок для проформы и для авторитета я слегка стукнул его по лицу и отпустил на все четыре стороны, и он из всех сторон выбрал первоначальное направление, едва ли что-нибудь соображая и только бормоча, не а, не квадрат, не Эйнштейн, не равняется, не я.

Далее, если кратко, оказалось, что дома у Паши была еда и несколько бутылок водки. Это оказалось кстати, потому что я в своей спонтанной доброте рассчитывал одолжиться у Гали, но у нее не было наличных, была только карточка, которую здесь нельзя было обналичить не потому, что банкоматов здесь не было, банкоматы были, а потому, что, несмотря на обильное наличие банкоматов, здесь не было ни сотовой связи, ни интернета. То есть из всех развлечений в Шале оставался только телевизор, но и телевизора в квартире Паши не было, я имею в виду работающего телевизора, неработающий телевизор был, но он, как следовало из определения, не работал. Был работающий кассетный магнитофон, на всех без исключения кассетах был записан разнообразный шансон и блатные песни. Из книг были только «Преступление и наказание» Достоевского и «Петербург» Андрея Белого. Понятно, что оставалось только лежать на диване, слушать Михаила Круга, курить, есть пельмени и пить водку. Стгущались сумерки. Зажглось окно соседней избы по адресу Безводников, шесть, потом погасло, стукнула калитка и взвизгнули тормоза. А вот скажи, Галина, отчего ты меня все время на вы называешь, спросил я. Да все оттого, что у нас теперь статус разный: вы власть, а мы так, лед под ногами майора, грязь под его ногтями, сказала она. Ну я же не настоящая власть. Это просто мундир. Я же не мент, а ученый. Я остался ученым, хотя внешне и мент. Вот смотри: а квадрат плюс бэ квадрат равняется цэ квадрат, а цэ квадрат плюс дэ квадрат и так далее. Мало ли кто чем остался, сказала она. Может, это оно и так, а может, и нет. Для всех остальных вы *сейчас* мент. А я не могу против всех. Если я на ты, это будет определенный статус, определенное положение, определенная репутация. А я к этому сейчас не готова. Неужели из-за одного только мундира, спросил я. Из-за мундира и из-за нагрудного знака. Из-за всего. По мундиру люди судят, встречают-то, как говорится, по одежке. А если я... а если я... сниму мундир, спросил я. Да ведь не снимете, сказала она. И смысла в этом сейчас нет. Впереди долгая холодная зима, а есть у вас другая теплая одежда? Да и вы к нему привыкли, вам он идет, не снимаете и правильно делаете. Ну а если все-таки? Сниму, и даже сожгу, возьму одежду вон твоего Паши. У него тут только ватники, ответила Галя. Я смотрела. Они все очень маленькие, на вас даже и не налезут. Это уже второй вашей кожей стало. И... помните, что народ наш мудрый говорит о сжигании второй кожи? А что он говорит о сжигании второй кожи? Ну, например, когда Иван-царевич сжег кожу Царевны-лягушки? Ему потом пришлось ее по всему свету искать. А я не хочу вас по всему свету искать. Я задумался. Значит, я тут власть, переспросил я. И могу делать все, что захочу? Ну, в известных пределах да. Теоретически. Практически же только совесть может вас ограничить. С учетом местного рабского менталитета. Совесть, значит, сказал я. Ну да. Но я припоминаю, что это у кого-то другого здесь нет совести, сказал я, решившись. Это у кого же, спросила Галя. Ну, кое у кого, сказал я. Кое-кто мне кое-что обещал. Кто же и что же, спросила Галя. Сделать мне минет, когда я доставлю ее в Шалю, сказал я. Нет-нет, я обещала не это, сказала Галя. Я обещала, только если я встречусь с Пашей, а я с ним пока не встретилась. Нет, это кое у кого плохая память, сказал я. Я свое обещание выполнил, теперь и ты выполняй. Так пока не

выполнил же, сказала Галя. Через окошко с ним виделась? Это не считается! Не забывай, ты сказала, что меня может ограничить только моя совесть, а совесть у меня чиста и требует минета, закричал я. Погодите, погодите! Так не пойдет, закричала Галя. Еще как пойдет, закричал я, расстегивая штаны. На колени! Надо ли я говорить, что я уже был пьян и не планировал вот так прямо сейчас реализовывать свое законное право? Я хотел убедиться, что оно у меня все еще есть, что Галя помнит о нем и что я всегда в случае чего смогу им воспользоваться. Я ожидал некоего скандала, того, что Галя будет плакать и просить об отсрочке, каковую я великодушно и дарую, просто напомним, правда, лишний раз, кто здесь власть. Но Галя вдруг послушно встала на колени, и я, с расстегнутой ширинкой, подошел к ней. Что делать дальше, я не знал, член от опьянения совершенно не стоял, может, и не из-за опьянения, а от неожиданности, от испуга, от безразличности, от радости, по разным причинам. Может, надо как-то было заранее помыть его, что ли. Короче, сложилась дурацкая ситуация, пат: Галя на коленях на антисанитарном ковре, и я в метре от нее с расстегнутой ширинкой, на том же ковре. Даже не пат, а, я бы сказал, цугцванг.

Меня выручил стук в дверь. Кто бы это мог, сказал я одновременно сердито и с облегчением и пошел открывать. На крыльце стоял бодрый старичок в треухе. Привет, это я, сказал он, надо поговорить. Кто это я, удивился я. Может,пустишь старого друга в дверь, внутри поговорим. Проходите, конечно, сказал я, только я вас не знаю. Внутри все так же стояла на ковре на коленях Галя. Да встань ты, пожалуйста, сказал я ей. Галя поднялась. Старичок начал свой монолог, иногда моими репликами превращаемый в диалог, а Галиными – в триалог (пытаемый превратиться), и монолог этот был следующим.

Какого хуя, начал старичок пронзительным голосом, ты снова докапываешься до нашей семьи? Мало тебе старого? Мало ты попил нашей кровушки? Поел нашего мясушка? Чего тебе опять от меня надо, ирод окаянный, пиздопроебище? Думал, скрылся от него в ебнях, куда Макар телят не гонял, в блять вонючую Шалю, про которую не слышал никто и никогда, в Жопозадрищенск, Тьмутаракань, Бобруйск, Урюпинск, Мухосранск! И тут блять он меня отыскал! Ну чего тебе от меня надо, выкладывай. Только учти: я тебе приготовил такой секрет, что это твое желание будет последним! Вообще последним, в жизни! У меня есть атомная бомба против тебя, думаешь, я не знаю, чего ты боишься? Жить тебе осталось до утра максимум! Вы меня с кем-то путаете, путаете меня с кем-то, сказал я. Путаете вы меня с кем-то, с кем-то путаете меня вы. От неожиданности я стал сам путать одни слова с другими. Да как путаю, возмутился старичок. Вот вы, женщина, посудите. Приходит сегодня домой внук мой, Филя, и говорит, меня сегодня мент поганый спас, от хулиганов Кольки и Кольки, и рассказывает мне, как он братьев Агалаковых на счетчик поставил. У меня сразу что-то в душе перевернулось, чувствую Серегину манеру, спрашиваю у внука, а как мента-то звали, ты помнишь? Ну, нагрудный знак, что на нагрудном кармане написано. Не помню, говорит. А ты вспомни, закрой глаза, вспомни, как все было. Не Сергей Захваткин случаем? Точно, говорит! Сергей Захваткин! Ну у меня сразу сердце захолонуло, Сергей Захваткин, армейский мой корешок, сука, бывший, пиздомразь, бляцкая сатана. Нашел нас и здесь, гад! Ну, покажу я тебе, думаю. Но я не Сергей, не Захваткин, сказал я. Да не пизди, урод, я твой знак видел, так что, Серега, не отпирайся, я тебя узнал. Надеялся до последнего, что не он, а как увидел, сразу понял – он. Дай-ка водки, я вижу, ты водку тут пьешь, и он налил из моей, вернее, Пашиной бутылки полстакана и тут же хлопнул их. Что это вы тут распоряжаетесь, возмутился я и тоже хлопнул полстакана. А у вас есть деньги, спросила Галя, а то эта последняя. Сходи, девочка, купи ему, на последние, на агалаковские, это вот те деньги, которые ты сегодня у Агалаковых отнял, а нам чужого не надо, тем более такого вонючего! Пускай выпьет напоследок, и дед дал Гале деньги, после чего она удалилась в продмаг. А если я, паче чаяния, Серега Захваткин (узнаю его умные словечки, прокомментировал дед), то я, значит, мент, и я тут власть, понял?! Так что давай-ка, ноги

в руки, и уебывай отсюда, падла! Это я при женщине выражаться не стал. Мне ничего от тебя не нужно. Ну? Чего стоишь? Встал и пошел, я сказал. Вернее, чего сидишь. Не пойду, сказал дед. Мы с тобой еще не закончили. Это как, изумился я. Невыполнение законных требований представителя министерства внутренних дел? Да я тебя сейчас уебу, плюгавчик! И только я ему собрался, как и было мною обещано, уебать, как он сказал: Брянск Север, парень. Брянск Север. Ну что, успокоился? А теперь давай поговорим. Меня и правда теперь что-то удерживало от того, чтобы поднять руку на старичка, более того, я чувствовал какой-то упадок сил, какой-то упадок воли и какую-то его власть надо собой, словно он только что произнес некое заклинание. И я чувствовал, что если не дам ему достойного ответа, то мне сейчас будет худо, так худо, как никогда не было, и, пожалуй, этот день, вернее, уже вечер, и правда может стать последним в моей жизни. А старичок уже готовился меня добить. Так что вот, парень, что я тебе скажу, и ты сделаешь все, что я тебе скажу. Ты сейчас пойдешь к... Погоди-погоди, сказал я. Ну, что тебе? Последнее слово. Я тебе сейчас все расскажу. Ну давай, сразу бы так, засмеялся старичок. Короче, так, сказал я. Предположим, что $a^2 + b^2 = c^2$, а $c^2 + d^2 = e^2$, а $e^2 + f^2 = g^2$. Тогда $a^2 + b^2 + c^2 + d^2 + e^2 + f^2 = g^2$. Квод эрат демонстрандум, быстро, чтоб он не перебил меня, произнес я свое контрзаклинание. Оно оказалось для старичка весьма неожиданным, я видел, что он растерялся. Брянск Север, робко произнес он. Квод эрат демонстрандум, неуверенно парировал я. Тяжело дыша, он снова произнес: Брянск Север, а я, весь в поту, снова произнес: Квод эрат демонстрандум. Пиздопроебина ты, сказал старичок. Сам ты пиздопроебина плешивая, сказал я. Ладно, предположим, ты не Серега, сказал он. Ты его убил, в таком случае? Почему это я не Серега, может, я Серега, сказал я. Нет, Серега никогда не назвал бы меня пиздопроебиной, тем более плешивой. Почему, сказал я. Потому, что он всегда говорит мне, что я его лучший в мире друг, напоминает мне постоянно, как мы вместе ходили в самоволку, заебал уже, если честно, хочет вернуть добрые былые денечки, затолкать обратно зубную пасту, привязать желтую листву к ветвям. А ведь уже все! Завяли помидоры! Домагивается до меня всю жизнь, хочет замолить, наверно, что он мент, вот, думаю, через внука, пидор, зашел. Это во-первых. А во-вторых, он никогда в одной фразе не произносит два слова на одну букву. Так что нет, плешивой пиздопроебиной ты, если ты Серега, меня назвать никак не мог. О, а вот и водочка подоспела, давайте-ка сядем рядком да поговорим ладком, и ты, девушка, садись. Кстати, спасибо, мадам, сказал Паша Матанцев, ибо, как все уже поняли, этого старичка именно так и звали. Был он худощав, но явно клонился к закату жизни. На вид ему было лет восемьдесят, значит, если предположить перманентное пьянство (опять два слова на одну букву), свойственное типичному русскому, тем более уральскому мужчине, на самом деле лет шестьдесят, но в любом случае жить ему оставалось как нормальному человеку в восемьдесят. Так короче, убил ты его или нет, спросил он. Нет, сказал я, не убил. Жаль, жаль, сказал Паша. Тогда непонятно, откуда у тебя его мундир. Ну мало ли, сказал я. Он за этот мундир мать родную продаст, живой бы он никому его не отдал, сказал Паша Матанцев. А если пьяный, хитро спросил я. Галя под столом пнула меня ногой. Сложно, без бутылки не разобраться, сказал Паша Матанцев. Галя разлила всем, и мы выпили. А ты точно не Серега? Нет, смотри, я вообще ученый, книжку тебе могу свою подарить. О некоторых свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью, по слогам прочитал Паша. Ишь ты! Ну, спасибо. Внуку подарю, он математику любит.

Из дальнейшего разговора выяснилось следующее (привожу здесь только информацию, полученную от Паши, потому что информация, полученная Пашей от нас, и даже больше нее, вам уже известна):

– Паша Матанцев и Серега Захваткин были корешки. Они вместе служили в республике Коми и охраняли там зэков, чтобы они не разбежались, а то ведь зэки – они как дети, или, скорее, как тараканы, не уследишь, сразу разбегутся. Дружнее их не было

найти двоих солдат севернее шестидесятой широты. Куда шел Паша, туда же следовал и Серега; а куда шел Серега, туда же, понятно, держал свой путь и Паша. Паша слово начнет, а Серега его закончит, Серега песню затянет, а Паша подхватит. Вот такие закадычные друзья были. Даже, бывало, и целовались иногда. Их и на дежурство все время вместе ставили, и в караул выпускали. Знали: все туалеты будут отдраены, ни одна гнида заключенная мимо них не проскочит. Были отличниками строевой и политической подготовки.

– Первый раз черная кошка, нет, даже тень черной кошки, стала пробегать между ними как раз в караулах. Вот, бывало, Паша говорит: Скоро дембель, Сережа, что делать будем? Давай никогда не расставаться, говорит Серега. Давай, говорит Паша. Я бы в ментуру пошел, говорит Серега. А что? Дело привычное. Зэков мы охранять уже умеем. Можно и в ментуру, говорит Паша. Но как же устремления, души прекрасные порывы? А что с этими устремлениями, говорит Серега. Что, по-твоему, мент не может быть духовно прекрасен? Стихи, например, писать. По-моему, не может, говорит Паша. А по-моему, вполне, отвечает ему Серега. Вот, например, послушай, какое стихотворение мой брательник двоюродный сочинил, а ведь он мент: Чок, чок, на турничок, и обратно, как волчок (и так далее)⁸. Так-то оно так, но все-таки. У меня отец каждый день молился по вечерам и по утрам, открывая глаза, первый делом говорил: Слава тебе, Господи, что я не мент, ночью просыпался от дурного сна и говорил: Слава тебе, Господи, что я не мент, и за обедом то же самое говорил, и за ужином. Его пытались завербовать, друга завербовали, друг пытался его убедить, но он не пошел. И все время говорил: Слава тебе, Господи, что я не мент. Да, именно эту фразу я чаще всего от него слышал, не чаще, чем все остальные фразы, вместе взятые, но чаще, чем каждая из них по отдельности. Ну и что это был за отец, возразил Серега. Ты рассказывал, он вас бросил? Бросил, подтвердил Паша. Я его не оправдываю, но в жизни всякое бывает. Ну, вот видишь, говорит Серега. Но только ты никому не рассказывай про отца, на людях-то он был мегалояльным, никто не знал, что он против ментов. Конечно, кому, зачем мне об этом рассказывать, удивлялся Серега. И так они спорили каждую ночь, пока никто не слышал, конечно. А на людях все было по-прежнему: Паша песню затянет, Серега подхватит, Серега анекдот начнет, Паша закончит. Так и не расставались никогда, начальство нарадоваться не могло и по-прежнему вместе в караул посылало. А в карауле опять заспорят. Если тебе плохо, говаривал отец, говорит Паша, если у тебя похмелье, если ты в карантине застрял в какой-нибудь дыре, если твои друзья в тюрьме, а родные просто куда-то исчезли – ты хотя бы всегда можешь посмотреть в зеркало и сказать себе: Я, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, НЕ МЕНТ. Главное, чтоб было зеркало. Ну или в витрину там посмотреть. А Серега опять говорит: Да вот послушай еще стихов моего брательника.

– Так и прошло время, и приблизился дембель, и закончился у них срок службы. И, несмотря на то, что они все время говорили друг другу Давай Никогда Не Расставаться, они все-таки расстались, но лишь частично расстались. Серега поступил в ментуру, а Паша пошел охранником в научно-исследовательский институт, чтобы ученые не разбежались, как дети или тараканы, но жили они (Серега с Пашей) все равно по соседству и часто ходили друг к другу в гости, пили по вечерам и по выходным пиво, гуляли вместе, посещали баню, боулинг, кинотеатр и иные досуговые заведения. У Паши появилась девушка, гуляли уже вдвоем, Серега говорил, как будто бы в шутку, но пряча горечь, Давайте Никогда Не Расставаться, а у самой девушки никак не задерживались, появлялись раз или два, и всё. Рядом поселился отец Паши, который когда-то их бросил, в попытке вернуть контакт с сыном и искупить смерть его матери, одинокую смерть его матери, пока сын охранял зэков в Коми. Постепенно Паша простил его. Отец все так же

⁸ Я записал ее полный текст, в строчку, конечно, чтобы занимал меньше места. Желаящие могут прочесть его здесь: прыг-скок на турничок и обратно как сверчок ах ах ногою мах в тренировочных штанах раз-и-раз укрепим таз станет твердым как алмаз жим-жим и побежим соблюдая дня режим стук стук а сердца стук словно бешеный паук прыг-скок на турничок и обратно как сверчок

ненавидел ментов и потому четвертым с Серегой и Серафимой не гулял (Серафимой звали девушку Паши, а себе Серега искал девушек по имени Параскева, Патрисия, Памела, хотя бы Полина (Паулина), но так и не находил). В силу того, что отец с ними не гулял, Паше приходилось иногда с Серегой все-таки Расставаться, что его Огорчало.

– Неизбежное охлаждение случилось в несколько этапов. Во-первых, само состояние Паши было не очень. При родах умерла его жена Сима. Это, с одной стороны, освобождало для Серегу одно место рядом с Пашей, но, с другой стороны, умерла она не просто так, а оставив сына Серюню (это раз), что дало легитимную возможность переехать к нему в квартиру отцу, помогать (это два), так что места рядом с Пашей стало еще меньше. Так и стали жить и постепенно расти, мужать, увядать (соответственно) три мужских поколения рода Матанцевых: Серюня, Паша, Филипп Филиппыч. А Серега Захваткин в своем полицейском мундире не менялся, время на него, казалось, совсем не действовало. Пил, конечно, много, но как и Паша, и как его отец, и как все вокруг. Маленький Серюня только пока не пил. Филипп Филиппыч рассказывал ему сказки о ментах и гусеницах⁹. Когда Сереге удалось вытащить Пашу под грибок выпить пива, он, конечно, говорил, Давай Никогда Не Расставаться, но как-то уже обреченно...

– Следующим этапом охлаждения был суд над Серегой. Серегу судили за то, что он с бригадой забил до смерти азербайджанца за нарушение режима регистрации по месту работы. Конечно, полностью оправдали, но осадочек, как говорится, остался. Паша узнал обо всем первым, и об убийстве ему Серега первому позвонил, и насчет адвоката советовался, и вообще, так что Паша знал, что Серега невиновен, и что азербайджанец сам напросился, и передачи он Сереге исправно носил, но общаться с ним какое-то время не хотелось, нужно было взять паузу, сами понимаете. Все-таки человека убил, не в тапки нассал. Поэтому, когда Серегу выпустили, Паша с Серюней махнул в дом отдыха в Звенигород, подальше от человеческого населения, а в особенности от лично знакомого ему населения.

– Вернувшись из дома отдыха, он нашел в квартире труп своего отца, Филипп Филиппыча. Перед смертью отец был изнасилован, в прямой кишке у него нашли скомканную бумагу с тайными антиментовскими виршами и сказками, которые он рассказывал маленькому Серюне (он их записывал, надеясь когда-нибудь издать). Первым Пашу примчался утешать, конечно же, его лучший друг Серега, и опять, среди прочего, стал говорить Давай Никогда Не Расставаться, что, по мнению Паши, было в тот момент несколько неуместно, но у Серегу, видимо, мнение было другое. Что у них дальше случилось при этом разговоре конкретно, Паша отказался рассказывать наотрез, сколько мы с Галей его ни упрашивали. Но что-то там произошло такое, что уже через неделю Паша с сыном были в Кандалакше, на новом постоянном месте жительства, так, чтобы никогда, никогда, никогда больше не видеться с Серегой. Устроился вольнонаемным охранником в какую-то зону или мебельный магазин.

– Серега нашел их через полгода, верный своему девизу Никогда Не Расставаться. Паша сбежал от него в Новошахтинск, потом в Покров, потом в Вожгалы, потом в Белоруссию. Рано или поздно Серега его находил, но постепенно Паша с семьей научился прятаться очень хорошо. В Шале, например, он прожил спокойно двенадцать лет, почти со времени рождения внука. Так что понять мое волнение можно, сказал он мне и Гале. Я ладно, даже Серюня ладно, но Филя-то в чем виноват? В том, что его прадед кропал антиментовские стишки?

– Убийцу или убийц его отца так, конечно, и не нашли.

Я хочу, чтоб вы понимали – не так уж складно и ладно все рассказывал Паша. Кое-где я домыслил, пригладил, причесал, прилизал, проредил, отрубил, нарастил, придал связности и плавности – короче, *отредачил*. Художественное допущение тут есть, оно в том, что живые люди могут так говорить. За всю свою жизнь я встречал только одного

⁹ Примеры см. в Приложении.

человека, который говорил целыми предложениями, но это была а) трезвая б) женщина. Остальные – максимум фразами, и тоже в основном трезвые (те, кто достигал этого максимума). Завершая свою историю, Паша Матанцев уже, что называется, не вязал лыка. А тут вся история целыми абзацами – ну конечно, без моего активного соучастия тут не обошлось! Я хочу быть честным. Я тоже был сильно пьян, но все запомнил хорошо. Возможно, вы еще, кстати, удивляетесь, что я все так хорошо помню – а я вам скажу, несложно ответить. Когда воспринимаешь жизнь как сон, или сон как жизнь, достаточно закрыть глаза и вспомнить происшедшие с тобой события как сон. А сны, как я уже говорил, я научился запоминать ярче, чем так называемую реальную жизнь. Правда, с ночевки в избушке, или на зоне, я уже не помню, мне ничего не снилось, может быть, дело в алкоголе, может быть, в ментовской форме. Сказав это, а я обязан был здесь это сказать, продолжаю.

Закончив разговор, Паша ушел. Я провожу, сказала Галя. Да я тут близко, сказал Паша. Ничего-ничего, мало ли, собаки, сказала Галя. Стукнула дверь. Было еще не поздно, но уже темно, окна в соседних избах не горели. Ну и медвежий угол тут у вас, сказал на прощание Паша. Медвежий угол! Это смешно. Какой может быть медвежий угол внутри другого медвежьего угла. Ярко освещен был участок железной дороги около станции, и, может быть, несколько фонарей горели на привокзальной площади. Некоторые продвинутые люди в Шале, вероятно, не спали. Может быть, сочиняли музыку или стихи, или занимались тантрическим сексом. То есть я хочу этим сказать, в центре пгт, наверно, горели какие-то окна. Магазина «Доброцен», например. Но здесь было темно и тихо, даже собаки не лаяли. Я сидел за столом, не погасив света, и внимательно и тупо слушал, как гудят электрические провода. Электрические провода гудели убаюкивающе, и я заснул. Сколько времени я проспал, я сказать не могу по двум причинам, хотя хватило бы и одной: 1) неизвестно, во сколько я заснул, 2) неизвестно, во сколько я проснулся. Сказать, что я чувствовал себя хорошо, я тоже не могу, поскольку это было бы неправдой. Во рту было гадко, зубы почистить было нечем из-за отсутствия и зубной щетки, и зубного порошка или пасты. В холодильнике было пиво, и то хлеб. Курева не было, но, самое неприятное, все еще не было и Гали. Я выпил банку пива и вторую, и тем самым освежился, а Гали все не было. Не лаяли собаки, не шумел ветер. Стояла ватная тишина. Занавесок на окнах не было, и мне показалось, что за мной следит кто-то снаружи. Теперь, задним числом, вспоминая все происшествия, мне кажется, что и проснулся я от чужого взгляда. Ну, делать нечего, пошел искать Галю. Свет оставил включенным, а дверь открытой на тот случай, если она вернется.

На улице Безводников ни черта было не видеть, даже луны не светило. Как тут найти другого человека, когда не видишь собственной ни руки, ни ноги? Было холодно, наверно, уже ниже нуля, но моя ментовская форма меня согревала. Качественная вещь. Улица заканчивалась оврагом, куда я чуть не свалился, а на той стороне зато были впервые слышны какие-то голоса, звуки смеха, отблески живого огня, пробивающегося через оконный, тем не менее, проем. По крайней мере, отблеск был прямоугольным и при этом *пляшущим*. Прямого хода через овраг во тьме я не нашел, пришлось обходить через деревню по улицам, в порядке следования, Безводников, Бебеля, Ленина, Некрасова и Гоголя. Работающие фонари были обнаружены только на улице Ленина, поскольку она шла вдоль жд путей, освещена была огороженная территория Заготзерна с двумя складами, производственная база дистанции пути и, чуть вдалеке, вокзал. На улице Гоголя располагались: больничный корпус, детский сад и стадион «Луч», ни один из вышеназванных не освещен. Детский сад и стадион понятно, но больница? Их должны освещать по ночам бактерицидными лампами, особенно в нынешнее сложное время новых вирусов и мутирующих супербактерий. Возможно, в Шале больница закрыта за ненадобностью. Возможно, это такое место, в котором вообще никто не болеет, по крайней мере, по ночам. Куда тогда дели всех жертв сегодняшнего побоища на вокзале? За стадионом я свернул на улицу Некрасова, налево, и через шесть изб оказался у

заброшенного корпуса Шалинского филиала Красноуфимской мебельной фабрики. Голоса и смех доносились оттуда. Вход никто не охранял. Я осторожно поднялся на второй этаж, под ногами, впрочем, все равно хрустело стекло. Спрятавшись за косяком темного дверного проема, я стал подслушивать. Внутри горел костер и пели пьяными голосами, хлопая в ладони в так после каждой строчки: Лишь в одну команду мы верим! за нее всегда мы болеем! никогда в беде не оставим! только Яшин, только «Динамо»! Или: Вперед, ублюдки! вперед, тупые! Или: О-о-о-о, это «Динамо»! Слава клубу родной наш, мы всегда с тобой! Или: Вперед, мой клуб! Вперед, родной! Иди вперед, вали врагов, мы все с тобой! И мы сильнее! Мы победим! И дух «Динамо» вам сегодня не сломить! На строчках «Кто мы? Мусора! Злые мусора!» я счел приличествующим появиться перед изысканным обществом.

Джентльмены, не позволяйте погреться, сказал я, вступая в круг света. Садись, подвинулись они. Ты че, мент? Нет, просто форма ментовская. А, узнал один из них, ты же с нами дрался сегодня. Чего дрался тогда, раз не мент, поясни. Долгая история, сказал я, могу рассказать, дайте только погреться. А водка есть? Водки нет, есть «Клюковка». Мне протянули Клюковку. Только от тебя, чувак, воняет, отсыдь-ка вон туда. Чем это от меня воняет? Ничего не чувствую. А воняет от тебя спиртом и какой-то... ссаниной, вроде? Не, не ссаниной, сказал еще один, длинный и в очках. Может, блевотиной. Ты не блевал? Погодите... Вчера блевал, сегодня пока нет, не блевал. Ну хз, короче, какой-то кислятиной. Так что посиди вон там, уж не обижайся. Да я не обижаюсь, ребята, так жизнь сложилась, что я в ментовской форме, и от меня, оказывается, воняет. А вы мне скажите, вы-то кто. Мы – Синие, с гордостью сказал их предводитель. Но не потому Синие, что бухаем, а потому, что болеем за «Динамо Москва», сказал другой. Но мы и бухаем тоже, сказал третий. Ну да, ну да, сказал я. Никогда в беде не оставим, только Яшин, только «Динамо»! Они ж не знали, что я подслушивал. ТОЛЬКО ЯШИН, ТОЛЬКО «ДИНАМО», подхватили они с энтузиазмом. Я думал, вы за «Амкар» или там за «Урал». Не, у нас выезд. А, точно, кубок с «Уралом», наугад сказал я. Завтра игра, из-за тебя можем не успеть, зло сказал длинный в очках, а еще ты мне, сука, очки разбил. Почему ж ты в очках, раз я их разбил, спросил я. Потому! Запасные были. Он всегда берет запасные, ему в каждом выезде разбивают, сказал их предводитель. Не кипешись, Игорян. Вон мне он гитару разбил, я и то не жалуясь, хорошо помахались, достойный противник оказался, не ожидал в такой дыре. Да, помахались мощно, закивали головами остальные. Выпей, герой. Меня Жендос зовут. Макароны будешь? Да как-то неловко вас обделять. Ты нас не обделяешь, нам для брата-динамовца ничего не жалко. Ведь ты же динамовец. Конечно, закричал я. Кто мы? Мусора! И Синие подхватили: Злые мусора! Кстати о динамо, сказал я. Если вкратце, то я сюда приехал из-за девушки. За нее и дрался. Она мне обещала минет, но продинамила! А тут вы, динамовцы, засмеялся я своей шутке. Синие замолчали, не зная, считать ли это оскорблением, но тут Жендос засмеялся тоже, и все остальные от души грохнули хохотом. Так мы сидели, разговаривали, смеялись, и я чувствовал, что попал в большую дружную семью. Не без внутренних контр, конечно, не без ссор, но родственных, добрых, без животного желания убить или покалечить. Даже длинный Игорь в очках уже не злился, а просто ворчал. Среди родственников всякие бывают, бывают странные персонажи, неприятные, дикие, но со всеми нужно уживаться, и когда встречаешься на похоронах или свадьбах, все равно рад их видеть, даже туповатого троюродного брата или сварливую эгоистичную тетку. Со всеми приходится как-то мириться, это школа жизни. Зато они *свои*, а свой своему чего только не сделает, чем только не поможет. И все эти люди точно так же относятся к тебе, видят твои недостатки, или то, что им кажется недостатками, например, что от тебя якобы немного пахнет, или что ты якобы полицейский, но рады тебе и мирятся с ними. И три вида одиночества, которые я описывал и которые так сладко описывать, тебя не касаются, вернее, касаются, но отдельно, вчуже, да и хрен бы с ними, честно говоря. Среди своих ты как в теплой материнской утробе. Разговор мирно тек, Синие постепенно отваливались и засыпали,

отвалился и заснул и я. Разбудил меня в утренних сумерках Жендос. Мы сейчас на станцию, по расписанию скоро электричка в Ебург, пойдешь с нами? Если все еще боишься, что тебя там на вокзале прихватят, пройдешь с нами в толпе, с нами менты не связываются обычно.

На вокзале было, как вам сказать, довольнолюдно. Во-первых, вся Привокзальная площадь была пронизана оцеплена полицейскими, но уже не местными недотепами, а настоящими омонотцами, росгвардией, космонавтами в шлемах. Во-вторых, весь перрон был забит потенциальными пассажирами, желающими уехать в Пермь или в Екатеринбург, вот только пассажиры эти были все друг на друга чем-то похожи. Поразмыслив, я понял чем: все они были на вид не старше двадцати трех, ну, двадцати пяти лет, и все были или в белом пальто, или в белом шарфе, или в белом головной уборе, или хотя бы с белой повязкой на рукаве. Все они выглядели не по-здешнему, скорее, по-городскому. Помимо белых пассажиров присутствовали и местные, отличающиеся от них как белые вороны. Была, между прочим, и Элеонора Валентиновна, она улыбнулась мне как старому знакомому и даже почему-то подмигнула. Местный народ все время прибывал, а электрички, наоборот, не прибывали. Раздался голос из динамика: Внимание! Электропоезда из Перми и Екатеринбурга опаздывают на сорок пять минут! Просьба не создавать ненужной толчеи и разойтись. Внимание! Электропоезда из Перми и Екатеринбурга опаздывают на сорок пять минут! Просьба не создавать ненужной толчеи и разойтись. И тут же, словно это была команда, в толпу врезались космонавты и стали хватать местных покрепче, но в основном приезжих Синих. Синие пытались отбиваться, но никак не могли скоординироваться, потому что были отрезаны друг от друга толпами Белых. Рядом со мной были Жендос, Игорь и Равиль, и их тоже было схватили, но я не растерялся и рявкнул на ментов: Стоп! Это мои! Какие твои, заорал на меня один из космонавтов, но я вовремя вспомнил, чему меня научило общение с Пашей Матанцевым, и выкрикнул: Брянск Север! Мент сразу опустил дубинку и потерял к нам интерес, а я вывел своих ребят наружу и дальше по улицам Гоголя и Некрасова к мебельной фабрике, и встреченным на пути полицейским пояснял: Брянск Север. На последний кордон, при выходе с привокзальной площади, это не подействовало, но рядом стояла Элеонора Валентиновна, она улыбнулась мне и сказала ментам: Этому можно, этот свой.

С крыши заброшенной фабрики было хорошо видно и здание вокзала, и перрон, и всю привокзальную площадь, тем более что у Игоря были не только очки, но и бинокль. Он угорал по различного рода оптике и вообще девайсам. Мы лежали на краю крыши и по очереди смотрели в этот бинокль. На вокзале царили тишь, гладь и благорастворение воздуха. По перрону ходили исключительно молодые люди в белом. Приехали поезда из Перми и Ебурга, оттуда вышли другие молодые люди в белом, некоторые пошли в пгт, некоторые пересели из одного поезда в другой, некоторые наоборот, некоторые сели с перронов в поезда, некоторые сошли с поездов на перроны и там и остались. Происходила, я бы сказал, диффузия белых людей. Дай-ка, попросил я бинокль у Равиля, потому что заметил кое-что подозрительное. Я посмотрел через бинокль, и мои подозрения превратились в уверенность: на перроне стояла и внимательно осматривала всех приехавших на екатеринбургской электричке не кто иная, как Галя. На ней не было ничего белого, и тем не менее она свободно стояла на перроне, и менты ее не трогали. Галя подняла голову и долгим взглядом посмотрела в нашем направлении. И хотя смотрела она против солнца, и блеск оптики не мог нас выдать, мне показалось, что посмотрела она прямо мне в глаза, и через глаза прямо в душу мне заглянула! На лице ее было задумчивое выражение. После этого Галя подозвала ближайшего полицейского и стала о чем-то с ним разговаривать. Мне нужно было это осмыслить, но потом. Пора смыться, сказал я Жендосу. Чего, сказал Жендос. Рвем когти, сказал я, чего непонятного, и Жендос без споров командовал отход. Тем временем поезда разъехались по противоположным направлениям, а оставшиеся Белые в ожидании следующих поездов разошлись по привокзальной площади, покупать в ларьках пиво и слабоалкогольные

коктейли, подпирать стенки и просто бессмысленно бродить в пространстве. Мы же поспешно спустились с крыши, пятый этаж, четвертый, третий, второй, первый, потом еще ниже уровня земли, в овраг, и пошли прочь из пгт по направлению к Ебургу.

План был такой, Жендос быстро придумал план: следующая станция была остановочный пункт Пастушный, соответствующий заимке и поселку Пастушный, совсем маленькому, меньше двадцати дворов; дальше был поселок Сарга, уже значительный, больше тысячи жителей. До Сарги по трассе восемнадцать километров, до Пастушного раза в два меньше, но это если по прямой, а по трассе километров двенадцать. План состоял в том, чтобы добраться до Пастушного и посмотреть, нет ли там Белых. Если нет, сесть на ближайшую электричку и доехать до Ебурга, если есть, дойти до Сарги, там уже ходят автобусы, можно поймать машину, если что. Можно было сократить путь (до Пастушного) примерно в два раза, если идти по лесу, но придется тогда пересекать речки Шаля и Чесноковка. Но что это за речки, это ручейки, а не речки, сказал я. Мне кажется, по трассе идти не стоит, наверняка там все перекрыто. У речек есть дополнительный плюс, сказал Игорь. Какой, сказал Жендос. Если пошлют собак, мы собьем их с пути. Ноябрь месяц, ты собираешься по воде идти в ноябре? Ну а что делать, если Серега говорит, что нас заметили. Заметили, подтвердил я. Несколько Белых пошли по направлению к фабрике. Только я не Серега, а Вася. Извини, мы не можем тебя звать Васей, у тебя на нагрудном знаке написано не Вася, сказал Игорь. Грудной знак крепко пришит, не оторвать, сказал я. Ну, значит, будешь пока Серым, сказал Жендос. Не совсем пока Синим, на испытательном сроке, но близко к синему. Гениально, сказал Игорь. Ладно, пойдем по лесу, сказал Жендос.

Лес был сумрачный и темный, деревья стояли близко друг к другу, в основном ели, местность была заболоченной, не похожей на тот лес, по которому мы ездили с Галей, Рауфом и иностранцем. Идти по нему было сложно, но возможно. Не было никакого колдовства в этом лесу, была только мрачность, не хотелось бы в нем ночевать, хотя такая возможность имелась, у Равиля была палатка, провизией мы закупились еще в Шале перед походом на станцию. Идея оторваться от собак оказалась утопической, я имею в виду, оказалась бы утопической, если б за нами послали собак. Ноги чавкали в грязи, и мы оставляли следы, хорошо, на всех были специальные фанатские высокие ботинки со шнуровкой, на мне были полицейские ботинки, выданные еще генералом на зоне. В общем, мы, видимо, форсировали реку Шаля, сами не заметив того. Ориентироваться было легко: звуки поездов должны были доноситься слева, звуки автомашин справа, потому что, несмотря на гражданскую блокаду Шали (и, возможно, соседних деревень и поселков), все-таки Транссиб из-за этого не перекрыли, это было бы глупо и попросту вредительски, Транссиб это главная артерия страны, ее нервное волокно, идущее вдоль позвоночника, если прервать ее, все тело парализует. Кроме того, жителям Шали нужно кушать, одеваться и справлять прочие потребности из пирамиды Маслоу, хотя бы нижних ее слоев, и для этого необходимо поставлять туда соответствующие продукты. И даже не только жителям Шали: ведь Шаля это крупный транспортный узел, через нее можно попасть из Первоуральска, например, в Вогулку, Шамары, Платоново, Коптелы. Можно проехать и через Илим и Сылву, конечно, но так будет немного дальше по километрам. Так что и железная дорога, и автомобильная трасса работали, хотя транспортные средства и ходили по ним не очень часто, и помогали нам ориентироваться в пространстве. В общем, мы шли сносно, преодолели эти шесть или восемь километров за три-четыре часа. По пути разогрелись, и если в начале мне хотелось блевать с похмелья, ближе к Пастушному алкоголь ушел вместе с испариной, если он вообще умеет уходить с испариной. Но так в народе говорят: Алкоголь с потом вышел, или там Алкоголь с испариной вышел. Алкоголь из меня испарился, а мысли о Гале нет: я все думал о ней и думал, думал и думал. Думал я следующее, и это было продолжение моих мыслей по пути из генеральской зоны в Шалю. Голова была яснее, и я ответил себе на вопрос, почему Галя была человеком без свойств, и заодно уж на вопрос, почему ее не прихватывали

менты, пока она стояла на перроне и выискивала своего Пашу. Ведь кто у нас человек без свойств? Кто у нас имеет внешность такую незапоминающуюся, не привлекающую внимания, что человек смотрит на него (человека без свойств) и отводит глаза, и через двадцать секунд не может вспомнить, кого он только что видел? Главное – правильно поставить вопрос. ЧЬЕ ГЛАВНОЕ СВОЙСТВО НЕ ИМЕТЬ СВОЙСТВ? Вот в такой формулировке вопрос имеет единственный и очень простой и логичный ответ: это спецслужбист. Гэбэшник. Конечно, Галя работает в спецслужбах! Это объясняет многое. Например, почему я видел ее в коридоре, а утром генерала нашли мертвым. Ну понятно теперь, почему! Видали мы такие сердечные приступы, вернее, слышали про них. Или, например, откуда у нее наручники, *для чего* ей наручники. Это открытие, или, строго говоря, пока гипотеза, хотя и придала мне сил тем, что я осознал величие своих мозгов, но, с другой стороны, и отняла столько же сил – тем, что я осознал свою глупость и ограниченность. Как же я раньше этого не видел? Человек всегда ничтожен и велик одновременно. В целом сил у меня не прибавилось и не убавилось, просто стало немного грустно. Остались, конечно, вопросы, например, почему Галя не убила меня, может быть, я ей все-таки немного нравлюсь? Или дело в том, что даже гэбэшники не могут противостоять чарам моей великой полицейской формы? Что ей надо было в Шале? Может быть, она охотится за моим сокровищем? Кто такой Паша? Существует ли Паша? Что мне теперь делать? Форсируя Чесноковку, пришлось хлебнуть ботинками воды из речки, но это ничего. Погода была отличная: солнечная, как будто вовсе даже весенняя, а не осенняя. К Пастушному мы подошли чуть за полдень. И что мы увидели в Пастушном (естественно, с опушки леса, не выходя на открытое пространство, чтобы нас не заметили)?

В Пастушном мы увидели огромное количество Белых и несколько ментов. Белых человек тридцать, и ментов человек восемь. За все время существования поселка Пастушный, наверно, не было в нем такого аншлага, учитывая, конечно, что все немногочисленные его жители тоже никуда не делись и уже не могли деться, заблокированные Белыми. Возможно, они бы и хотели куда-то деться, и думали про себя: О, сколько тут людей, последние дни настают, начинается перенаселенность мира, Мальтус был прав и т.д. Но, повторяю, они были бессильны и сидели, видимо, по своим домам и дворам, потому что никого из местных не было видно, если не пренебречь таким потенциально возможным, но маловероятным случаем, при котором кто-нибудь из Белых или ментов был уроженцем Пастушного, а потом уехал из него, например, учиться или работать в Пермь или Екатеринбург, а вот теперь вернулся. Что ж, здесь мы явно не сядем, сказал Жендос. Давайте отойдем подальше в лес и устроим привал, и решим, что нам делать дальше.

На привале Игорь предложил пойти в Саргу и сесть на рейсовый автобус на юг, до Тюша или до Афанасьевского, а это уже большой мир, трасса Екатеринбург-Кунгур-Пермь, уже на матч не попадем, но хрен с ним, выбраться бы. Я сказал, что план хороший, но что если автобусные рейсы тоже заблокированы? Я видел Белых в Шале и на автостанции. Скорее всего заблокированы, сказал Жендос. Тогда давайте пересечем железную дорогу и отправимся на север, сказал я. А что там на севере, спросил Жендос. Во-первых, там никто не будет нас искать, сказал я. Это уже совсем не вдоль трассы, там точно Белых нет. Если вся каша заварилась из-за смерти генерала, то это как глаз циклона, все будут прочесывать вокруг, но не там. Во-вторых, мы там где-то оставили машину, если у нас будет литров пять хотя бы дизеля, проедем сколько-то по трассе, там асфальт хороший, или заправимся, или точно выберемся оттуда в спокойное место. Если машина нам не встретится, просто выйдем на трассу подальше от жд, пойдем перпендикулярно к ней, даже при атомном взрыве советуют двигаться перпендикулярно ветру. В-третьих, если нам встретятся зэки, которых там вроде много, то нам это не страшно, потому что я в ментовской форме, а они ее боятся, а если встретятся менты, то запомните заклинание: Брянск Север, они от него немеют и теряют волю. Если нет контрзаклинания, то вы в

безопасности, а я думаю, что контрзаклинания у них нет, это же менты, у них нет второй специализации, как у меня, например. План дерзкий, но красивый, одобрил Жендос. И мы пересекли железнодорожные пути и пошли на север. И, в общем, до вечера прошли довольно много, километров, может быть, десять, а может быть, и все двадцать, сложно сосчитать, когда нет ориентиров, у Игоряна был шагомер, но как тут поможет шагомер, когда приходится то и дело менять направление движения, обходить болотца, петлять кругами и кружить петлями, возвращаться, если предыдущее направление оказалось неверным и т.д. Лес в том месте был изрыт какими-то канавами, плодом труда местных заключенных, наверно, строили ирригацию, хотели северные реки повернуть на юг, а западные – соединить с восточными, очередной Беломорканал, короче, местность весьма пересеченная, если не сказать больше. В одной из этих канав произошла следующая неприятность: Равиль сломал или вывихнул ногу. Все потому, что он был среди всех Синих самым выносливым, самым походником, нес самый тяжелый рюкзак (с палаткой), никто его не заставлял этого делать, все сам, все сам, соответственно, его вес, как легко понять, тоже был самым большим, мы переходили через очередную рытвину по досточке, все перешли, а под Равилем досточка переломилась, Равиль упал, сверху на него упал булыжник, который лежал на краю этой рытвины, падал на голову, он и сам был размером с человеческую голову, Равиль увернулся, камень упал на лодыжку, не скажу раздробил или не раздробил, но стопа повернулась под неестественным углом. Равиль заорал от боли. До этого я не слышал от него ни одного слова, думал, что немой, но стеснялся спросить. Мы спустились вниз и стали его рассматривать. Похоже, перелом, сказал Жендос. Может, вывих, с надеждой спросил Игоряна. Да ты на его ногу посмотри, какой вывих, сказал Жендос. Игоряна потрогал ногу Равиля. Тот снова заорал. Оказалось, не немой, нет. Да, похоже, перелом, сказал Игоряна. Похоже перелом, да, сказал я, чтобы не отставать. Ну че, бля, надо возвращаться к железке, сказал Жендос. Темнеет уже, сказал Игоряна. В темноте тут хуй до железки дойдешь, скользко, сами ноги поломаем и железки не найдем. Придется до утра ждать. Есть че обезболивающее, димедрол там, аспирин, спросил Жендос. Найдется, сказал Игоряна. Травы ему нужно дать покурить. Ага, сказал Жендос. Это на крайняк. А так водки еще. До утра протянем. А там как-нибудь. Мужики, я помогу, сказал я. С одной стороны, странно было бы в такой ситуации сказать что-нибудь другое, например: Э! а мне водки останется? или хотя бы: Бля, чуваки, какая железка, вы в курсе, что за вами Белые охотятся? А с другой стороны, сказать и это-то было довольно бестактно. Конечно, помогу, куда я денусь, можно об этом и не упоминать, я ведь не мудака какой. Но и промолчать было бы неуместно. Спасибо, вежливо сказал Жендос. Палатку ставить умеет кто-нибудь, спросил я, больше чтобы обозначить, что я не умею. Жендос и Игоряна таскали лапник, ставили палатку, все, что делают нормальные люди, привыкшие ходить в походы, во время этих самых походов, когда они готовятся ко сну, готовят еду, пьют напитки разной степени крепости, играют на ночь глядя на гитаре и постепенно проваливаются в забытье, а я поил Равиля водкой с димедролом. Эх, гитару мою разбил, сука, со злостью сказал Жендос, ни к кому особо не обращаясь. Слушай, ты, сказал я, мы все в одной лодке, за твою гитару я уже извинился, сейчас не время тут друг на друга бычить. А то ведь я и уебать могу. Ты понял? Понял, сказал Жендос, ему видимо не хотелось ссориться. Понял, я сказал? Понял, бля? Да понял, понял, сам говоришь, не время друг на друга бычить. А я не бычу, это самозащита. Ты понял? Понял, понял.

Ночью много раз просыпались, да, по сути, не спали, нога распухла, пришлось резать на Равиле штаны. От водки с димедролом Равиль впал в полусон-полубред, рано утром, как только темень превратилась в сумерки, двинулись обратно. Слово «обратно» слишком сильное для направления, в котором мы шли, потому что компас вдруг взбесился и мог показать юг на востоке, запад на севере, а в следующий момент север на юге, а восток правильно, а потом юг на юге, север на западе, и, что самое страшное, непонятно, когда какой момент наступал. День, в отличие от предыдущего, был пасмурный, по солнцу было уже не понять. Мы шли на звук железной дороги, и неоднократно бывали

такие ситуации, когда вроде бы выбрал направление, идешь в этом направлении, а через пять минут поезд, и звук уже совсем с другой стороны. Мы шли наугад, в целом, наверно, приближаясь к железной дороге, но по броуновской траектории движения, то есть, например, шаг вперед, два шага вправо, потом снова шаг вперед, потом шаг влево, потом три шага по диагонали, потом шаг назад, потом еще два шага по диагонали, но по другой, потом три шага вперед, два шага по диагонали, шаг назад, четыре шага влево. Я могу долго продолжать, не ручаюсь, что сейчас точно описал хоть какой-нибудь промежуток нашего пути, но общий смысл понятен. Под словом «шаг» я для простоты и краткости описал какую-то, возможно, другую единицу длины, возможно, локоть, или сажень, или метр, или ярд, или пядь, или несколько футов. Пошел снег и укрыл наши следы, теоретически мы еще могли найти следы и вернуться по ним, если идти в нужном направлении, а не как Винни-Пух с Пятачком, потому что весь лес был покрыт какой-то грязью, в которой мы оставляли следы, я уже говорил, по этим следам могли пустить собак, но не пустили, а теперь и мы не могли их найти. Мы несли Равиля по очереди, в основном я, как представитель грубой физической силы без мозгов, а Равиль стонал и бредил, и от водки с димедролом иногда блевал. Нога еще больше распухла, начался, может, некроз, или как там это называется, короче, мое личное мнение, что грозила ампутация, и хорошо еще, если ампутация будет спасительной. Я мог бы долго рассказывать о наших блужданиях по лесу, но к чему? И так вроде все понятно. Равиль был членом моей новообретенной семьи, конечно, я хотел его спасти, но хотел равнодушно, ну, спасу так спасу, а нет так нет, чего уж поделывать. Это оборотная сторона большого количества родственников: когда какой-то из них умирает, это скорее не повод для грусти, а повод собраться и выпить. Родня большая, бабы еще нарожают. Отсутствие острой скорби симметрично компенсируется тем, что нет и большой радости, когда в родне пополнение. Ну что ж, что пополнение, скоро кто-нибудь зато умрет, и опять будет плакать его жена или дочь, а сын будет дрожащими губами произносить тост о том, что его отец (например) был хорошим человеком, были недостатки, но злым он не был, нет, не был. Нет, не был, это точно, будут кивать головами родственники, и думать, что бы сказать об усопшем дополнительно, кроме того, что он был не злой, потому что именно это они и хотели сказать, пока сын по праву более близкого родства их не опередил. Кто-нибудь скажет, что он был веселый. Кто-нибудь вспомнит, как ходил с ним на рыбалку, до того еще, как тот начал пить. Кто-нибудь скажет: Прости нас, Алексей Матвеевич, не успели тебе десятку отдать, возьмите вот за него, а кто-то ничего не скажет, выйдет покурить, когда очередь дойдет до него.

Вдруг увидели просвет за деревьями, рванули туда. Упал в придорожную канаву Жендос, слава богу, ничего сам не сломал, и слава богу, не он нес Равиля. Выбрался из канавы, ломая кустарники, закричал: Сюда! Здесь дорога! Выбрались на дорогу, стали решать, в какой стороне железка. Вон там, говорил Жендос, да где там, не там, а там, говорил я. Давайте послушаем, где поезд, сказал Игорян. А, да, точно, решили мы. Поезд вскоре оказался в том направлении, куда призывал Жендос, простучал довольно громко, возможно, дело в том, что на дороге звук разносится лучше. Пошли туда максимально быстрым в нашем положении шагом, я даже не стал спорить. Дорога была не асфальтированная, но покрытая гравием, по ней явно иногда ездили, и идти было в разы легче, чем по лесу. Все было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Донесем его до железки или там до цивилизации, и сами как хотите, а я смоюсь, решил я. За одним из поворотов нас ожидала засада: дорога была перекрыта белой веревочкой, а за веревочкой стояла женщина-врач в белом халате, шапочке и маске чумного доктора, и при ней старичок-ассистент, когда-то могучий, но иссохший от старости. Стоп, закричала женщина-врач неестественным голосом. Вы входите в зону карантина. Вы врач, закричал одновременно с ней Жендос. Да, я врач, для допуска в карантинную зону вам необходимо сделать прививки, лица без прививок в зону не допускаются, а Жендос одновременно с ней говорил: нам нужно доставить нашего друга в больницу, срочно, он сломал ногу.

Женщина-врач сказала: ближайший медпункт находится в Шале, был в Сарге, но его оптимизировали, но без прививки я вас туда не пущу. Давайте вашу прививку, сказал Жендос. Снимайте верхнюю одежду, сказала врач. Сквозь одежду не можете, так быстрее? Мы так больше потратим времени на препирательства, сказала врач. Давайте куртку моему ассистенту, он подержит. Жендос разделся и подставил под укол свою мощную бицуху, в то время, как Игорян, раздевшись, подставил под укол бицуху хиленькую, похожую на мешок с устрицами. Теперь вы, сказала мне врач. Я передал Равиля Жендосу, свою полицейскую куртку старичку и тоже укололся, а когда обернулся, моя куртка был уже на старичке! Эй, старичок, давай куртку, заорал я, но тот наставил на меня ствол. Не узнаешь, спросил он. Нет, не узнаю. А ты приглядишься. Я пригляделся и с трудом, но узнал пьяного полицейского Сергея Захваткина, только постаревшего лет на сорок. В его старой полицейской куртке узнать его все-таки было можно. Сергей Захваткин, спросил я. А ты друг Паши Матанцева, торжествующе сказал он и кинул мне мою старую куртку, то есть ту, которую я оставил ему, чтобы он не замерз. Только эта куртка была вся заблеванная и будто бы какая-то жеваная, в то время как я сохранил его мундир в чистоте и достоинстве. Синие стояли и ничего не понимали, но они мне помочь и не могли, у полицейского был пистолет, у Жендоса в руках Равиль, а Игорь еле держался на ногах. Ваше обмундирование, Сергей Викторович, как договаривались, сказала Галя, снимая чумную маску, ибо этим доктором была именно она, только у меня к вам еще одна просьба: вы уж доставьте пациента в Шалю, пока не поздно. Все будет сделано в лучшем виде, радостно подтвердил полицейский. Язык у него немного заплетался, но в целом он выглядел странно трезвым, может быть, просто дефект речи, у меня был знакомый, которого все принимали за пьяного, а он просто говорил так, ничего крепче кефира не пил. Гэбэшница, заорал я, шлюха! Не гэбэшница, нет, сказала Галя, даю честное слово. Брянск Север, заорал я, придя в себя! Брянск Север, слышишь, ты?! Мент пошатнулся, но тут же овладел собой. Хорошая попытка, парень, сказал он, рисуясь, как будто герой вестерна. Но ты уже использовал свой выстрел. Из-за ваших вчерашних художеств сменили пароль, теперь твое заклинание не действует. Адью! Так, кто со мной? Давай сюда своего инвалида. А вы донесете, спросил Жендос. Ха! И полицейский одной рукой выдернул из земли елку, тоненькую, правда, но тем не менее настоящее дерево. Есть еще силы. Так кто со мной до Шали? У меня там еще вроде и дела есть. Если мои расчеты верны, там меня ждет лучший в мире друг, с которым мы дали клятву никогда не расставаться. Жендос и Игорян посовещались. Мы с вами, сказали они. Синие никогда не расстанутся. Серый, ты как? Хочешь быть Синим? Я очень, очень не рекомендую идти с ними, сказала Галя, нам с тобой в ту сторону. Гэбэшница, сказал я. Конечно, я пойду с ними, а не с тобой. Я не гэбэшница, сказала она. Даю тебе честное слово. Поверь мне еще раз. Всегда, когда ты мне верил, я тебя не обманывала, вспомни. И я вспомнил, как она выручила нас в лесу, выкинув за борт матрешку, а потом заставив переобуть машину и убедив меня переодеться в ментовскую форму, и даже минет была готова сделать. Поверь мне, пожалуйста. Мы пойдем, и я тебе все объясню. Я стоял в нерешительности, не зная, за кем идти, хотя, наверно, выбор был уже сделан. Решай скорее, парень, сказал полицейский. Большой ваш еле дышит. Жендос с Игоряном запели, то ли желая поддержать Равиля, то ли желая склонить на свою сторону меня и предлагая мне самое дорогое: Лишь в одну команду мы верим! За нее всегда мы болеем! Никогда в беде не оставим! Только Яшин, только «Динамо»! А Галя подошла ко мне и поцеловала в губы. Я помнил ее поцелуй еще по Шале, но этот был слаще в несколько раз. Мы стояли и целовались, как в кино, и я услышал аплодисменты Жендоса и Игоряна. Руки полицейского были заняты Равилем, а так бы он, несомненно, тоже заплодировал. Я оторвался от Гали и увидел, как они уходят. Они шли быстро и были далеко. Вперед, ублюдки! Вперед, тупые! Закричал я им вслед, и они радостно ответили: Кто мы? Мусора! Злые мусора!

– Тетрадь третья –

Здесь было бы красиво закончить *всю* историю, но заканчивается только вторая тетрадь и тут же начинается третья. Галя сказала: Белые их не встретят. Твои друзья в безопасности, конечно, если не наделают глупостей. Я знаю, что вы были там на крыше. Поэтому я сказала ментам, что видела, как вы уходите в сторону Перми, так что теперь они ищут вас там. И я знала, что ты подумаешь, будто я гэбэшница, и сама на это пошла. Но я не гэбэшница. Но у тебя же нет никаких свойств, сказал я. А человек без свойств – это в нашем мире только гэбэшник. Не только, сказала Галя. Давай поиграем в загадки. Обещаю отвечать правду. Один раз ты меня уже обманула, сказал я, когда нарядилась чумным доктором, а ведь ты не врач. Да, я не врач, но если ты правильно ответишь, я тебя не обману. Да ты и сам это понимаешь. Кто я, если у меня, как ты сам заметил, нет ярко выраженных свойств? Одну свою попытку ты уже просадил, осталось еще две. Учитывая, что я все про тебя знаю. Будешь еще пытаться? Тогда ты, может, богиня или дух, сказал я. В буквальном смысле. Раз все про меня знаешь. Ты дал две попытки, но я засчитаю их за одну. Нет, я не богиня и не дух. Теперь спрашивай ты, три вопроса. Можешь потом. Нет, я спрошу сейчас, сказал я и подумал, как бы так задать вопрос, знает ли она о моем сокровище, чтобы она не догадалась в том случае, если все-таки не знает. Спросить «Знаешь ли ты, есть ли у меня сокровище» значит выдать тайну существования сокровища. Спросить «Знаешь ли ты, есть ли у меня тайна?» значит выдать тайну существования тайны. Спросить «Знаешь ли ты, есть ли у меня тайна существования тайны?» значит выдать существование тайны существования тайны. И так далее. Спрошу попроще, решил я, но с простотой переборщил. Есть ли что-то во мне, чего ты все-таки не знаешь? Это очень глупый вопрос, засмеялась Галя. Если я отвечу нет, это не даст тебе никакой информации: или я на самом деле все о тебе знаю, или я что-то о тебе не знаю, но не знаю того, что я этого не знаю, и лишь уверена в том, что все знаю, кое-чего все-таки не зная. Так что я отвечаю: Нет. Хорошо, тогда второй вопрос, сказал я. Знаешь ли ты, почему я не хочу прямо сейчас ехать в Пермь или Ебург? Да, сказала она, знаю. И опять ее ответ не принес мне облегчения. Может быть, она на самом деле знает, что я опасюсь того, что меня там прихватят? Но если так, она все равно может не знать ничего о моем сокровище, о тайне его существования, о существовании тайны его существования или о существовании тайны существования тайны существования моего сокровища. А может быть, она даже этого не знает, а думает, что я не хочу никуда ехать исключительно из-за того, что влюбился в нее? И опять тем самым ошибается, то есть владеет не всей правдой, потому что я и сам не знаю, влюбился ли я в нее. Ладно, тогда третий вопрос. Эксицирируй мне ситуацию с телефонным Пашей, сказал я. Есть этот Паша, нет его, что ты про него узнала и так далее. Ты бездарно потратил все свои вопросы, сказала Галя, потому что про Пашу я и сама собиралась тебе рассказать. Паша настоящий, Паша существует, я действительно собиралась с ним встретиться, но не смогла, и хорошо, что не смогла. Собственно, главная опасность для нас теперь – это Паша и его банда. Из-за него в ту сторону тебе ходить и не стоило. Ты правильно поступил, что не пошел со своими друзьями. Прости, что вовлекла тебя. Я не знаю, где они сейчас, но нам надо как можно быстрее уходить. Кто они? Твои вопросы кончились, но я тебе скажу. Они это Паша же, господи. Только бы уйти, только бы уйти. Да, что бы ни случилось – не оглядывайся. И ни за что не поднимай трубку телефона. Да он и номера моего не знает. Нет, знает. Извини. Может случиться страшное, но ты не оглядывайся, договорились? И не поднимай трубку. А скажи мне вот что, как ты поняла, что я пройду мимо тебя? Твои вопросы закончились, я же сказала. Но это нам судьбой назначено было. Я очень удивилась, когда увидела, что ты в Перми садишься на прямой экспресс до Екатеринбурга. Хотя связи не было, у меня вдруг зазвонил телефон. Не поднимай, НЕ ПОДНИМАЙ, закричала Галя. Вообще выкинь его нафиг или хотя бы отключи. Черт,

теперь он нас найдет, теперь он нас найдет! Я видел, как она напугана. Расскажи подробнее, что за Паша, чем он тебе грозит? Потом, потом. Ты ведь знаешь, что телефонным мошенничеством промышляют в основном зэки? Ну, знаю. Ты знаешь, почему до сих пор живой? Почему? Ты знаешь, что эти леса кишмя кишат зэками? Ну не так уж они и кишат, ни одного не видел. На тебе была кольчуга, броня из хэбэ, синтетики и полушерсти, они боялись тебя и не приближались. Говоря языком сказок, может быть, более понятном тебе, они как гоблины, разбегающиеся при виде Оркроста или Гламдринга. Этот Оркрост – твоя ментовская куртка, а теперь ты без нее, и мы беззащитны, беззащитны, беззащитны! Так почему мы идем в лес, а не к железке, спросил я. Потому, что у железки Паша, ну как ты не понимаешь! Так разве Паша не зэк, разве он не в лесу? Нет, он бывший зэк. А тут еще следы эти на дороге.

На этом месте я понял, что у Гали все-таки есть отличительное свойство: она все время упоминала сказки, народные верования и т.д. Это была мысль, которую следовало обдумать, только я не успел. Быстрее, быстрее, торопила меня Галя. Раздался вдруг выстрел, мое ухо обожгло огнем. Не оглядываясь, закричала Галя, и только потом: Бежим! Мы побежали, и вокруг трещали выстрелы, обдавая нас жаром от горячих пуль и одновременно холодом от их полета, сбив медицинскую шапочку с Гали, сшибая веточки с деревьев и т.д. Старайся петлять! Мы добежали до поворота дороги, пули перестали летать вокруг нас, по той простой физической причине, что они движутся прямолинейно, а по прямой между стреляющими и нами были деревья. Но это было ненадолго. Это было ненадолго. Они двигались явно быстрее нас. Занырнуть в лес мы не могли по двум причинам: глубокие канавы по обе стороны дороги и свежевывпавший снег, который выдал бы нас. Не останавливайся, крикнула Галя. И не оглядываясь, поверь мне снова. Когда мы добежали до следующего поворота, преследователи, видимо, добежали до предыдущего, потому что выстрели возобновились. Мало того, что они возобновились, это бы полбеда, но одна из пуль попала в Галю, и она упала, схватившись за правое плечо. Я помог ей подняться, мы получили временное облегчение, скрывшись за поворотом, но на прощание пуля попала и в меня, только в левое плечо, а не в правое. Я упал, но упал за поворот, и пули нас, как я уже сказал, временно перестали доставать. Так. Главное, не оглядываться, сказала Галя, тяжело дыша. Пусть убивают в спину. Следующий поворот был довольно близко, но нас подбили, и мы потеряли скорость... Тем не менее мы бежали, скорее, брели, спотыкаясь, и почти добрались до поворота, когда одновременно случились две вещи:

ВО-ПЕРВЫХ, возобновились выстрелы, конечно;

ВО-ВТОРЫХ, из-за поворота ЗАДНИМ ХОДОМ навстречу нам выехала машина, и веселый пьяный голос Рауфа, водителя, с которым мы вместе попали в тюрьму, а вышли без него, закричал: Эй, ученый! Эй, женщина! Подвезти? Ха-ха! Садитесь! На машине развеялся флаг с черепом и костями. Машина поравнялась с нами, задние двери открылись, в каждую из них тут же попало по пуле, и незнакомый кавказский мужчина протянул руку и помог забраться внутрь сначала мне, а потом и Гале. Несколько пуль разбили заднее стекло, одна сбила кепку с человека, помогшего нам забраться. Рядом же с Рауфом безучастно сидел иностранец. Пригнитесь, сказал Рауф, переключил скорость и завернул за поворот. Выстрелы не прекратились, но теперь звучали как проклятия проигравшего. Дорога петляла, после нескольких поворотов вышла на относительно прямой участок, и тут Рауф втопил педаль газа. Почему ты задом ехал, спросил я его. Вот ведь ты хоть и ученый, а глупый. Я бы тут пока разворачивался, вас изрешетили бы всех. И к тому же на Пашу смотреть нельзя. Да, познакомьтесь: мой брат, Октай, таинственно сказал Рауф с видом человека, вручающего подарок. Октай сидел ровно на том месте, где раньше сидел его дух, по утверждению водителя. Так он жив, удивились мы с Галей на радость всем остальным. Жив, восторженно закричал водитель. Жив! Его не убили, его держали на зоне, по защите свидетелей, выпускать, сами понимаете, нельзя было! Ну, поздравляем, сказала Галя, а я стал жать руку Октаю. Спасибо, радостно сказал Рауф. И,

главное, мне не сказали! Никому не сказали! Но теперь ладно. Теперь братишка всегда со мной, теперь мы знаем, что лучше никогда не расставаться, и мы не будем никогда расставаться, правда братишка! Правда, сказал Октай. Я посмотрел на Гаю. Давай тоже никогда не расставаться, сказал я ей. Смотри, даже раны у нас расположены симметрично, если мы встанем лицом друг к другу, то пуля, прошедшая навывлет через твое плечо, пройдет и через мое, а прошедшая навывлет через мое плечо, пройдет и через твое. Не знаю, откуда во мне вдруг появилась эта поэзия, но внутри меня было и продолжение этой фразы, которое я не решился произнести вслух: только это не пуля, а стрела Амура. Даже без моей фразы про стрелу Амура мне заплодировали Октай и иностранец, а водитель, у которого в руках был руль, просто оценивающе покивал. Определенно, я сегодня имел успех. Галя кивнула мне одними глазами, но вслух сказала: Да, но такая же фигня с пулями будет, если мы встанем не лицом друг к другу, а спиной. К тому же нельзя игнорировать и разницу в росте, чтоб пуля так пролетела, тебе нужно немного подогнуть колени или мне подпрыгнуть.

В этой неловкой ситуации водитель решил меня выручить. Так, ребята, вот вам тампоны, Октай, перевяжи им там, чтоб кровь не шла, весь салон запачкают. Спиртом смочи. А я вам пока расскажу новости. Да, расскажи, давно не видались, обрадовался я, хотя мы не виделись два с половиной дня. Когда меня забрали в тюрьму, ну, вы помните, вы продолжали с генералом пить, а меня сразу вызвали на допрос и стали там бить. Очень долго и сильно били, а я не знал, чего им от меня нужно. Я уж думал, убьют, как и брата, он снова любовно посмотрел на брата, но нет, бросили в камеру, и там я увидел Октая, и мне стало уже все равно, убьют меня или не убьют. Вид водителя действительно был весьма избитый, да что там, он выглядел как зомби. Утром оказалось, что вы уехали, генерала нашли мертвым, в колонии начался бунт, клетки пооткрывали, все стали друг с другом драться, охранники с зэками, зэки с другими зэками, охранники с другими охранниками. С ножами, заточками, дубинками, цепями, кастетами, ну, вы понимаете, короче. Тут мы с братом в суматохе и сбежали. Моя машина была во дворе, полный бак, на заднем сиденье прятались генерал, иностранец и его адъютант Костик, генерала, в смысле, а не иностранца адъютант, на самом деле у него (генерала, а не адъютанта) могущественные враги, которые хотели его убить, и его смерть это инсценировка, нашли похожего актера и сделали вид, что его убили, а на самом деле не убили, он просто талантливый индийский йог, умеет задерживать дыхание и останавливать стук сердца. На этих словах Галя сжала кулаки и заиграла желваками. А то, что брат твой по защите свидетелей, тебе тоже генерал сказал, спросила она. Ну да, он, кто же еще, сказал водитель. Ну вот, он и сказал мне, куда ехать. Помните, нам пьяный мент, еще у санатория, говорил на болота не лезть, потому что там зэков много? Так вот их там не просто много, их там целая республика. Не только зэков, конечно, но и вообще, но в основном зэков. Без разрешения туда не попасть, пиф, паф, ой-ой-ой! Но нас-то нормально пустили, с генералом. Сейчас туда едем, там вас перевяжут. Мне к тому времени стало сильно хуже, от потери крови или еще от чего, к тому же машину сильно трясло, а Галя, кажется, вообще отрубилась. Долго ехать-то, сказал я. Да вот уже почти приехали, сказал водитель.

Дальше я плохо помню, скорее всего, потерял сознание, очнулся на койке внутри ПМК (палатки медицинской каркасной), рядом на стуле сидит генерал и говорит: Варвары! Варвары подняли восстание и захватили вверенную мне зону. Теперь мне нужно думать не об атомной войне, а о ремонте укреплений. Все: краны, столбы, телефоны, фугасы, пулеметы, печи, бараки и кафе, как троянский конь, защищают свободу. Они заграждают путь варварам. Поезда, шахты, метро и мосты, как баррикады, задерживают врагов, которые валят валом. Правительство должно подавить революцию в зародыше, иначе планета закроется за нашими спинами навсегда. Но правительству нет дела до нас, правительство говорит: Разбирайтесь сами. Помнишь ли ты, мой друг, как допрашивал одного зэка, который не хотел раскалываться и так и не раскололся? Это и был главарь.

Чутье у тебя о-го-го, прирожденный мент, я ж говорил. Мне пришлось бежать, бежать сюда, куда бегут все беглые зэки, но я не зэк. Я беглый в полном смысле этого слова. Зэка можно встретить, и на него есть управа, а у беглого человека нет ни защитников, ни управы. Их можно только бить. Но делать это бессмысленно. Потому что во всей России нет больше ни одного человека, который бы, рискуя жизнью, принял на себя хоть на пару часов хотя бы часть тех забот, которые пришлось нести мне и мне подобным. Я попал в этот суд по ошибке. У меня нет никого. Мои родители погибли в автокатастрофе. У меня нет ничего, кроме сердца, на котором было бы приятно поставить штамп. Но я не хочу, чтобы у меня был штамп. Я не хочу быть чушью. И мне некуда бежать. Границы закрыты. Я, я, последний европеец в этой стране, не считая этого шута горохового! Он показал под стул, под которым сидел, оказывается, все это время иностранец. И тебя. Тебя, мой друг, просвещенный ученый, который знает, что такое Эвтерпа, Эвменида и так далее. И что такое Эринии, богини мщения! Мы сделаем здесь Европу! Для начала я устроил здесь зону, здесь, зону беглых зэков! Зэки бежали, чтобы вновь оказаться на зоне! Как говорил Гамлет: вся жизнь тюрьма, говорил Гамлет, а люди в ней актеры. И Дания наихудшая из них. Они пока не знают, что это зона; они думают, что это временная автономная зона, в смысле Хаким-Бея, но нет: это наш с тобой, мой друг, остров Святой Елены, и нас еще ждут сто дней славы, каждого человека ждет сто дней славы, как говорил Анджей Вархола. Каждого из них ждут сто дней славы! Когда оклемаешься, подойди к окну, посмотри на мое войско. Ты будешь мозгом моей операции, ведь ты ученый и одновременно мент. Но тебе нужно отдохнуть. Тебе нужно осознать себя. *Осознанность!* Вот чего не хватает современному обществу и, в частности, тебе. Вот что тебе нужно сделать, послушай. Тебе нужно описать все, что произошло с тобой за последнее время. Я все про тебя знаю, ты передо мной как открытая книга, как все знает про тебя твоя баба, ты, извини, конечно, хоть и ученый, но наивный до степени дебилизма. Поэтому во всем, что ты напишешь, я не нашел бы ничего нового, кроме, может быть, парочки ничтожных мыслей. Не нашел бы, если бы стал это читать, но я не буду этого читать, и никто не будет, все, что ты напишешь, нужно в первую очередь тебе, для саморефлексий и осознанности. Так что пиши смело. Может быть, тебе помогут наши психологи, им я буду передавать твои записки, если захочешь. Так что пиши смело. Бумагу и карандаши тебе обеспечат в неограниченном количестве, никто в мире не будет иметь столько карандашей и бумаги. Не торопись, все равно тебе нужно будет выздороветь, и все равно мы пока что ждем еще одного человека, будущего великого полководца, в себе я не чувствую сил осуществлять оперативное тактическое руководство, только стратегическое, о, вот к этому я чувствую и силы, и призвание! Я понял, что этот человек безумен, и ничего ему не отвечал, потому что, увы, пока был в его власти. Он еще долго говорил в таком духе, я думаю, читатель ничего не потеряет, и я для достижения осознанности ничего не потеряю, если опущу остальные его слова.

Так потянулись мои дни в заключении в палатке ПМК, и тянутся до сих пор. Эта палатка довольно просторная, а я в ней жил один; она также светлая, в ней три окна, я подходил по очереди к каждому и смотрел, что происходит снаружи. Снаружи на снегу тренировались зэки в робах, генерал в силу своего культурного бэкграунда повязал им на правую ногу клок сена, на левую клок соломы, или наоборот, неважно, и командовал: Сено-солома! Сено-солома! Сено! Солома! – как будто они не могли самостоятельно отличить лево от право. Так проходила их строевая подготовка. Учились они и фехтовать, и стрелять из лука, и стрелять из традиционного оружия. Каждый день мне приносили еду и несколько раз тетради, а уносили отходы моей жизнедеятельности, я имею в виду исключительно физической, интеллектуальная вся при мне. Исписанные тетрадки я уносить запретил, чтобы вносить в нее правки, добавлять, если что забыл, вычеркивать, если написал что лишнее, и так далее. Мое сокровище было при мне, я проверил, никто не догадывался, что у меня при себе сокровище, поэтому никто за все время его у меня так и не конфисковал. Я рассматривал его, когда у меня было настроение, осторожно нюхал,

один раз положил себе на глаза. Дальше дело на зашло, я не чувствовал себя в безопасности и не доверял здешним жителям. Я испытывал очередной вид одиночества, четвертый, кажется? Северный, южный, русский, и вот одиночество в одиночной камере. Снаружи беглые зэка крепили свое братство; моей, увы, несостоявшейся семьей были Синие. Кстати, на плацу я заметил и несколько Синих, второстепенных. Жендоса и Игоряныча среди них не было. Кажется, один раз недавно мелькнуло в толпе лицо Равиля. Видел старичка, похожего на Эйнштейна, и, показалось, геолога, но тут могу ошибаться. Или ошибался, когда думал, что его обезглавили? Большую часть населения составляют тут старички, выглядят в основном не очень здорово, но есть и среднего возраста, и даже молодые. Больше мужчин, чем женщин. Сегодня утром увидел человека, поразительно похожего на меня, стоит попросить генерала принести мне зеркало. Я принял бы его за своего отца, если б мать не говорила мне, что он умер. Я никогда не видел своего отца. Может быть, эти слова требовалось толковать иносказательно, но тогда он был бы старше. Мне снова начали сниться сны. Еще я придумал песню, Самую Грустную В Мире Воодушевляющую Песню, но не знаю, записывать ли ее сюда. Когда мне грустно, я ее напеваю, на мотив примерно Come Up and See Me Бликсы Баргельда, и мне становится грустнее, но одновременно все-таки и легче. Я писал и писал каждый день, и мы все ждали Великого Полководца, или, правильнее будет сказать, ждем и сейчас? Ибо я описываю уже настоящее время, снег лег и не тает, скоро, наверно, весна. Гали за все время в лагере я так и не видел, наверно, она в другой палатке, лечится, ранение у меня оказалось тяжелым, у нее, видимо, тоже, раз симметрично – с другой стороны, дальше от сердца. А как же никогда не расставаться? Ты же мне обещала. По крайней мере, ты закрыла глаза в ответ на мое предложение. И говорила, что встретиться нам было назначено судьбой. Пуля Амура прошла около моего сердца, но дальше от твоего, и слабее тебя зацепила, может, в этом все дело. Но у меня еще есть третий вопрос к тебе, вернее, третья догадка. Ты мне должна на нее ответить. Почему ты сказала, что удивилась, встретив меня в Перми? Почему ты запрыгнула в тот же поезд? Мне сказали записывать все, что я помню и думаю, пока не пойму, что происходит, а когда пойму, могу в тот же самый момент переставать записывать, потому что после того, как я все пойму, смысла в этом записывании уже не будет. И я пойму все и сразу. Говорят, что озарение настигает человека внезапно, как волк в чаще

Приложение

Сказки о ментах, извлеченные из ануса покойного Филипп Филипповича

Вот сказки, который покойный Филипп Филиппыч рассказывал маленькому Серюне, в том виде, в котором Филипп Филиппович их записывал. А записывал он их в виде дневника. Мне передал его Паша Матанцев, когда навещал меня в свободной зоне беглых зэков. Я привожу здесь те и только те сказки, которые были записаны на листах, вытасненных из ануса Филипп Филипповича, а вообще их больше сорока.

2 декабря. Сказка о гусенице

Рассказал такую Серюне сказку, про гусеницу.

О, слушай, давай я тебе лучше про гусеницу расскажу? Ну давай, слушай. Жил один милиционер. Понадобились ему как-то деньги, взял он свой полосатый жезл, такой, как у тебя, Серюня, и пошел деньги зарабатывать. Как зарабатывать? Ну, когда милиционер стоит на краю дороги и машет жезлом, все водители должны останавливаться, и тогда милиционер проверяет, чтоб не было никаких нарушений. Ну, там, чтобы документы на машину в порядке были, чтоб все исправно было. Нет, гусеница

позже будет, погоди. Ну вот, а потом люди платят штрафы, если что-то не в порядке, а этот милиционер все штрафы себе брал, так и зарабатывал. В общем, взял он знак, под который нельзя проезжать, и поставил около дороги, а сам в кустах спрятался. Да погоди ты, не реви! А по дороге ехал очень-очень хороший человек, прямо очень-очень хороший. Он там все время ездил и не знал, что теперь там знак стоит. Вот и проехал под знак, под который нельзя было. Тут милиционер из кустов как выскочит, и давай палкой махать. Но сам... ха-ха-ха... сам все перепутал, и у него вместо палки в руке оказалась гусеница, ха-ха-ха, черно-белая гусеница! и она стала извиваться. Милиционер испугался, а очень-очень хороший человек не остановился, потому что останавливаться-то надо только, когда тебе жезлом махают, а он ему махал гусеницей. Ха-ха. И потому он дальше поехал, а милиционер испугался, как я сказал, но еще больше разозлился, и побежал домой за жезлом. А гусеница за ним поползла, а она здоровая же, как жезл, страшная. И вот он бежит, злой, и еще за ним гусеница гонится, и случайно пробежал под знаком, что людям тут бегать нельзя. А этого знака там раньше не стояло, кстати! И тут из кустов выскочил второй милиционер и давай ему черно-белым жезлом махать. А оказалось! что у него тоже не жезл, оказалось, а тоже черно-белая гусеница! Первый милиционер развернулся и побежал от второго, а второй побежал за первым, а за ним вторая гусеница, а навстречу им первая гусеница ползет... Ну, понятно, они снова забежали под знак, под третий, а там опять выскочил милиционер, а у него вместо жезла... правильно, гусеница! И уже три милиционера побежали, а за ними гусеницы гонятся, черно-белые, большие, страшные. И так они бегали все друг за другом, милиционеров уже целый полк скопился, и бежать им некуда, потому что вокруг них сплошные гусеницы, гусеницы, гусеницы! Шевелятся, стоят как стена. Стена из гусениц шевелится! Милиционеры совсем испугались. И гусеницы сказали им, чтоб они больше не обманывали честных и очень-очень хороших людей! И милиционеры так и сделали, и перестали их обманывать, им стало стыдно потому что. И все эти плохие милиционеры перестали быть милиционерами и пошли вместе работать на завод. И на этом заводе они делали новые жезлы, только для честных милиционеров, хороших.

3 декабря. Глиняный милиционер

- Теперь расскажи мне историю.
- Ладно, хорошо, только про кого?
- Про гусеницу! Нет, про милиционера!
- О! Точно, про милиционера расскажу. В общем, слушай. Жил-был один милиционер...
- Только про хорошего милиционера. Чтоб он не ставил знаков где не положено и не брал с хороших людей штраф.
- Эээ... Ладно, хорошо. Жил-был один хороший милиционер... Жил-был один милиционер... хороший... .. Знаешь, Серюня, не могу придумать про хороших милиционеров. Только могу про плохого, или там про гусеницу.
- Ну, хорошо, ты тогда расскажи про плохого, и про гусеницу, и чтоб там хороший был, и чтоб весь мир, и чтоб все там было, и поезда, и все.
- Эээ... Ну ладно, попробую. В общем, жил один милиционер, и пошел он как-то поохотиться.
- Поесть чего-нибудь.
- Да, поесть чего-нибудь. Вот он идет, и видит, навстречу ему хороший человек идет, очень-очень хороший. И милиционер достал свой пистолет и говорит: А ну давай кошелек! И хороший человек отдал ему кошелек. Милиционер кошелек забрал и проглотил. Потом снова наставил на него пистолет и говорит: А теперь давай шляпу! И хороший человек снял с себя шляпу и отдал ему. И милиционер взял ее и проглотил. Потом раскрыл рот и захотел того хорошего человека целиком съесть. Испугался хороший

человек и побежал от милиционера со всех ног! И выронил ключи. А милиционер за ним побежал, пасть раскрыв, съесть хочет. Но ключи увидал и их тоже проглотил, а человек в это время от него далеко уже убежал.

Ну, милиционер пошел дальше и глотает все, что на глаза попадет. Урну проглотил вместе с мусором, червячка какого-то (а этот червячок был родственником гусеницы), скамейку проглотил. А на скамейке старушка спала, он и ее проглотил. Увидел машину новую, красивую, хочет на ней покататься, говорит: открывайте машину! А ему все кричат: да ты ключи-то проглотил, когда от тебя тот человек убежал!

— Это, значит, того человека машина была.

Тогда милиционер рассердился и проглотил эту машину. И стал думать, чего бы дальше съесть. А в это время машина внутри у него завелась и стала работать, колеса стали крутиться. Милиционеру очень больно стало и неприятно...

— И он к врачу пошел!

— Ну да, к врачу.

— И говорит: вытащите из меня машину, в меня кто-то машину запихал!

— Не признается, что сам съел.

— Ну да, а то доктор ему сказал бы: сам проглотил, сам и вытаскивай!

— А он так ему и сказал, потому что видел, как он ее проглотил. Его вообще все в том городе видели. А машина у него знаешь почему в животе завелась?

— Почему?

— Потому что он бабушку-то проглотил, а она у него в животе проснулась. Проснулась, нашла ключи, которые он проглотил, села в машину, которую тоже он проглотил, решила покататься немножко. Сама-то по себе она как завелась бы?

— Ну да, никак.

— Ну вот, милиционер говорит: я буду хорошим, добрым! А доктор ему не верит. Милиционер все говорит, что будет хорошим и добрым, а доктор все не верит, не помогает. Делать нечего: он взял и проделал у себя четыре дырки на животе, чтоб оттуда колеса торчали. Вот колеса из живота торчат, вертятся, и милиционер лег на живот и поехал по улице. Все видят его и кричат: смотрите, смотрите, полицейский сам едет! А это у него из живота колеса крутятся.

И так он ехал и ехал, пока не приехал в другой город... А, забыл сказать: он же глиняный милиционер был.

— Как это глиняный?

— Ну так, обыкновенно. У бабки с дедкой родился глиняный милиционер, который всех стал есть.

— Нет-нет-нет! Это обыкновенный милиционер был.

— Ну как обыкновенный. Если б он давно в том городе жил, его бы давно все боялись. О! Придумал!!! Это да, это был обыкновенный милиционер, но он только что родился у деда и бабки, прямо в форме, фуражке и со свистком.

— И с жезлом!

— Само собой, конечно. И вот он, короче, едет по дороге, в другой город, где никто не знает, какой он плохой, и думает, что надо стать ему хорошим милиционером. Приехал в другой город, и стал очень-очень хорошим: бабушек через дорогу переводил, тяжести таскать помогал, детей на улицах мороженым и конфетами угощал. А если надо было за преступниками гоняться, ложился на пузо и ехал очень быстро, и сразу их догонял.

Долго ли, коротко ли, но приехал в тот город в командировку тот самый очень-очень хороший человек, у которого тот милиционер проглотил кошелек, шляпу, ключи, машину. А старушка, которую он проглотил, была его мамой. И маму его он тоже проглотил, в общем. Увидал он милиционера и кричит: держите его! Он у меня кошелек проглотил, шляпу проглотил, ключи проглотил, машину проглотил и маму проглотил! А ему все говорят: Да нет, ты его с кем-то перепутал, наверно. Никого он не глотал, это очень-очень хороший милиционер.

Какой же это хороший милиционер, говорит тот человек, когда он все у меня проглотил. И только один такой милиционер на свете есть, у которого колеса из пуза торчат. Это точно он.

Стали его спрашивать, и он во всем сознался. Но жители того города говорят, что он уже очень хорошим милиционером стал. Бабушек через дорогу переводит, тяжести таскать помогает, детей на улицах мороженым и конфетами угощает. За преступниками гоняется.

Ладно, говорит тот хороший человек, если он стал хорошим, я могу помочь ему. Принесите мне только удочку.

Все очень обрадовались, принесли ему удочку, он сказал милиционеру сесть прямо, голову запрокинуть и рот широко раскрыть. Милиционер так и сделал. Тогда хороший человек опустил ему в рот удочку, подождал-подождал, закричал: клюет! – и вытащил у него изо рта бабушку. Потом снова удочку закинул, подождал-подождал, закричал: клюет! – и вытащил у него изо рта машину. Потом снова удочку закинул, подождал-подождал, закричал: клюет! – и вытащил у него изо рта скамейку. Потом снова удочку закинул, подождал-подождал, закричал: клюет! – и вытащил у него изо рта урну с мусором. Потом снова удочку закинул, подождал-подождал, закричал: клюет! – и вытащил у него изо рта ключи от машины. Потом снова удочку закинул, подождал-подождал, закричал: клюет! – и вытащил у него изо рта шляпу. Потом снова удочку закинул, подождал-подождал, закричал: клюет! – и вытащил у него изо рта кошелек.

Потом сел в машину, и вместе с мамой и с всеми своими вещами в свой город уехал. А хорошему милиционеру жители города новую машину купили, и он стал в ней уже за преступниками гоняться.

– Такую машину, у которой еще железная рука есть, чтоб преступников ловить.

– Точно.

– И еще мигалка!

– Настоящую полицейскую машину, с мигалками и железной рукой, чтоб преступников хватать. И остался он у них жить.

18 декабря. Превращение Франтишека

Серюня в последнее время очень почему-то полюбил истории о гусеницах и о полицейских. Вот и сегодня говорит мне:

– Расскажи историю о гусенице и о полицейском.

– Оукей, – мгновенно сообразил я. – Будет тебе сказка о гусенице и о полицейском.

– Только чтоб полицейский был добрый, хороший, – просит Серюня.

– Оукей, – говорю. – Однажды хороший, добрый полицейский проснулся утром после беспокойного сна и обнаружил, что он у себя в постели превратился в огромную гусеницу. Он хотел еще поспать, но в его дверь постучали. Да-да, я уже встаю, сказал он, но никак не мог встать, потом посмотрел на часы – и оказывается, он уже опоздал на работу!

– Кто же будет преступников ловить! – сказал он.

И пока он так лежал, к нему стали стучаться все сильнее. У него была сестра, папа и мама, и все они выстроились в очередь перед дверью и стучали, а он не открывал, потому что боялся, что они его не узнают. Потом он подполз к двери и захотел ее открыть, но понял, что у него нет рук. А папа, мама и сестра стучали все сильнее. И еще пришел его начальник узнать, почему он опоздал на работу. Тогда он залез на дверь и отодвинул засов, и они все вошли к нему в комнату. Вошли и сначала не увидели его, потому что он был на стене, а когда увидели, очень испугались, потому что он же превратился в огромную гусеницу! И они побежали из комнаты, а он за ними, и они захлопнули дверь, а он не мог за ними выйти, сел у двери и стал подслушивать, что они говорят.

– Эта страшная гусеница съела нашего Франтишека! – говорил папа (полицейского звали Франтишек). – Теперь она, того и гляди, и нас съест. Надо срочно вызывать бригаду по уничтожению насекомых.

(Он умрет? – спросил Серюня. – Слушай, Серюня, не перебивай, – сказал я. – Ну ты скажи, если он умрет, то ты говори потише, чтоб я не слышал. – Нет, не умрет, – сказал я. – А, – сказал Серюня).

В общем, он это услышал и стал ползать по стенам и по потолку, и специальным клейким раствором заделывать дверь и окно и укреплять стены. Оставил только маленькие дырочки для дыхания. Так что когда пришла специальная бригада по уничтожению насекомых, они стали ломать дверь, но никак не могли ее сломать, потому что было очень клейкое и твердое вещество. Когда они ее сломали, за той дверью была другая дверь, за той дверью третья дверь, и так далее, так что они ломали все эти двери до весны.

А папа, мама и сестра Франтишека в это время сидели на кухне и пили чай.

А полицейский очень проголодался. Он съел свою кровать и всю мебель, так что остались только стены. Потом лег спать и во сне превратился в куколку (все гусеницы же превращаются в куколки), и лежал так всю зиму, пока бригада ломала двери одну за другой.

А когда весной она сломала двери и ворвалась в комнату, чтоб его убить, полицейский уже успел в последний момент из куколки превратился в огромную бабочку, быстренько сломал окно, выпрыгнул из него, расправил крылья и полетел. И стал полицейским-бабочкой – летал по городу и ловил преступников. Хороший, добрый полицейский.

еще 18 декабря. Милиционер, летчик, снеговик

Недавно был снегопад, по пути придумали с Серюней еще одну сказку, запишу вкратце, чтоб не забыть.

В общем, жил один человек, он был летчик. И у него была машина. И как-то этот летчик полетел на своем самолете по делам. А пока он летал, выпал снег. И вот летчик возвращается и говорит: «Как там моя машина?»

Приходит он в поле (а он жил в чистом поле) и никакой машины не видит, только смотрит – снеговик какой-то большой стоит. А снег все падает.

А это на самом деле никакой не снеговик, это просто столько снега напало, что машина стала похожа на снеговика. Там внутри машины сидел милиционер, он туда залез погреться, поставил сверху мигалку, а мигалка похожа на ведро. И еще веток напало, которые воткнулись в снег, получились такие как бы руки снеговика, а еще дети туда морковку воткнули, она и примерзла. И получился снеговик.

И вот этот милиционер проснулся в машине, смотрит, темно, думает: это снеговик меня, что ли, съел?!! – и заводит машину, и эта машина начинает ездить по полю кругами, потому что милиционер же не видит в темноте, куда надо рулить, думает, что он внутри снеговика.

А летчик снаружи видит, что снеговик начинает ездить, удивился, и так и застыл. А на нем летчицкий шлем, а в руке лопата, он же решил снег раскидать.

А снег все идет, и вот летчика всего уже снегом облепило, один нос торчит, красный, как морковка, и в руке лопата, и на голове как будто ведро. Стоит, удивленный, и смотрит.

А милиционер догадался, что нужно из машины вылезть и посмотреть, что там происходит; вот он вылез и никого не видит, думает, пустой двор, только снеговик стоит в шлеме.

А это был не снеговик, а летчик. И вот летчик начинает бегать по полю, чтобы согреться, а милиционер удивляется, как это так, снеговик бегаёт, и так и застыл с

разинутым ртом от удивления. А на голове у него фуражка, а в руке черно-белый жезл, и нос длинный, далеко торчит. А снег все идет и идет.

В общем, побегал летчик немного, залез в машину, включил мигалку и стал по полю кататься. А снег все идет, и машину-то снегом снова занесло. И вот милиционер стоит и смотрит, как снеговик в машину залез, а она тоже в снеговика превратилась, и теперь по полю ездит. Очень удивился милиционер, так долго стоял, что его снегом занесло, и он стал как снеговик!

А летчик ездит по полю и думает: кто же это в моей машине сидел? А машина думает: кто же это во мне сидел? Ищут они, ищут, никого нет, вроде милиционер только что был, но и его нет, только снеговик в милицейской фуражке и с жезлом стоит. Нет, думает летчик, так я никого не найду, надо пойти пешком походить, размяться. И машина остановилась.

И тут вдруг снеговик как стал двигаться! Это милиционер замерз и стал делать пробежки. Пока он бегал туда-сюда, машина все стояла, и ее стало заносить снегом, что она сама стала не совсем еще как снеговик, но похожа, только ведро на голове у него светится и вертится, и сирена говорит: пии-уу, пии-уу, так, что летчик отошел за угол пописать.

А милиционер в это время сел снова в машину согреться. А снег все идет, а снег все идет. Летчик пописал, вернулся из-за угла к своей машине, смотрит, а машины уже и нет, есть только снеговик, у которого на голове ведро светится и говорит «пии-уу».

– Где ж моя машина? – говорит летчик.

А снеговик начинает двигаться, и ведро у него на голове светится как мигалка. Это милиционер внутри поспал, ему приснилось, что он превращается в огромную гусеницу, он проснулся и со страха стал по двору ездить. Пии-уу, пии-уу!

Потом остановился и вышел на улицу поразмяться. А летчик от удивления, что снеговик ездит, опять застыл, и его снегом занесло, и сам он стал похож на снеговика снова.

Увидел его милиционер, удивился и застыл, а летчик пошел в машину и стал ездить. Милиционер стал похож на снеговика, машина ездил-ездил, остановилась, милиционер стал ходить, машина удивилась и застыла, ее занесло снегом, она стала похожа на снеговика, а милиционер в это время сел в нее и снова стал ездить, а летчик как раз пописал, смотрит, снеговик ездит, удивился и застыл, и стал похож на снеговика, а снег все идет, а снег все идет, русское поле источает снег, а милиционер вылез из машины и увидел, как снеговик стал ходить (а это был летчик), удивился и застыл, а снег все идет, а снег все идет, а летчик залез в машину, русское поле источает снег, а милиционер стал как будто снеговик, и так все продолжалось и продолжалось, пока не настала весна. Снег растаял, и они все узнали друг друга и обнялись (они же были знакомые, летчик и милиционер, милиционер бы не залез без спроса в чужую машину, они даже были родными братьями). Они очень похудели, особенно летчик, потому что он все время писал. Сели на машину и умчались в лазурные дали, где нормально поели, наконец, пельменей со сметаной!